
СТАРТ—ЗЕМЛЯ,
ФИНИШ—ВЕНЕРА!
Межпланетная станция несет вымпел Советского Союза.
А. Итигин.
МАЙО СОЦКИЙ НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ.
О. рнов.
ДО ЗВ ЗД РУКО ПОДАТЬ.
Там, где пр е. Дерсу
ОГОНЁК
№ 8 ФЕВРАЛЬ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 8 (1757)

19 ФЕВРАЛЯ 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Н. С. Хрущев и первый секретарь ЦК Компартии Грузии В. П. Мжаванадзе среди работников сельского хозяйства Кахетии в селе Качрети, Гурджаанского района.

Фото А. Новикова.

Copyrighted material

10 и 11 ФЕВРАЛЯ В ВОРОНЕЖЕ ПРОХОДИЛО СОВЕЩАНИЕ ПЕРЕДОВИКОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ОБЛАСТЕЙ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОЙ ЗОНЫ. В КОНЦЕ СОВЕЩАНИЯ С ЯРКОЙ РЕЧЬЮ ВЫСТУПИЛ НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ ХРУЩЕВ.

Идет заседание.

В перерыве. Слева направо: заведующий свино- и птицефермой Е. П. Брянцев из Белгородской области, директор Ржавецкого совхоза К. Е. Семенов из Орловской области, звеньевая колхоза имени Сталина И. С. Щербакова и трактористка колхоза имени XX съезда КПСС А. Е. Стрижко из Воронежской области.

НАВСТРЕЧУ УТРЕННЕЙ ЗВЕЗДЕ!

12 февраля в Советском Союзе был успешно выведен на орбиту тяжелый искусственный спутник Земли. В тот же день с него стартовала управляемая космическая ракета. Впервые в истории человечества она вывела автоматическую межпланетную станцию на траекторию к нашей ближайшей таинственной соседке — планете Венера.

Раз в пять суток по команде с Земли «электронные корреспонденты» ведут репортаж с неведомого космического пути. Они рассказывают о результатах измерений, производимых научной аппаратурой на борту советской автоматической межпланетной станции, о режимах работы бортовых систем и агрегатов.

Copyrighted material

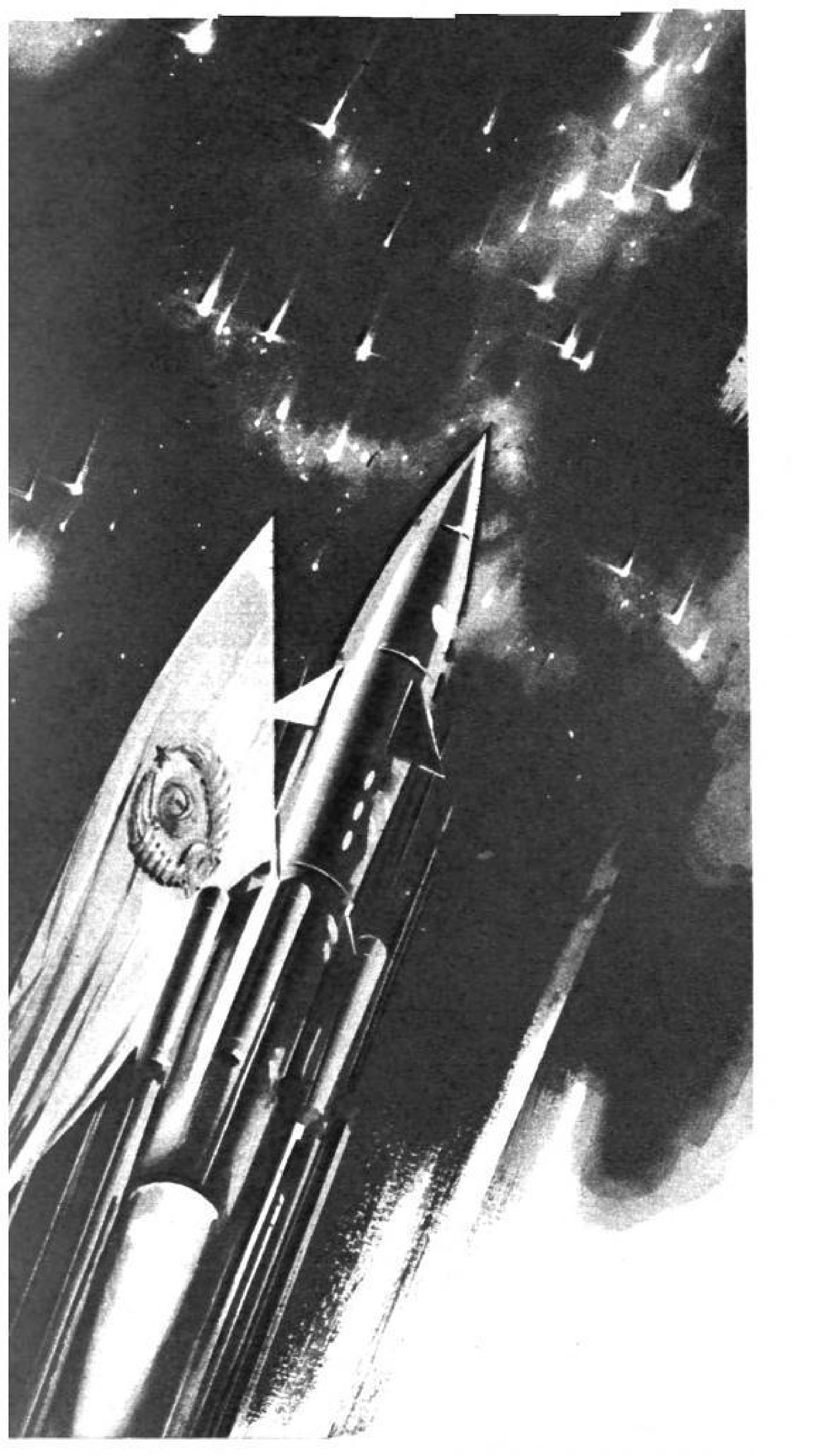

Рисунок В. ВИКТОРОВА.

ОШЕЛ

Мих. АЛЕКСЕЕВ

Это слово, пожалуй, сейчас употребляется чаще многих других слов — и не только потому, что все труднее становится отыскивать эпитеты, которые хотя бы приблизительно отражали меру наших подвигов, следующих один за другим. Очередной же космический подвиг советских ученых — точнее сказать, всех советских людей — воистину ошеломляющ, хотя официальное сообщение о нем выдержано в строгих, спокойных тонах; заметьте, ни единого восклицательного знака.

И вот она летит. Я еще не успею вывести одной буквы, а она уже оставит позади себя более четырех тысяч метров пути своего сказочного, фантастического полета; а когда выйдет журнал с этими строчками, бесстрашная путешественница будет находиться от родных берегов так высоко и так далеко, что от одной мысли о такой выси и о такой дали у человека может закружиться голова. А ведь ему, человеку, самому придется совершить подобное путешествие,— и так ли уж отдаленно от нас это время?!

Межпланетная станция с огневым вымпелом Советского Союза стремительно несется к планете Венера, к той самой голубовато-яркой точке, которую мы, кажется, раньше всех отыскиваем на небосводе среди других звезд; мыслимо ли добраться к ней, именно к ней, среди мириад мерцающих точек? Неискушенному уму трудно, прямо-таки невозможно поверить в такое. Однако ж станция летит, и мы тут, на Земле, слышим ее голос.

Когда же и как же все это началось?

Телеграфное Агентство Советского Союза сообщило ясно и точно: 12 февраля 1961 года. Это действительно так. Но почему-то думается, что началось все это гораздо раньше, а именно в октябре семнадцатого года, началось с исторического, эпохального залпа «Авроры» — залпа, известившего одновременно о том, что в развитии человечества наступила новая эра и что отныне старой матушке России со всеми ее нелестными определениями, как-то: кондовая, неповоротливая, посконная,— что отныне такой России раз и навсегда пришел конец. На смену ей явилась Республика Советов, страна, которая окажется самой проворной, самой поворотистой и в непостижимо малый срок станет одной из могущественнейших стран мира.

Правда, поначалу далеко не все верили в этакое чудо. Даже людям, не лишенным воображения, порою наши планы представлялись бесплодными мечтаниями; что ж, история сердито посмеялась над маловерами. В восторженном оцепенении застыл мир, следя за неслыханным полетом неслыханного создания рук человеческих.

Межпланетная станция продолжает продвигаться к иным мирам. Кто ж отправил ее в это дерзост-

Межпланетная трасса

Вас. КУЛЕМИН

Тот срок настал — рассветной ранью
Послали к звездам корабли.
Веками дерзость и познанье,
Крепя друг друга, рядом шли.

Но кто б подумал, что так близко
Для сыновей моей страны
От снежной целины сибирской
До той — межзвездной — целины!

И, утверждая нашу веру,
Сегодня, торопя мечту,
Летит ракета на Венеру
С гербом советским на борту.

ЦИОЛКОВСКИ

Небольшой листок слегка желтоватой бумаги. На одной его стороне воспроизведена фотография молодого мужчины с ясными, уверенно глядящими в даль глазами. Под фотографией подпись: «Николай Иванович Кибальчич». На другой стороне листка, видимо, вырванного из какой-то книжки, заголовок: «Биография Н. И. Кибальчича»,— а ниже четким, убористым шрифтом напечатана краткая биография замечательного революционера - народовольца, изобретателя и мечтателя.

Листок, который я держу в руках, мне передал К. Э. Циолковский.

...В 1931 году я посетил Константина Эдуардовича Циолковского в Калуге. Мы много разговаривали в то время о Кибальчиче. Циолковский рассказал мне очень любопытный случай. Незадолго до первой империалистической войны, в 1912 или 1913 году, один юноша, по-видимому студент, принес ему листочек из какой-то книжки и 12 страниц из другой книжки, которая не имела ни названия, ни начала, ни конца. На листке с портретом Кибальчича нумерация отсутствовала.

Уцелевшие страницы из другой книги имели нумерацию. На страницах 35—38 были даны выдержки из обвинительной речи прокурора Н. В. Муравьева, на страницах 39 — 46 — речь защитника Кибальчича, присяжного поверенного Герарда, и на страницах 47—48 — последнее слово Кибальчича.

Из каких книг были вырваны эти листки и когда была издана книга, Константин Эдуардович не знал.

— А из этих листочков,— горячо говорил мне Константин Эдуардович,— я смог узнать только о том, что Кибальчич работал над каким-то воздухоплавательным аппаратом. О том, что им еще в 1881 году была выдвинута идея реактивного прибора, я, к сожалению, не знал.

С тех пор минуло много лет. И вот сравнительно недавно, приступив к работе над сценарием документального фильма «Великое предвидение», я вновь взялся за книги Константина Эдуардовича и перечел запись бесед с ним.

Вспомнились и те листки с портретом Кибальчича, которые я видел в руках у Циолковского. Я решил выяснить, из каких же книг они были вырваны.

Поиски были долгими. Большую помощь оказали мне Государственные библиотеки имени В. И. Ленина в Москве и имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Сравнительно быстро удалось установить, что 14 страниц (с 35 по 48) являются частью книги «Кибальчич Николай Иванович. Биография и процесс». Эта книга была издана неким Вл. Раслоповым в Петербурге в 1906 году.

Сложнее оказалось выяснить, какой же книге, журналу или сборнику принадлежит листок с портретом и биографией Н. И. Кибальчича.

До революции о Кибальчиче было издано несколько книг, из них первая вышла в Лондоне в 1882 году, называлась она просто «Николай Иванович Кибальчич» и была посвящена суду над Кибальчичем.

Copyrighted material

О М Л Я Ю Щ Е...

ное путешествие, кому обязана она своим рождением?

Прежде всего, разумеется, нашей Коммунистической партии: она дала толчок стране для стремительного рывка вперед; сотням и сотням тысяч ее бойцов, в которых ни царские тюрьмы, ни каторга — ничто не могло погасить веру в праведность дел своих, высоких дум о будущем человечества; партии, которая, едва отгремели бои гражданской войны, усадила страну за парту и сказала ей: учись!

Советскому солдату, который на протяжении всех этих сорока с лишним лет не выпускал из рук оружия, отстаивая бессмертное дело Октября; солдату, который и ныне стоит на своем посту, так что ученый и рабочий могут спокойно трудиться, один — в своей лаборатории, другой — в своем цеху.

Ученому, ни на минуту не забывающему о своем долге перед страной, перед народом, давшим ему знания и вручившим судьбу отечественной науки; человеку, который, наверное, проводит сотни бессонных ночей, чтобы прославить Родину открытиями, равных которым нет ни в одной другой стране.

Рабочему, золотыми руками коего создаются детали умнейших машин.

Колхознику, который кормит и солдата, и ученого, и рабочего.

Всем друзьям нашим на всех континентах, которые и в горестях наших и в радостях всегда были мысленно с нами, верили глубокой верою в дела наши и устремления; теперь, слушая из бесконечных просторов космоса сигналы посланца Земли, они могут от всего сердца поздравить нас с этой великой победой, а себя — с тем, что никогда не сомневались в успехе советского народа.

Все дальше и дальше стремится материализованная и воплощенная в межпланетном космическом корабле человеческая мысль. Впрочем, она уже обогнала и этот стремительный корабль, она уже прощупывает иные миры, давно проникла к звездам, как смелый разведчик грядущих путешествий межнебесных тел. Я думаю об этом, а вспоминаю калужского учителя; вот он склонился над тетрадкой и заносит в нее пророческие слова: «Человечество не останется вечно на Земле, но, в погоне за светом и пространством, сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе всё околосолнечное пространство».

Должно быть, придет время, когда эти слова будут написаны на многих межпланетных лайнерах, для которых путешествие с Земли к Луне, Марсу, Венере и к остальным планетам станет обычным делом. Но куда б они ни уносили человека, все ж он, человек, на веки вечные останется жителем Земли, давшей ему не только смелый, беспокойный, ищущий ум, но и сыновнюю любовь с ее непобедимым убеждением в том, что Земля — лучшая из всех планет. И ежели я, человек, и стремлюсь к звездам, то только потому, что Земля дала мне ум, волю и крылья. Для славы Земли, для гордой радости людей, которые все могут, мы рвемся ввысь, штурмуем космос, расширяя пределы наших познаний, чтобы стать еще более могущественными. И как же не гордиться тем, что и в штурме космоса мы, советские люди, идем впереди, идем, не дожидаясь того, чтобы кто-нибудь проложил нам дорогу! Мы сами пролагатели таких дорог!

Межпланетная автоматическая станция легла на курс и уверенно движется по нему, движется в район Венеры. Повторяю, неискушенному уму нелегко в это поверить. Ракета (можно представить себе, какова она!) вывела тяжелый искусственный спутник Земли именно на ту орбиту и именно в тот момент, в то мгновение, когда от нее и должна была оторваться (похоже, не то слово я употребил) автоматическая межпланетная станция и, в свою очередь, «взять след» Венеры и с поистине космической быстротой устремиться к ее владениям. Ежели это не сказка, так что же это? Между тем это не сказка.

Мне понятно изумление французской газеты «Орор», которая пишет:

«Подвиг, совершенный впервые в мире, потребовал точности в 400 раз большей, чем при запуске ракеты на Луну. Это то же самое, что попасть в муху на расстоянии 1 500 километров».

В самом деле, непостижима такая точность прицела, если еще учесть, что сама цель находится в непрерывном движении.

...Она летит. Люди слышат ее голос.

А мне хочется увидеть тех, разумом и руками которых она сотворена, эта изумительная межпланетная станция, увидеть, обнять их всех по очереди и сказать:

— Спасибо, родные. Я счастлив быть вашим современником. Я счастлив тем, что вы не запоздали и сделали меня и всех моих соотечественников свидетелями ваших сказочных свершений. Все, что вы делаете, вправду ошеломляюще.

ПОЗДРАВЛЯЕМ СОВЕТСКИХ КОЛЛЕГ

Ученые всего мира с огромным интересом встретили сообщение о запуске к планете Венере автоматической межпланетной станции. Редакция журнала «Огонек» попросила некоторых из них прокомментировать это событие.

Президент Германской академии наук в Берлине профессор д-р Вернер ХАРТКЕ:

— Новая межпланетная автоматическая станция, выведенная космической ракетой на траекторию к планете Венере,— это еще одна выдающаяся победа, убедительно свидетельствующая о грандиозном прогрессе советской науки и техники. В невероятно широком масштабе решена сложнейшая проблема управления телами с относительно большой массой на гигантских расстояниях.

Результаты исследований, проводимых с помощью аппаратуры этой новой космической станции, представляют для ученых исключительный интерес. Нет сомнения, что они еще более приблизят практическое решение величественной задачи — полета человека в космос и его благополучного возвращения на нашу планету.

Президент Польской академии наук профессор д-р Тадеуш КОТАРБИНСКИЙ:

— Я восхищен новым великолепным достижением советской науки и техники, приближающим возможность проникновения исследовательских ракет в сферы, достаточно близкие к планетам солнечной системы, для того, чтобы получить достоверные сведения о происходящих там явлениях. Поздравляю советских коллег!

Й И КИБАЛЬЧИЧ

Далекое — близкое

Вторая книга, «Русский революционер Николай Иванович Кибальчич», появилась в 1903 году, видимо, в очень небольшом количестве экземпляров. И, наконец, третья, та, о которой уже упоминалось.

Но ни в одной из этих книг такого листка с портретом и биографией Кибальчича, который был у Циолковского, обнаружить не удалось. Пришлось приняться за журналы и сборники.

Наконец в третьем номере сборника «В борьбе», изданного в 1906 году в Петербурге, я увидел знакомый портрет Кибальчича.

Три небольших книжечки и заметка в журнале — вот и все, что было написано и напечатано о Кибальчиче до революции. Проект его так и остался необнародованным.

В 1918 году в № 10 журнала «Былое» был впервые опубликован хранившийся в секретных архивах царской охранки «Проект воздухоплавательного прибора» Н. И. Кибальчича, статьи историка П. Е. Щеголева и инженера Н. А. Рынина, оценивающие этот проект, и материалы о деле первомартовцев и о суде над ними.

Взрыв бомбы освободил Россию от одного тирана — Александра II, но на смену ему на престол вступил Александр III.

Кибальчич мечтал не только о том, чтобы сила взрыва изготовленного им снаряда освободила Россию от тирана. Он мечтал о другом — о том, что «сила взрывов освободит человека от земного рабства и силой взрывов вознесется когда-нибудь человек к звездам».

Когда Кибальчич был заключен в Петропавловскую крепость, то его защитник В. Н. Герард, встретившись со своим подзащитным, был потрясен тем, что человек, которому оставалось жить всего лишь несколько дней, «был погружен в изыскание,— как говорил Герард в своей речи,— которое он делал о каком-то воздухоплавательном снаряде; он жаждал, чтобы ему дали возможность написать свои математические изыскания об этом изобретении».

И в особом присутствии Сената Николай Иванович Кибальчич закончил свое последнее слово: «Я написал проект воздухоплавательного аппарата. Я полагаю, что этот аппарат вполне осуществим. Я представил подробное изложение этого проекта с рисунками и вычислениями. Так как, вероятно, я уже не буду иметь возможности выслушать взгляда экспертов на этот проект и вообще не буду иметь возможности следить за его судьбою, и, возможно, предусмотреть такую случайность, что кто-нибудь воспользуется этим моим проектом, то я теперь публично заявляю, что проект мой. Эскиз его, составленный мною, находится у Герарда».

Незадолго до казни Кибальчич в камере Петропавловской крепости работал над своим проектом реактивного летательного аппарата. Перед самой казнью он писал: «Если же моя идея, после тщательного обсуждения учеными специалистами, будет признана исполнимой, то я буду счастлив тем, что окажу громадную услугу родине и человечеству; я спокойно тогда встречу смерть, зная, что моя идея не погибнет вместе со мной...»

У Александра III хранился странный альбом. По приказанию царя в этом альбоме были собраны портреты русских революционеров. Очевидно, царь хотел видеть лица тех представителей народа, которые дерзнули вступить на путь борьбы с царем, с самодержавием. И среди этих фотографий был снимок Николая Кибальчича, народовольца, создавшего конструкцию взрывателя и изготовившего мины, одной из которых и был убит царь.

...Кибальчич родился в 1854 году. Циолковский — в 1857 году. Ничего не зная в течение долгих лет о проекте Кибальчича, Константин Эдуардович разработал теорию исследования мировых пространств с помощью реактивных приборов. Труд Кибальчича был запрятан в секретном архиве царской охранки. Но его дерзкая творческая мысль не умерла вместе с ним. Циолковский пошел дальше — он создал стройную научную систему, и его великое предвидение уже в значительной степени оправдалось в наши дни, в дни, когда советская космическая ракета летит к Венере...

Н. САЛАМАНОВ

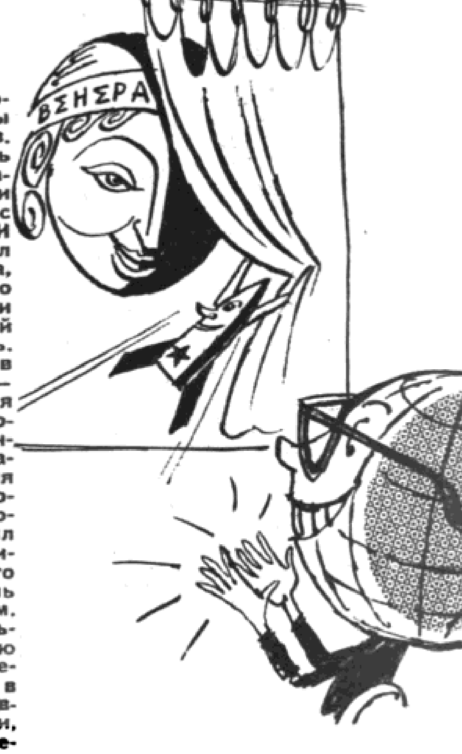

Рисунок Ю. Черепанова.

Copyrighted material

Проклятие палачам!

— Проклятие палачам Патриса Лумумбы! Свободу Конго! Колонизаторы, вон из Африки! — звенят гневные голоса.

В Москве, перед бельгийским посольством, собрались тысячи людей, чтобы выразить свое негодование.

В старинном особняке плотно зашторены окна, накрепко заперты двери, лишь изредка мелькнет за приоткрывшейся занавеской испуганное лицо.

А люди идут и идут.

— Даг — в отставку! Даг — в отставку! — скандируют сотни голосов.

Возникают стихийные митинги. Ораторы клеймят позором империалистов и их прихвостней.

Выступают студенты Университета дружбы, представители африканских народов.

— Убийство Лумумбы — это выстрел в нас, в каждого участника освободительной борьбы,— говорят они.— Колонизаторы хотели бы таким же образом расправиться со всей пробудившейся Африкой. Но их время прошло. Африку теперь не запугать. Африканцы добудут свободу!

Ю. КРИВОНОСОВ

ТЫ ПОБЕДИШЬ, КОНГО!

Одна из последних фотографий Патриса Лумумбы. Схваченный мобутовцами, он оставался страшным для них. Мобуту и Касавубу выдали его на расправу Чомбе. Неслыханным мукам подвергли его ставленники колонизаторов. Пилот, который вез Лумумбу и его друзей из Леопольдвиля в Элизабетвиль, рассказал, что героя били, вырывали у него волосы и заставляли их есть. Но лишь смерть Лумумбы устраивала преступников — и злодеяние было совершено.

Историки еще напишут книги о недолгой, но яркой жизни Патриса Лумумбы. Художники сохранят для будущих поколений образ героя. И в свободном Конго люди будут петь песни, сложенные в его честь поэтами.

Но для нас, современников, имя Лумумбы — это не история и не эпос. Это трагедия сегодняшнего Конго, это муки, скорбь и борьба конголезского народа.

Кровавая расправа над законным премьер-министром Конго Патрисом Лумумбой и его сподвижниками Морисом Мполо и Жозефом Окито—преступное деяние международного колониализма.

Имя Лумумбы было знаменем единого и независимого Конго. В этом человеке воплотилась воля конголезского народа положить конец власти колонизаторов. И колонизаторы не могли простить этого. В заговоре против Конго участвовали многие силы: и бельгийские толстосумы из компании «Юньон миньер», нажившие миллиарды на грабеже конголезского народа; и другие империалисты, делившие с ними эти миллиардные доходы; и мелкие людишки типа Чомбе, Мобуту и Касавубу, делающие себе карьеру на крови соотечественников.

Соучастники подлого преступления — Даг Хаммаршельд, генеральный секретарь ООН, и командование войск ООН в Конго. Кровь Лумумбы — на руках Хаммаршельда. Гнусный сговор колонизаторов и прямых уголовных преступников с этим «дипломатом» раскрыт полностью.

Но преступники не успокаиваются. Они хотят действовать так же, как и раньше, закрепляя в Конго власть колонизаторов. Чомбе сколачивает армию, в которой уже насчитывается 400 иностранных военных специалистов, прежде всего, конечно, из Бельгии. Он развернул кампанию по вербовке в «иностранный легион». Американский журнал «Ньюсуик» сообщает, что каждую неделю «вербуются 300 бельгийцев, французов и немцев».

Клика Чомбе, Мобуту, Касавубу и Калонжи — кандалы, которые колонизаторы надели на Конго. Но эти марионетки, как бы они ни старались, не остановят народ в его борьбе за свою свободу. Колониализм—вчерашний день истории. Никакими кровавыми преступлениями ему не удастся спасти себя.

Совесть мира не может примириться с содеянным преступлением. Волна возмущения катится по всему земному шару: народы настаивают на суровом наказании виновных. Советское правительство в своем заявлении требует, чтобы ООН решительно осудила действия Бельгии, приведшие к преступлению, и применила санкции против агрессора, чтобы были арестованы Чомбе и Мобуту, чтобы из Конго были выведены все иностранные войска и конголезский народ получил возможность сам решать свои внутренние дела. Хаммаршельд, говорится в заявлении, должен быть смещен со своего поста как соучастник и организатор расправы над Лумумбой и его соратниками. Оплот независимости Конго — город Стэнливиль, где находится национальное правительство, возглавляемое Антуаном Гизенгой. «Необходимо оказать всемерную помощь и поддержку национальному правительству Конго в Стэнливиле»,— заявило Советское правительство.

Конго продолжает бороться. В рядах народных борцов за счастье страны жив неукротимый и гордый дух Лумумбы.

Copyrighted material

Встанет плотина на Ниле

И. БЕЛЯЕВ

Фото автора.

На трассу водосбросного канала приехали руководитель строительства доктор Хасан Заки и главный советский эксперт профессор И. В. Комзин.

Полтора года назад в один из жарких июньских вечеров в Охотничьем клубе Каира был устроен большой прием. Министр общественных работ ОАР Муса Арафа принимал гостей — советских гидроэнергетиков, привезших поправки к первоначальному варианту Высотной Асуанской плотины, и приглашенных для консультации западных экспертов.

Внешне в Охотничьем клубе все было, как на обычном приеме. Вокруг хозяев и гостей сновали арабские и иностранные журналисты, все улыбались и обменивались любезностями. Но ни улыбки, ни любезности не могли скрыть уверенности одних, растерянности других и неуемного любопытства третьих. Будут ли приняты советские поправки и предложения к проекту Высотной плотины? Уже первая встреча нашей делегации с западными консультантами показала, что те против советских предложений. В один голос они говорили, что эти предложения «смелы, оригинальны», но «не подтверждены практикой». Западная печать немедленно зашумела о возможном срыве сотрудничества ОАР и Советского Союза, о «непреодолимых трудностях»...

Советские специалисты чувствовали себя уверенно. Значительно хуже чувствовали себя оппоненты, понимавшие, что их «доводы» легко разбиваются этими «упрямыми русскими».

Я беседовал в тот памятный вечер почти со всеми западными экспертами, спрашивал об их отношении к предложениям советских инженеров. Они предпочли отделаться невнятными комплиментами в адрес нашего гидростроения. Откровеннее других оказался американец Штрауб.

— А не думаете ли вы,— сказал он,— что главной трудностью, стоящей перед вашими соотечественниками, является отнюдь не защита своих предложений? Предложения хороши, и у господина Комзина достаточно опыта, чтобы их осуществить. Но ведь работать ему и его инженерам придется с арабами. А арабы еще никогда с советскими гидростроителями не работали. Ведь у них совсем другая школа. Чтобы найти с ними общий язык, потребуются годы. Вот в чем главная трудность!

После слов Штрауба мне стало понятно, куда клонил он сам и некоторые его коллеги. Тогда в Каире они старались посеять недоверие к советским инженерам.

Но семена недоверия, которые сеял господин Штрауб, не взошли.

В октябре 1959 года энергетики ОАР приехали на перекрытие Днепра. Особенно внимательно наблюдал за всем происходящим один из старейших арабских специалистов по плотинам, доктор Хасан Заки.

— Мы пробыли целую неделю на Кременчугской ГЭС,— заявил он.— Особенно внимательно наблюдали подготовку к перекрытию и само перекрытие. Советские инженеры применили смелую, великолепную схему... Мы надеемся, что сможем сделать то же самое с Нилом.

Именно тогда в Кременчуге доктор Заки и его коллеги окончательно убедились, что «русские поправки» отлично проверены опытом. Доверие к советским гидростроителям возросло необыкновенно. Когда там же, в Кременчуге, зашел разговор о том, кого доктор Заки хотел бы пригласить на работу в Асуан, он, не задумываясь, повернулся к большой доске почета и сказал:

— Мы просим прислать к нам таких, как они.

Площадка ас-Садд аль-Али (эти два арабских слова означают «высотная плотина») очень велика. Ее основные участки разбросаны на обоих берегах Нила и отстоят друг от друга на целые километры. Начинается она у южной окраины Асуана: здесь, за небольшой аркой, воздвигнутой еще в честь начала строительства, стоят постройки железнодорожной станции «Садака», что значит «дружба». Слово «садака» часто звучит на берегах Нила.

Бригадиру Мухаммеду Али 55 лет. У него обветренное, морщинистое лицо, щеточка выцветших усов, крепкие руки.

— Ас-Садд аль-Али не первая моя стройка,— говорит он.— За свою жизнь я их перевидел много и всяких. Мои руки управляли разными машинами. Работал у англичан, французов. Ваши машины хороши. Но русские парни, приехавшие к нам с Волги и из Сибири, аллах этому свидетель, еще лучше. Они не только охотно и с большим терпением учат наших молодых ребят да и стариков своему искусству, но и относятся к нам по-человечески, с уважением, как равные к равным. А такое нам приходилось испытывать нечасто. Они делают великое дело!

Другая встреча произошла в Караке.

Карака — сердце ас-Садд аль-Али — царство экскаваторов, выгрызающих русло будущего водосбросного канала. Первое, что мы увидели здесь,— это очередь самосвалов, терпеливо ждавших, когда можно подойти под ковш экскаватора. Очередь двигалась быстро. «Воронежец» смело вгрызался в разрыхленную взрывами породу, поднимал ее вверх и спустя мгновение сбрасывал в кузов.

«Красивая работа»,— подумал я и тут же поинтересовался у подошедшего инженера Валентина Николаевича Журновского, руководившего взрывными работами, кто экскаваторщик.

Признаюсь заранее, я приготовился услышать фамилию кого-нибудь из экскаваторщиков-асов, прославившихся на Волге или Днепре.

— Это Мустафа аль-Гади,— ответил Валентин Николаевич.

Оказалось, что Мустафа аль-Гади одним из первых освоил воронежский экскаватор. Обучал его Георгий Дузик, один из героев Кременчуга.

Естественно, что первым моим вопросом к Мустафе, едва он соскочил на землю, уступив место за рычагами напарнику, был вопрос о том, пришлась ли ему по душе советская машина.

— Машина превосходная! — ответил Мустафа аль-Гади. — Работать на ней легко. Я знаю многие экскаваторы, особенно английские и западногерманские. Но ваши покоряют простотой в управлении и безотказностью...

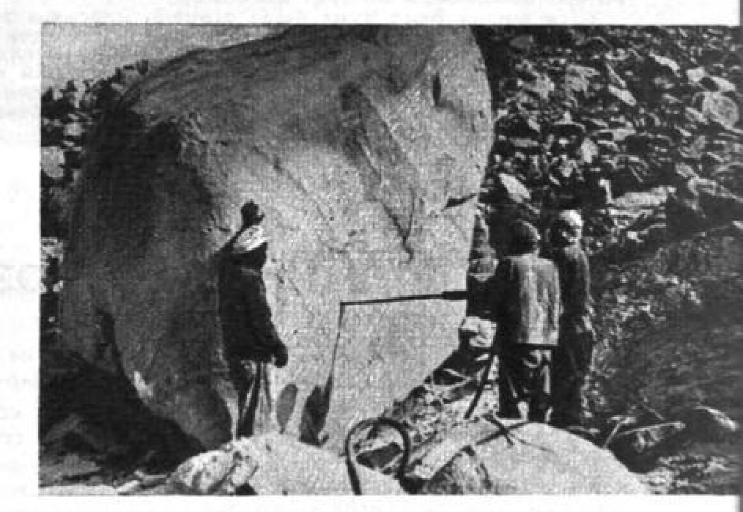
Я рассказал лишь о нескольких эпизодах, связанных со строительством ас-Садд аль-Али. Взрыв, возвестивший в январе 1960 года о его начале, рассеял надежды недоброжелателей, ожидавших, что всякого рода трудности сорвут арабско-советское сотрудничество. Доверие арабских энергетиков к своим советским коллегам, окрепшее на Днепре, дает уже первые плоды на Ниле. Теперь арабы уверены, что с помощью СССР они построят ас-Садд аль-Али, создадут сильную национальную экономику. У гранитных скал Нила родилась и крепнет с каждым днем хорошая трудовая дружба.

Один из энтузиастов ас-Садд аль-Али — чехословацкий художник Милан Галашка.

— Отличная машина «Воронежец»!

Крепки нильские граниты.

На Караке, основном участке площадки ас-Садд аль-Али, людей почти не видно. Но работа кипит. Все делают машины! Их на ас-Садд аль-Али больше, чем на любой другой стройке ОАР.

ВЕНГЕРСКИЙ БОЛЬШЕВИК

Бела Кун. 1920 год.

Исполняется 75 лет со дня рождения Бела Куна — пламенного революционера, крупного деятеля международного рабочего движения.

Революционную деятельность Кун начал на заре XX века, когда вступил в венгерскую социал-демократическую партию.

Переломными в жизни революционера были годы мировой войны. Офицер австро-венгерской армии, Кун, находясь в плену в Сибири, установил связь с томскими большевиками. С тех пор вся его деятельность — это деятельность большевика-ленинца. В. И. Ленин говорил: «Товарищ Бела Кун хорошо знаком был мне еще тогда, когда он был военнопленным в России и не раз приходил ко мне беседовать на темы о коммунизме и коммунистической революции». После победы Великой Октябрьской социалистической революции Бела Кун возглавил венгерскую группу РКП(б), сыгравшую большую роль в большевизации тысяч венгерских военнопленных, находившихся в русском плену. Велика его заслуга в формировании интернациональных воинских частей Красной Армии.

О Куне заговорил мир в дни венгерской пролетарской революции 1919 года, когда Бела Кун, «наш товарищ и коммунист, полностью прошедший практический путь большевизма в России» (В. И. Ленин), стал во главе Советской власти в Венгрии.

В 1921 году на страницах мировой печати снова замелькало имя Б. Куна. О «венгерском большевике» писали на этот раз как об одном из руководителей знаменитых мартовских выступлений германского пролетариата.

1928 год. Бела Кун снова в гуще революционных событий. На этот раз в Вене. Власти арестовывают его. Ему грозит суд, но под давлением широкой кампании, прокатившейся по Европе, Куна освобождают, и он едет в СССР.

Вся жизнь Бела Куна была осенена красным знаменем, и орден Красного Знамени, которым он был награжден в 1927 году,— это символ его неутомимой революционной деятельности.

Ниже мы печатаем отрывки из воспоминаний жены Бела Куна Ирэн Кун, относящиеся к деятельности руководителя венгерских коммунистов накануне провозглашения Венгерской советской республики.

Из воспоминаний Ирэн Кун

Центр Венгерской коммунистической партии помещался в Будапеште, на Вишеградской улице, в доме номер 15.

В то время эта улица и дом стали в глазах масс символом. Помещение центра всегда было переполнено рабочими, солдатами и молодежью, желавшими получить ответ на все вопросы. Почти каждый хотел побеседовать с прибывшими из России товарищами и по возможности с Бела Куном.

По утрам, уходя из дому, Бела Кун никогда не говорил, что идет в партийный центр. «Я иду на Вишеградскую улицу»,— говорил он, и мне сразу становилось ясно, что его не надо ждать ни к обеду, ни к ужину. Работа занимала у него весь день, а все остальное было делом десятым. «Найдется немного сала с паприкой (это было любимое блюдо Бела Куна), и все в порядке».

Поздно вечером Бела Кун возвращался домой обычно с двумя-тремя товарищами. «Дайте нам что-нибудь поесть, мы очень проголодались»,— говорил он. Я приносила «что-нибудь», усаживалась вместе с ними и часто до рассвета слушала их разговоры, рассказы о митингах на предприятиях, заводах, в казармах, на улицах.

Иногда коммунисты выступали вместе с социал-демократическими ораторами. Обычно коммунисты одерживали верх. Рабочие слушали рассказы вернувшихся из России товарищей о Ленине, и его имя пользовалось все большей любовью и уважением. Не раз на митингах социал-демократов освистывали.

...Товарищи уходили, а Бела Кун еще долго не мог уснуть. Он размышлял о планах на ближайшие дни, о том, что надо писать завтра в передовой статье газеты «Вереш Уйшаг» («Красная газета»), которую редактировал Тибор Самуэли, а автором передовых часто являлся Ласло Рудаш.

Бела Кун принимал самое активное участие в подготовке каждого номера газеты.

Много забот требовала агитационная работа в провинции среди крестьян, среди солдат и молодежи. Эту работу Бела Кун особенно любил. Связь его с молодежью никогда не прекращалась, и он не раз гордо говорил: «Хорошие будут коммунисты! Я в них верю!»

* * *

Лидеры социал-демократической партии знали Бела Куна по его участию в рабочем движении еще до первой мировой войны. Когда он вернулся на родину, они пытались повлиять на него... Увидев, что убедить Бела Куна невозможно, они начали непримиримую борьбу против него и коммунистической партии. Однако им не удалось оторвать, отпугнуть массы от коммунистов. Все больше рабочих вступали в ряды Венгерской коммунистической партии.

Большую партийную работу вели вернувшиеся из России, сражавшиеся на фронтах гражданской войны опытные, закаленные коммунисты Ференц Мюнних, Тибор Самуэли и другие.

Члены буржуазного правительства, лидеры социал-демократов и профсоюзов с испугом следили за событиями. Они видели, как растет в массах авторитет коммунистической партии, как выскальзывает из их рук власть.

На коммунистов начались гонения. Помещение центра на Вишеградской улице было полно тайных и явных агентов полиции. Коммунистическим руководителям приходилось часто менять квартиры.

...Однажды около 12 ночи к нам постучали. Дверь открыла хозяйка квартиры. Бела Кун быстро оделся и вышел из спальни. От шума проснулась наша четырехлетняя дочь Агнеш и спросила, кто пришел. «К папе зашли товарищи, лежи спокойно»,— ответила я. Но дочка не послушалась, выбежала из комнаты и направилась прямо к «товарищам». Она дружески поздоровалась с ними и заявила: «Хозяйка буржуйка». Начальник полицейских принялся укорять меня за то, что я воспитываю ребенка в таком враждебном духе. Он немедленно пошел к хозяйке, надеясь получить от нее материал против Куна. Он ошибся, хозяйка очень хорошо отозвалась о нас: «У меня никогда не было лучших жильцов. Агнеш я люблю как собственное дитя. Нельзя принимать всерьез болтовню четырехлетней девочки».

...После окончания обыска, который длился несколько часов, Бела Куну предъявили приказ об аресте.

* * *

Утром вместе со своим родственником-адвокатом, который узнал, что арестованные коммунисты находятся в доме предварительного заключения, мы отправились в тюрьму.

...По дороге мы услышали крики газетчиков, которые бежали, размахивая свежими выпусками: «Бела Кун умер! Убит Бела Кун!»

...С большим трудом нам удалось заполучить один номер газеты. Это была ежедневная «Аз эшт» («Вечер»). В ней сообщалось об избиении коммунистов и со всеми подробностями описывалось, как избивали Бела Куна.

После долгих мытарств мне, наконец, удалось получить разрешение на свидание с Бела Куном. Он лежал в маленькой комнате рядом с приемной врача. Когда мы остались вдвоем, Кун тихо спросил: «Что с движением?» Из-под огромной повязки виднелись только рот и опухшие глаза. На его вопрос я, маловерная, признаюсь, ответила: «Все пропало. Руководители коммунистов арестованы». «Посмотришь, что будет через три-четыре недели»,— сказал Бела Кун.

...Арест руководителей был большим ударом для коммунистического движения Венгрии. Однако симпатии рабочих к коммунистам непрерывно росли. Новый ЦК, руководителем которого был Тибор Самуэли, находившийся на нелегальном положении, продолжал работу. Члены нового ЦК, оставшиеся на свободе, держали с Бела Куном постоянную связь.

Трогательна была забота рабочих об арестованных коммунистах. Их приходилось даже предупреждать, чтобы они не тратили столько денег на еду, белье и книги. Однако ничего не помогало. Заключенные угощали даже нас, своих посетителей.

* * *

А в это время положение правительства становилось все тяжелее и тяжелее. Рабочие крупнейших заводов, присоединяясь к коммунистической партии, заявляли о том, что они поднимут восстание за освобождение арестованных коммунистов. Одновременно реакция усилила подстрекательство против социал-демократической партии. Социал-демократы были вынуждены были пойти на переговоры с коммунистами...

20 марта лидеры социал-демократов явились к Бела Куну в тюрьму для переговоров. Я с товарищами ждала в коридоре. Мы очень волновались. В тюрьме был подписан документ, призывавший к объединению рабочего класса в борьбе против буржуазии и к установлению диктатуры пролетариата.

...Вечером, когда Бела Кун уже был на свободе, на общем заседании представителей коммунистической и социал-демократической партий было создано Советское правительство, заявлено об объединении обеих партий на основе коммунистической платформы, назначены комиссары и их заместители. Это историческое совещание окончилось на рассвете.

Все разошлись. Отправились домой и мы с Бела Куном.

На следующий день, когда я проснулась, Бела Кун стоял уже одетый. Он сказал, чтобы я не ждала его: целый день он будет занят. Он идет на Вишеградскую улицу.

Бела Кун с женой и дочерью. Снимок сделан в 1915 году, перед тем, как Бела Кун был отправлен на фронт.

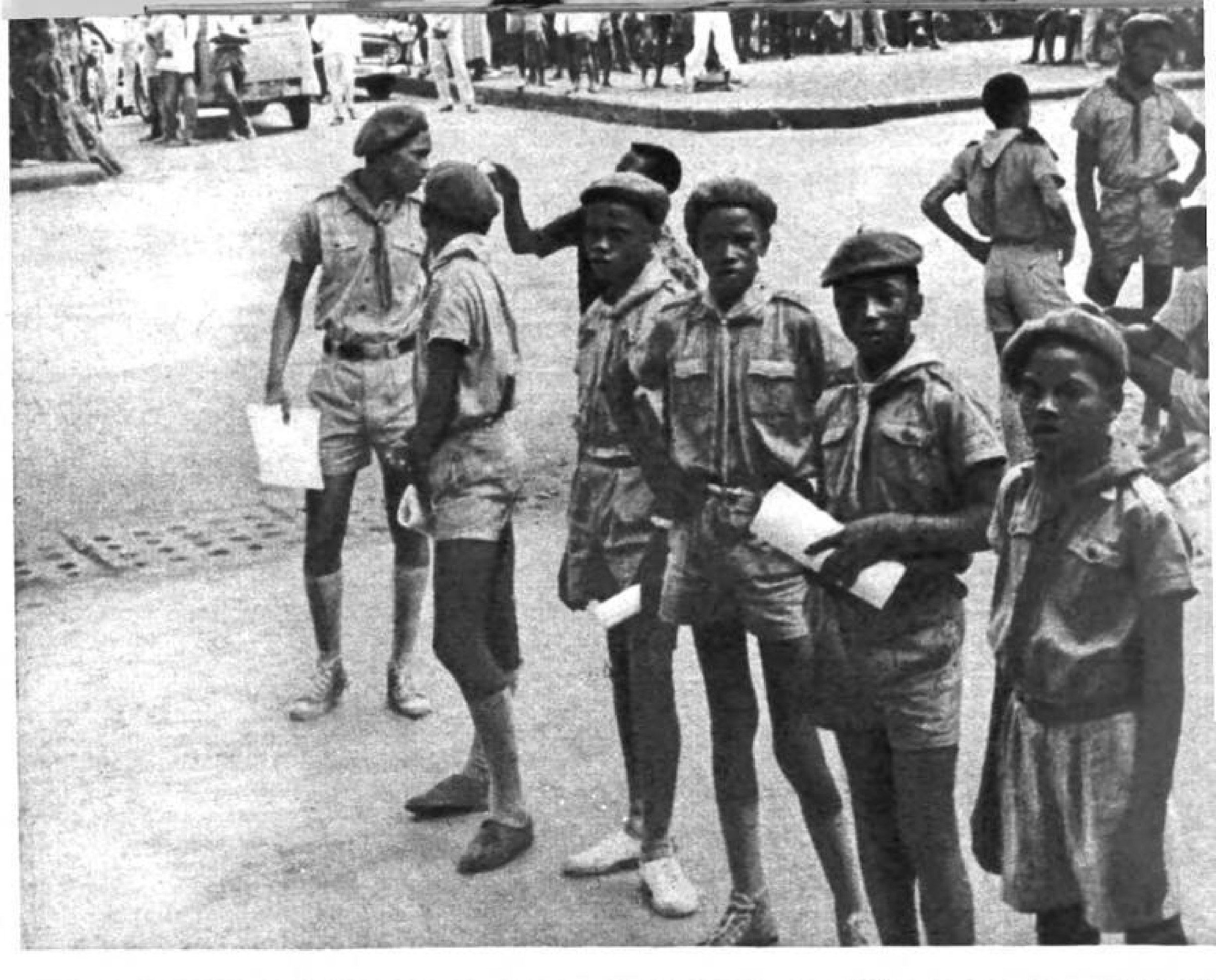
Copyrighted material

РУКА ОБ РУКУ

В эти дни свободный народ Гвинеи тепло и радушно встречал высокого гостя из Советской страны — Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева и сопровождавших его лиц. Словно ближе стала далекая африканская страна. «В борьбе против империализма и колониализма, за мир во всем мире Советский Союз и Гвинейская Республика идут рука об руку со всеми миролюбивыми странами мира»,—сказал на митинге в Конакри Л. И. Брежнев.

На нашем снимке — пионеры Гвинеи. Много нового вошло в жизнь молодой африканской республики после того, как ее народ сбросил с себя иго колониализма. И главное — это уверенность, что свобода пришла к нему навсегда.

→

ВСЕГДА В ПУТИ

Галина Николаева.

Фото Дм. Бальтерманца.

Люди строят новую жизнь: они работают, отдыхают, спорят, радуются, торжествуют и огорчаются... У них есть свои недостатки, бывают у них ошибки, но эти люди так любят свое дело, так устремлены в будущее — «в коммунистическое далеко» — что их, лучших героев произведений Галины Николаевой, можно смело взять своими спутниками в большую и трудную дорогу, которой шагает советский народ.

Автору романов «Жатва» и «Битва в пути», «Повести о директоре МТС и главном агрономе» Галине Евгеньевне Николаевой 50 лет. В 1945 году в Нальчике вышла ее первая книжка стихов, а затем вторая. Трудно было тогда представить, что молодая поэтесса станет работать в труднейшем прозаическом жанре романа. Николай Тихонов в связи с книгой стихов Г. Николаевой «Сквозь огонь» отмечал умение писательницы откровенно говорить «о главном, о чувствах, которым свойственна высокая человечность, предельная искренность и страсть». Это умение сказалось и в рассказах, и в повести, и в романах Галины Николаевой. Поэтому они всегда вызывают споры, никого не оставляя спокойным.

На наш вопрос, чем занята сейчас писательница, Галина Евгеньевна ответила, что она заканчивает цикл новелл о любви, которые должны появиться в журнале «Знамя». Много времени требует и совместная работа с постановщиками кинокартины «Битва в пути», которая сейчас снимается на «Мосфильме».

В. АННЕНКОВ

НАГРАДЫ ПОБЕДИТЕЛЯМ

Собрание представителей домовых комитетов Москвы, созванное Исполкомом Московского Совета, Президиумом Московского городского Совета профессиональных союзов и редакцией «Огонька», состоялось в Колонном зале Дома союзов. С докладом об итогах соревнования общественников в прошлом году и задачах на 1961 год выступил заместитель председателя Исполкома Моссовета Е. И. Борисов. Затем победителям соревнования были вручены грамоты Моссовета, МГСПС и вымпелы «Огонька».

В фойе можно было ознакомиться с выставкой работ общественников.

Фото А. Бочинина.

Три медали из трех

Валентина Стенина — чемпионка мира.

Любимый лед Валентины Стениной требует пяти градусов ниже нуля. Норвежцы показали Валентине прародительницу гарпунных пушек, познакомили ее в местном музее с различными породами китов, но такого льда, как ей бы хотелось, создать не смогли: не хватило главного — мороза.

Может быть, поэтому Валентина Стенина перед первым стартом на 500 метров и сказала нам:

— Меня устраивает и десятое место. Ведь еще никогда я не побеждала на спринтерской дистанции.

— По мягкому тёнсбергскому льду нужно бегать коротким шагом,— посоветовала Стениной рекордсменка мира в беге на 500 метров Тамара Рылова, на сей раз занявшая место на скамье запасных.

И вот этот-то совет и помог Валентине. Не Хельга Хаазе, олимпийская чемпионка из ГДР, и не чемпионка СССР Альбина Тузова показали лучшее время, а Валентина Стенина.

Неудачно сложилась борьба на первой дистанции для двукратной абсолютной чемпионки мира Инги Ворониной. В нескольких метрах от финиша она упала. И все же Стенина считала ее своей главной соперницей. По сумме многоборья Инге Ворониной, конечно, догнать ее будет трудно, но есть ведь иной способ завоевать первенство: выиграть три дистанции. В этом случае Валентине не поможет даже лучшая сумма в многоборье.

Вот почему на старт полуторакилометровой дистанции Валентина Стенина вышла с одной мыслью: не проиграть Ворониной ни одной секунды. Надо сказать, что 1 500 метров — любимая дистанция Стениной, и на сей раз никто не смог улучшить показанное ею время.

Победа в первый день на двух дистанциях обеспечила Стениной огромный перевес, но и второй день она провела блистательно, установив новое мировое достижение для равнинных катков в беге на 1 000 метров — 1 минута 37,8 секунды. Так Стенина вторично стала чемпионкой мира. Не Инга Воронина, а она добилась победы на трех дистанциях ледового многоборья.

Валентина Стенина закрепила свою победу, добавив к трем первым местам еще и лучшую сумму в многоборье—202,533 очка. Второе место завоевала спортсменка из Иркутска Альбина Тузова.

— Я очень счастлива! — говорит она.— Представьте сами, четырнадцать лет занимаюсь коньками, и все ничего не получалось, а тут сразу серебряная медаль на чемпионате мира.

Лидия Скобликова говорит, что и не рассчитывала подняться выше третьего места.

Скандинавские скороходки не вошли на этот раз и в десятку сильнейших.

В. ПЕТРУСЕНКО

Тёнсберг. По телефону.

→

Валентина и Борис Стенины.

Фото И. Тюфякова.

КОГДА ЧЕЛОВЕК НЕ СДАЕТСЯ

Сергей НАУМОВ

Мне довелось присутствовать на одном из просмотров фильма «Человек не сдается».

В зале было много военных. Пожилые люди с большими звездами на плечах. Эти люди редко плачут. В тот вечер я видел их скупые слезы...

На экране ожило то, что хранилось глубоко в сердцах. Кадры фильма словно перенесли людей назад, к летнему памятному утру 1941 года... Да, вот так на рассвете разлучались любимые. Да, вот так, прямо из лагерных палаток бросались воины в первые атаки, шли на вражеские танки с гранатами в руках... Все это двадцать лет назад происходило и с ними — людьми, сидящими сейчас в зале. Они ничего не забыли. Такое не забывается. Такое врезается в сознание на всю жизнь.

С экрана смотрит веселый широколицый парень — младший политрук Петр Маринин. Очень обаятельный, он словно давно всем знаком... Просто играет актер Валентин Буров главного героя фильма, человека, который совершил подвиг, спас знамя танковой бригады. Почти вся бригада эта погибла в неравной схватке с фашистами. Но живо знамя, под которым она сражалась; жив тот, кто вынес знамя с грохочущего поля боя, как символ будущей победы. Значит, — жива и бригада...

Кинокартина «Человек не сдается» поставлена на студии «Беларусьфильм». Поставлена хорошо. За сюжетом сценария, казалось бы, всего лишь приключенческим, режиссер Иосиф Шульман увидел главную мысль автора — тему стойкости советского человека, верности Родине и присяге.

История спасения знамени позволила раскрыть всю глубину и красоту человеческого подвига.

Автор сценария Иван Стаднюк уже известен зрителю по фильму «Максим Перепелица». Он сумел так интересно и живо построить сюжет своего сценария, может быть, и потому, что сам начинал войну младшим политруком. Вероятно, поэтому так достоверны детали, так впечатляющи боевые эпизоды. Прекрасна сцена поединка Маринина с вражеским танком. Железное чудовище преследует человека: фашист охотится за жертвой, наслаждаясь своей безопасностью. И вдруг воин пошел на танк. Связка гранат летит прямо под гусеницы. Человек победил... Вся сцена снята емко, точно, скупо. С большим мастерством работает оператор Владимир Окулич — старейший кинематографист Белоруссии.

Весь сюжет фильма «Человек не сдается» развивается бурно, стремительно: так и в действительности развивались события первых дней войны.

Враг коварен, он использует любые средства. Переодевшись в советскую форму, немецкие диверсанты вклинились в колонну наших войск, пытаясь поставить ее под удар... Сдержанно ведет сцену актер Жженов, играющий комиссара Маслюкова. Он спокоен, хотя за ним неотступно следуют фашисты — три вражеских автоматчика; рядом идет их командир. Пользуясь тем, что в его руках жизнь комиссара, чей приказ определит поведение советских воинов, командир группы диверсантов предлагает Маслюкову сдаться. За это ему сохранят жизнь. Но комиссар внезапно отдает приказ:

— Расстегнуть гимнастерки!

Под гимнастерками — черные эсэсовские мундиры. Враги разоблачены.

Звучит команда:

— Бросай оружие!

И оружие, минуту назад готовое выплеснуть смерть в наших бойцов, падает на землю. А два человека все еще продолжают идти вдоль колонны, и три молчаливые тени неотступно следуют за ними. Комиссар спас колонну, но себя он не может спасти... Спасают его бойцы.

...В строгом молчании смотрят военные фильм о своей боевой молодости. Но он адресован и нашему юношеству. Строителям коммунизма нужно знать о героической молодости, о славных подвигах своих отцов.

ЖИВЕТ В СОВХОЗЕ МОСКВИЧКА

Два года. Много это или мало? Для бездельника ничтожно мало. Для труженика очень много.

Нина Измалкова училась в Москве. И, конечно, после школы могла пойти на любой завод, на любую фабрику. Но девушка решила иначе. Она часто приезжала к брату в село Подчерково и всегда заходила к дояркам. Ей нравился их труд.

Зимой пятьдесят восьмого Нина пришла на ферму колхоза «Россия». Маленькая, тоненькая, и не видно ее за коровой. «Не сможет работать, уйдет»,— говорили доярки. А она и не думала уходить, взяла 10 коров. Достались ей самые плохие, тощие, молока дают мало. Сначала 35 литров в день от всех набирала. Но девушка оказалась настойчивой. Советовалась со старшими товарками, присматривалась к их работе и перенимала все лучшее. Доила в одни и те же часы, массировала вымя, изучала вкусы каждой коровы: любишь силос с патокой — пожалуйста, получай. Нравится тебе без патоки — еще лучше. И коровы по-своему отозвались на заботу хозяйки. Вот уже 40 литров дали, 50, 55, а потом — 58—60...

Трудолюбие девушки заметили и оценили в колхозе. Послали ее делегатом на районную конференцию передовиков сельского хозяйства.

Но вскоре случилось так, что Измалковой пришлось принять других коров — снова 10. Коровы попались молодые, раздаивать трудно. Молоко давали только шесть. Решила Нина взять еще пять коров. Забот, конечно, прибавилось. А тут пришло время телят принимать.

Трудновато было, что и говорить, но девушка справилась. Испытанный прием — забота и ласка — и на этот раз выручил, коровы стали давать 60 литров молока в день.

Но девушка понимала, что это только начало...

Теперь Нина работает в совхозе, для этого ей не пришлось покидать обжитых мест. На базе сельхозартелей «Россия», «Колос», «Новая жизнь» был организован совхоз «Внуковский». В самом начале этого года коров перевели на новую ферму. Правда, ее вовсе нельзя считать образцовой: корма подаются вручную, доильных аппаратов нет, словом, техника сюда пока не заглянула. Но доярки уверены, что теперь, после январского Пленума, дело пойдет лучше, ферму оснастят передовой техникой.

Шестого ноября 1959 года, как раз в канун великого праздника, Нину приняли в комсомол. А в шестидесятом на областной конференции избрали членом бюро Дмитровского горкома ВЛКСМ. Теперь забот прибавилось. И надо сказать, девушка во всем успевает. После работы ее часто можно видеть в разных деревнях с передвижной библиотечкой. Пожилым людям Нина сама читает газеты, журналы. Книги из ее собственной библиотеки тоже пошли в ход.

...Вот так живет и работает москвичка Нина Измалкова. А ведь ей еще нет и семнадцати.

А. РУБИНА

Нина Измалкова, доярка совхоза «Внуковский», Дмитровского района, Московской области.

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Copyrighted material

ЖИВЕТ В СОВХОЗЕ МОСКВИЧКА

Два года. Много это или
мало? Для бездельника ни-
чтожно мало. Для тружени-
ка очень много.
Нина Измалкова училась в
Москве. И, конечно, после
школы могла пойти на лю-
бой завод, на любую фабри-
ку. Но девушка решила ина-
че. Она часто приезжала к
брату в село Подчерково и
всегда заходила к дояркам.
Ей нравился их труд.
Зимой пятьдесят восьмого
Нина пришла на ферму кол-
хоза «Россия». Маленькая,
тоненькая, и не видно ее за
коровой. «Не сможет рабо-
тать, уйдет»,— говорили до-
ярки. А она и не думала
уходить, взяла 10 коров.
Достались ей самые пло-
хие, тощие, молока дают
мало. Сначала 35 литров в
день от всех набирала.
Но девушка оказалась на-
стойчивой. Советовалась со
старшими товарками, при-
сматривалась к их работе
и перенимала все лучшее.
Доила в одни и те же часы,
массировала вымя, изучала
вкусы каждой коровы: лю-
бишь силос с патокой — по-
жалуйста, получай. Нравится
тебе без патоки — еще лу-
чше. И коровы по-своему отз-
вались на заботу хозяйки.
Вот уже 40 литров дали, 50,
55, а потом — 58—60...
Трудолюбие девушки заме-
тили и оценили в колхозе.
Послали ее делегатом на
районную конференцию пе-
редовиков сельского хозяй-
ства.
Но вскоре случилось так,
что Измалковой пришлось
принять других коров —
нова 10. Коровы ты-
лались молодые, разда-
ивать трудно. Молоко дава-
ли только шесть. Решила
Нина взять еще пять коров.
Работ, конечно, прибави-
лось. А тут пришло время
телят принимать.
Трудновато было, что и го-
ворить, но девушка справи-
лась. Испытанный прием —
забота и ласка — и на этот
раз выручил, коровы стали
давать 60 литров молока в
день.
Но девушка понимала, что
это только начало...
Теперь Нина работает в
совхозе, для этого ей не при-
шлось покидать обжитых
мест. На базе сельхозарте-
лей «Россия», «Колос», «Но-
вая жизнь» был организован
совхоз «Внуковский». В са-
мом начале этого года ко-
ров перевели на новую
ферму. Правда, ее вооб-
ще нельзя считать образцовой:
корма подаются вручную,
доильных аппаратов нет,
словом, техника сюда пока
не заглянула. Но доярки
уверены, что теперь, после
январского Пленума, дело
пойдет лучше, ферму осна-
стят передовой техникой.
Шестого ноября 1959 го-
да, как раз в канун велико-
го праздника, Нину приняли
в комсомол. А в шестидеся-
том на областной конферен-
ции избрали членом бюро
Дмитровского горкома
ВЛКСМ. Теперь забот при-
бавилось. И надо сказать,
девушка во всем успевает.
После работы ее часто
можно видеть в разных де-
ревнях с передвижной биб-
лиотечкой. Пожилым людям
Нина сама читает газеты,
журналы. Книги из ее собст-
венной библиотеки тоже
пошли в ход.
...Вот так живет и рабо-
тает москвичка Нина Измал-
кова. А ведь ей еще нет и
семнадцати.

А. РУБИНА

Нина Измалкова, доярка сов-
хоза «Внуковский», Дмит-
ровского района, Московской
области.

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Сергей СМИРНОВ

Сергею Орлову

О молодость,
Мы слышим голос разума,
Что ты — одна,
что нет тебя — второй.
Нам расставаться противопоказано
С такой
обворожительной порой.

Ты с нами — угловатыми, горелыми —
С конца войны
идешь по всей стране.
А может быть,
осталась под обстрелами
И прикипела
К танковой броне.

Музыка полковая

Владимир КАРПЕКО

Мелодия вальса над парком плывет
Спокойно, и нежно, и зыбко...
Колдуют флейтист и скрипачка,
но вот
Смолкают и флейта и скрипка.
Трубу музыкант поднимает в зенит...

И сразу порхающий вальс позабыт,
И, сердце мое разрывая,
В разбуженной памяти глухо звенит,
Музыка гремит полковая!

Я помню: гремела она в городах,
Будила торцовые плиты
И хрипло и глухо вздыхала, когда
Бойцов хоронила убитых...
Бравурно — про славу и глухо —
про смерть:
Не много мелодий в запасе.

Но рыжий трубач, долговязый, как жердь,
Был с музыкой той не согласен
И, медью трубы наполняя блиндаж,
Пытался разучивать вальсы,
А те не давались, затем что на марш
Срывались привычные пальцы.
Смеялись над ним...
Прикусивши губу,
Желая назло нам добиться,
Терзал он и нас, и себя, и трубу
С каким-то упорством провидца.
Ах, вальсы!.. «Березка» иль «Сон кузнеца»,
Старинные вальсы России!..

Он так и погиб, не сумев до конца
Мелодию вальса осилить...

И каждый в оркестре играл за двоих!
Жестокая музыка труб полковых
Плыла над могилою зыбко...

...Довольно, трубач! Замолчи хоть на миг!
Вступайте же, флейта и скрипка.

Киев.

Томь-Усинская ГРЭС — одна из крупнейших тепловых электростанций Сибири. Пять турбоагрегатов уже дают ток. Продолжается строительство третьей очереди.

Фото А. ГОРЯЧЕВА.

Олег СМИРНОВ

До звезд рукой подать

Рассказ

Рисунки М. САМСОНОВА.

Секунда тишины — и ровный всплеск прибоя, опять тишина — и опять всплеск, словно море глубоко, сонно дышит. Но если вслушаться, прибойный шум дробится на множество разного тона звуков, как прибойная волна дробится на множество брызг.

Эти звуки внизу, за спиной. А в те, которые впереди и с боков, вслушиваться не надо, они и так резки, определенны: голоса немецких егерей, треск мотоциклов, пиликанье губной гармоники.

И вглядываться не нужно: в подъездах санатория, что белеет фасадом прямо перед глазами, в кустах парка, что на левом фланге, и между могильными надгробиями и крестами кладбища, что справа, возникают в лунных полосах силуэты егерей и пропадают в тени.

Лучше вглядеться в небо. Среди звезд — месяц, будто прокравшийся из близкой Турции, где он в таком почете, сплюснутый и белесый. А звезды яркие, голубого, зеленого и оранжевого каления. И свет их вовсе не холодный, они теплые, стоит лишь потрогать, даже, наверно, горячие — так всегда кажется на высоком морском берегу. И еще всегда кажется на прибрежных скалах: звезды близко, до них рукой подать. Вот как до Вики: можно дотянуться до локона, до плеча. Свернулась калачиком на дне окопа, вещмешок под голову — и спит. Недолго тебе спать, Вика. Ах ты, Вика, Вика!

Зимичев снял пилотку, расстегнул ворот гимнастерки. Ветер с моря, а как-то душно. И сердце почему-то стучит с перебоями.

В углублении под гранитным обломком снова захрипел, застонал в бреду Асратян. Умирает матрос. С утра мучается, еще в первую атаку очередью полоснуло. А тех, чьи тела прикрыты плащ-палаткой, убило в полдень, и в обед, и перед вечером. Их семеро — не стонут, не хрипят, из-под края плащ-палатки высовываются флотские ботинки и армейские сапоги.

А здоровых пятеро: Вика спит, Зимичев глядит на нее, остальные подкрепляются: тушенку заедают яблоками, больше нечем. Стоп, Бацута тоже не жует и тоже смотрит на Вику. Как смотрит! Ну, смотри. А я буду есть.

Финским ножом Зимичев вспорол банку свиной тушенки, пальцами обтер яблоко. А вот эти, покрупней, поспелей, для Вики. Проснется и попробует.

Он подцепил финкой кусок мяса, положил на язык. До чего противно: застывший жир во рту, как мыло. И яблоко показалось недозрелым, терпким. Ничего, Вике оставил получше, покрасней. Просыпается?

Она зашевелилась, по-детски почмокала губами, во сне повернулась на другой бок — лицом к Зимичеву, лицо было неживое, бледное, и он вдруг с необычайной ясностью понял: видеть ее осталось какой-нибудь час, либо полчаса, либо пять минут. Новой атаки не миновать. Егери с трех сторон, не меньше роты, позади — стометровый обрыв над морем. Рано или поздно — конец. Вот так.

Зимичев сплюнул, отбросил яблоко и просипел:

— Матросы...— Он прокашлялся, но голос после этого стал еще более сиплым.— Матросы, внимание!

Канониди первым отозвался:

— Полундра! Право на борт! Слушаем вас, боцман!

Зимичев поморщился, постучал кулаком о коленку:

— Стоп! Я никогда не жаловал некоторых флотских. Ну, которые форсят моряцким шиком и разными там словечками. Так что кончал бы ты с трепом. Особенно сейчас...

Прожевав, Канониди улыбнулся: под черными усиками затлела золотая коронка.

— Почему особенно сейчас, боцман?

— Потому что положение у нас серьезное. Скалиться не время.

— Верняк, идем ко дну,— весело согласился Канониди, а Дудников, сидевший в окопе поодаль, недовольно, словно на кого-то обижаясь, произнес:

— Положение как положение. Воевать надо.

— Чего ты заныл? — сказал Зимичев.— Что у тебя за привычка — ныть, обижаться по любому поводу? Но это ты правильно: воевать надо. О том и речь веду. Сами знаете: в кольце мы. Можно было б связать лестницу. Из ремней; тельняшки, гимнастерки порезать на лоскуты. И спуститься к морю. А там лодка попадется или вплавь. Но у нас Асратян... Потому решение — драться тут до последнего. Покраснофлотски. В случае чего каждый оставит для себя гранатку... Правильно говорю?

— Правильно,— быстро проговорил Канониди, как будто боясь, что его опередят.— Порядок в морских частях, боцман!

— А почему же неправильно? — обиженно спросил Дудников.

— Выполним свой долг.— Бацута не обернулся, продолжая глядеть на спящую Вику.

Зимичев покосился на него — плечи ссутулены, прядь растрепалась на лбу,— потом на мерно вздымающуюся грудь Вики и сказал:

— Значит, договорились. Но я не кончил. Я вот о чем, матросы. Мы мужики, наша обязанность известно какая... Но зачем гибнуть дивчине? Ей-богу, ни к чему. Она должна жить. Правильно говорю?

Все трое подтвердили: правильно. Однако Бацута тут же добавил:

— Не согласится Виктория. Не бросит нас.

«За нее расписываешься? — подумал Зимичев.— Впрочем, наверно, ты ее знаешь лучше, чем я».

Он пристукнул кулаком по коленке:

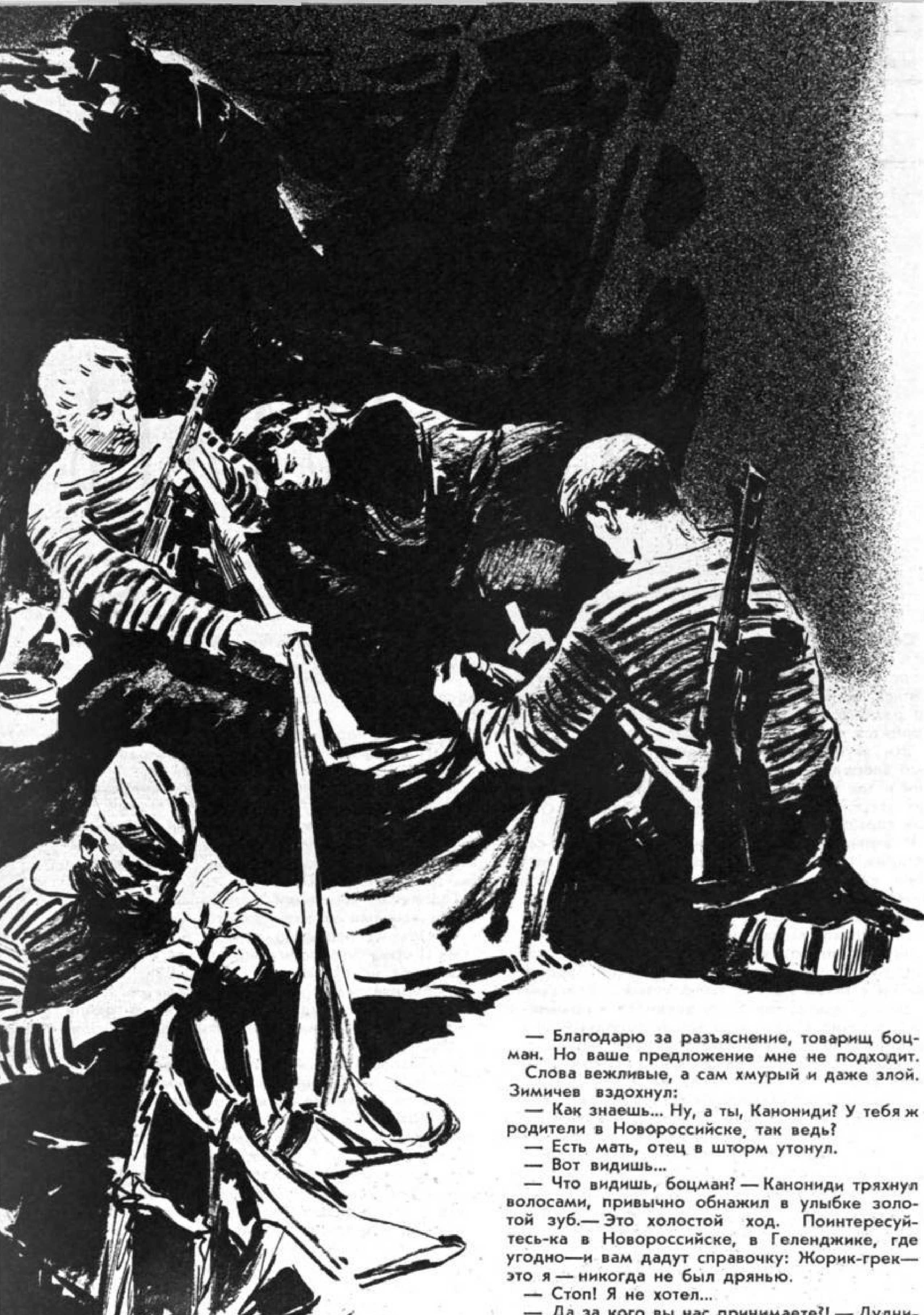
— Должна согласиться! Нужно уговорить ее. Или что-нибудь такое придумать, чтоб она поверила и согласилась. Канониди, ты мастер на треп, на выдумки — сочини.

Тот с неожиданной сдержанностью сказал:

— Вы командир, вы и придумывайте.

— А что, и придумаю.

Против воли он опять взглянул на Вику и

Бацуту, подумал с той же необыкновенной ясностью: «И она любит Бацуту, они любят друг друга».

Он провел ладонью по щеке, поросшей щетиной, по месту, где под гимнастеркой попрежнему с перебоями билось сердце, и прокашлялся:

— Я еще не кончил, матросы... Может, и нам, мужикам, погибать всем не обязательно? Допустим, двое останутся с Асратяном, а двое уйдут с Локшиной... с Викторией? А? Какого черта в рот воды набрали? Ей-богу, тут ничего такого нету, по совести. Понятно, я командир, я остаюсь. Ну, и кто-нибудь со мной. А вот, допустим, Бацута... ты имеешь право уйти.

— Позвольте полюбопытствовать, что это за право? — тихо и спокойно спросил Бацута.— Объясните, пожалуйста. Если, разумеется, не трудно.

Ох, уж эти интеллигенты! Говорят мягко, вежливо, а с подковыркой. Что же я тебе объясню?

— Ты самый молодой... и вообще...

— Благодарю за разъяснение, товарищ боцман. Но ваше предложение мне не подходит.

Слова вежливые, а сам хмурый и даже злой. Зимичев вздохнул:

— Как знаешь... Ну, а ты, Канониди? У тебя ж родители в Новороссийске, так ведь?

— Есть мать, отец в шторм утонул.

— Вот видишь...

— Что видишь, боцман? — Канониди тряхнул волосами, привычно обнажил в улыбке золотой зуб.— Это холостой ход. Поинтересуйтесь-ка в Новороссийске, в Геленджике, где угодно—и вам дадут справочку: Жорик-грек— это я — никогда не был дрянью.

— Стоп! Я не хотел...

— Да за кого вы нас принимаете?! — Дудников вскочил, вслед за тем сел, задыхаясь от возмущения.— Шкурники мы, что ли? Или мы не черноморцы?

— Стоп, стоп! Я знаю, Дудников, ты умеешь оскорбляться не только за себя, но и за других...

— По справедливости оскорбляюсь!

— Заладил! Да я же не хотел...

— Короче, товарищ боцман, все ребята остаются! Будем гвоздить фашистов! Чем больше набьем, тем больше пользы от нас!

— Ну ладно! — Зимичев махнул рукой.— Я же не приказывал, а предлагал. Воюйте, я разве против? Ну, а Локшину... а Викторию отправим. Давайте лестницу вязать, пока фрицы не полезли.

— Не согласится она,— сказал Бацута.

— Это уж моя забота, чтоб согласилась. Давайте разоблачайтесь. Дудников, наблюдай за фрицами.

Все поснимали с себя ремни, начали раздеваться.

— Тельняшки пока не будем кромсать,— сказал Зимичев.— И так должно хватить.

Он финкой располосовывал плащ-палатки, вещевые мешки, гимнастерки, Бацута и Канониди связывали нарезанные лоскутья с ремнями и обмотками надежными, тугими узлами. Куски лестницы наращивались, извивались по земле, возвышались ворохом.

Материя сухо трещала под ножом.

Пригибаясь, подошел Дудников, поднес к губам Асратяна флягу, помялся, квадратный, нескладный.

— Подвигается дело, товарищ боцман?

— Подвигается. Асратяна попоил?

— Напоил бы, да не пьет... А мы с ним, с Эдиком, вместе плавали на «Червоной Украине», оба сигнальщики. И в десант оба сошли. С нашей морской пехотой аж досюда дотопали. Стоящий он парень, Эдик, правда, малость горячий, чуть что — обижался...

— А ты-то?

— Я-то, товарищ боцман? — Дудников почесал затылок.— Я тоже... в последнее время. Понимаете, чуть задремлешь — мерещится «Червоная Украина», сигнальные флажки... Отступали, отступали, а чем ближе к побережью, тем чаще думка: прощай, море! На душе тяжко, смутно. Особливо, когда Эдика поранило. Так что не серчайте, товарищ боцман...

Что-то ты разговорился, сигнальщик. Не сержусь на тебя! Мне и самому снился мой миноносец: низко гудит турбинами, за кормой пенится бурун, я на палубе — с боцманской дудкой. Обижался ты, нервничал? Ерунда, главное, воевал ты молодцом. А теперь иди, иди в окоп, наблюдай.

Материя сухо трещала.

Канониди подергал, проверяя узел, и сказал:

— Между прочим, сегодня девятый день, как не выходим из боев.

— И рад бы выйти, так не выйдешь,— сказал Зимичев.— Некуда.

— Верняк! Проводим девочку и станем на мертвый якорь... хотя боцман не уважает всякие словечки. Но я же насквозь просоленный морем! До призыва плавал на буксире в Новороссийске, в порту. В Кабардинке, на спасательной станции, шлюпку гонял. А тут, поблизости, кефаль ловил с бригадой. Этот берег, где лежим, называется Высокий... А за словечки меня ругать, в общем-то, надо!

Не надо, Жорик-грек. Человек ты неплохой, воюешь смело, широко, а это — сейчас все.

Трещала материя.

Бацута негромко проговорил:

— Да, это Высокий берег. Я здесь до войны тоже бывал. С мамой приезжали на курорт. Из Ростова. Представьте себе: теплый вечер, безветрие, магнолии не шелохнутся, на кладбище цикады стрекочут, в парке играет музыка, вокруг полно отдыхающих. Смех, шутки, песни. А в море — теплоход, весь в огнях. Я тогда описал тот вечер в стихах. Разумеется, детские стихи, незрелые...

— Что уж скромничать—незрелые. Стишки у тебя ничего получаются. И вообще ты культурный, воспитанный, студент. Никакой татуировки. Хотя воюешь нормально. А вот я неотесанный, задубелый, служака-сверхсрочник, руки по глупости наколол: якоря, русалки, спасательные круги. Или взять слова: в мыслях они у меня красивые, настоящие, а изо рта выходят какие-то грубые, шершавые. И ты молодой, Бацута. Тебе сколько? Двадцать? А мне под сорок подкатывает. И ты интересный: волос колечками, глаза синие, рослый, статный, сильный. А у меня уж залысины, седина на висках, сиплю, как испорченный патефон, сердчишко барахлит. И Вика полюбила тебя, а не меня. Вот так.

Резать больше было нечего. Зимичев спрятал финку в ножны, для чего-то застегнул ворот. Матросы, поглядывая на него, сноровисто стягивали узлы.

«Как Бацута выразился? «Представьте себе...» Ладно, попробую».

И он представил: в сентябрьский вечер, когда стрекочут цикады и разламывает волну расцвеченный огнями теплоход, они с Викой об руку спускаются по каскадной лестнице санатория мимо магнолий. Он — в парадной форме, она — в шелковом платье и модных туфлях. Федот Зимичев и Виктория Зимичева. Муж и жена. На отдыхе. В бархатный сезон.

Он безжалостно усмехнулся над самим собой: нелепая мечта, ничего подобного никогда не произойдет.

— Товарищ боцман, метров сто навязали. Вскоре заканчиваем.

Copyrighted material

— Давайте, а то егери могут в любую минуту устроить сабантуй,— ответил он и подумал: никто не догадывается об этой его любви. Спасибо, что не догадываются.

Случается в жизни: парубковал до седины — и впервые влюбился по-настоящему. И где, когда! Он увидел ее с полмесяца назад, бои шли еще в горах. Она прибыла с пополнением: радистка. Но рация была разбита, и девушка взялась за автомат. Кругом текла кровь, умирали люди, а он поражался: «Какое незнакомое, чудесное имя — Виктория, Вика! И все прекрасно, неповторимо: глаза серые-серые, локоны русые-русые, на шее крохотные завитушки. А нос маленький, вздернутый, а губы полные, добрые...»

На кладбище нетрезвый, с надтреснинкой тенор затянул «Катюшу», русские слова мешая с немецкими; пропев несколько фраз, умолк; стихла и губная гармоника. Зимичев прислушался, вздохнул: боцман, ты мужик прямой, не трус, сознаешь, что она любит не тебя, другого? И обрезал себя: сознаю до конца, зато я люблю ее, самое большое мое желание — чтоб она была счастлива.

«Только бы ей было хорошо!»—подумал он, в третий раз ощущая пронзительную ясность мыслей и чувств.

Месяц висел вверху, будто вопросительно вытянув шею, и в его жидком свете посверкивали Викины зубы, белые-белые. Пыль, как пудра. Ничего, когда-нибудь попудришься, и шелковое платье примеришь, и туфли...

— Товарищ боцман...

— Чего тебе, Бацута?

— Работу завершили. Разрешите будить Викторию?

— Давай.

Голубея над окопом тельняшкой, Бацута затормошил Вику. Она подняла веки и сразу подалась к Бацуте. Или это почудилось?

Зимичев сунул ей яблоки, просипел:

— Семиренка. Замечательный сорт.— И зачем-то прибавил: — Местный.

Она захрустела яблоком, смутно со сна улыбаясь.

— Вкусные?

Она кивнула, и Зимичев кивнул:

— Ну, и ладно. Поешь — собирайся. Куда? В тыл, к нашим. Для чего? С донесением. Как? Лестницу связали. Одна? Одна.

Она перестала хрумкать, переводя взгляд с одного на другого, пока не остановилась на Бацуте:

— Коля!

Зимичев пристукнул кулаком по коленке:

— Нужно срочно доставить сведения командованию. Важные. Очень. И тебе легче пробраться: ты женщина. В случае чего скинешь военную робу. Вопросов нету?

Вика растерянно пожала плечами, Бацута спросил:

— Когда собираться?

— Сейчас... И вот еще что. Пока я буду писать записку, ты попрощайся с Бацутой. Мы отвернемся, а вы идите в камни, подальше к берегу.

— Не стесняйтесь. Прощайтесь как следует,— грустно сказал Канониди.— Мы будем, как Дудников, наблюдать за германцем, чтоб не помешал вам!

Он коротко засмеялся и вновь грустно сказал:

— После кликнем вас.

Бацута сдавленно выдохнул, а Вика сказала, не таясь:

— Пошли, Коля.

Подложив планшет, Зимичев неторопливо водил карандашом по тетрадному листу. Написал, сложил бумагу треугольником, как фронтовое письмо.

Ветер наносит запах гниющих водорослей: будто к ноздрям приставили пузырек с йодом. В парке горит беседка либо павильон: кровавое, в дыму око. Санаторий белоснежным теплоходом плывет в сумерках, эвкалипты перед ним — темно-зеленые фонтаны, вырывающиеся из земли. Стоп, что за сравнения, что за ерунда взбрела на ум? А это что? Грузовик катит прямо по клумбам на склоне. Боеприпасы егерям? Если так, держись: минометы пустят в ход. А что это? Хлопают двери в санаторных подъездах, солдаты носятся как угорелые. Пора отправлять Вику. Душно. Дышать трудно.

— Локшина, Бацута, давайте сюда!

Он подождал и еще раз позвал их.

Они вынырнули из-за камня, присели, не спуская глаз друг с друга. Бацута хмурился, горбился, Вика кусала губы, плакала.

— Пора, Локшина.

Она подтянула голенища брезентовых сапог, расправила гимнастерку. Канониди помог ей надеть вещевой мешок, Бацута подал автомат.

Сперва Вика поцеловала Асратяна, затем остальных. Она целовала их крепко, в губы. И Зимичев, дождавшись очереди, мягко уловил прикосновение теплого, доброго, животворящего, бесконечно родного.

От Бацуты она долго не могла оторваться. Давясь слезами, шмыгая носом, она бормотала нежное и несвязное. Он тоже бормотал, гладил ей щеки и пытался расцепить ее руки. Наконец с усилием разорвал ее объятие, и она, спотыкаясь, шагнула к обрыву.

— Полный вперед!

— Осторожней, Локшина!

— Благополучного пути, Виктория!

— До свидания, ребята! Коленька, мы еще встретимся! Слышишь, я найду тебя!

Она схватилась за ремень, поглядела в последний раз, полезла вниз. Зимичев, Бацута и Канониди втроем держали лестницу, и толчки, свидетельствующие о спуске Вики, были как толчки их сердец.

Натяжение ремня ослабело, спустя пару минут он трижды слегка дернулся: Вика сигналила, что спустилась.

— Порядок в морских частях! — сказал Канониди и отошел.

Зимичев и Бацута остались. Наклонившись над обрывом, они смотрели, как темная фигурка потопталась, зашагала по узкому прибрежью, обходя скальные обломки, и скрылась за изгибом утеса. Тускло и мертво поблескивала внизу галька, на торчащих из воды камнях оседали клочья пены, от берега в открытое море стлался лунный след — удлиненный, в безжизненных ртутных бликах клин.

Молча Зимичев и Бацута вернулись к обороне.

— Ступай в свой окоп,— сказал Зимичев.— Скоро сабантуй.

— Есть! — почему-то шепотом ответил Бацута.

Покрывая хрипы и стоны Асратяна, в парке раздались отрывистые команды, им словно отозвались команды в подъездах санатория и на кладбище. Егери начнут атаку — начинайте! А покуда обождем, посидим, поразмыслим.

Зимичев опустился на корточки, поправил ремень автомата. Вот отсюда он мог дотянуться до Вики, погладить ей плечо. Она спала, съежившись, щека — на вещмешке. Теперь окоп пустой, как-то черно зияет. А в небе мигают звезды, пульсируют, будто небо, как и море, дышат. Не может того быть — дышат: они ж неживые, все это я нафантазировал. И свет звездный неживой, и до звезд, конечно, неблизко.

«Как до Вики»,— подумал он и обрадовался: это славно, что до Вики далеко. Она сейчас уходит, и чем дальше уйдет, тем лучше. Не может того быть, чтоб не спаслась. Будет жить, и будет у нее дочь, я хочу, чтоб дочка походила на Вику. Найдешь лодку, доберешься до наших! И отдашь записку, а возможно, и раньше догадаешься развернуть ее. Разверни, прочти: «Вика, и я тебя люблю. Очень. Федот Зимичев».

Он на мгновение закрыл глаза. А когда открыл, то над санаторием трепыхалась багровая ракета. И следом с трех сторон ударили минометы; осколки тупо затукали о камни, пулеметная очередь прошла возле уха.

Зимичев лег, придвинул к себе гранаты, поплотнее прижал приклад. Ну, что же, Вика, прощай! Ах ты, Вика, Вика!..

В боях за освобождение города Раковник, расположенного в шестидесяти километрах западнее Праги, оборвалась жизнь советского солдата — танкиста Александра Васичкина. До войны Александр жил в Лугowом, Воронежской области.

В Раковнике не забыли о Васичкине. Когда 9 мая 1960 года отмечалась 15-я годовщина со дня освобождения Чехословакии от фашистских захватчиков, в бригаде шлифовальщиков на велосипедном заводе произошел такой разговор. Молодой бригадир Вацлав Шварц сказал:

— В нашей бригаде социалистического труда двадцать девять человек. В знак благодарности Советской Армии, освободившей Чехословакию от фашистских захватчиков, я предлагаю зачислить тридцатым членом нашей бригады Александра Васичкина, погибшего за освобождение города и похороненного здесь, на городском кладбище...

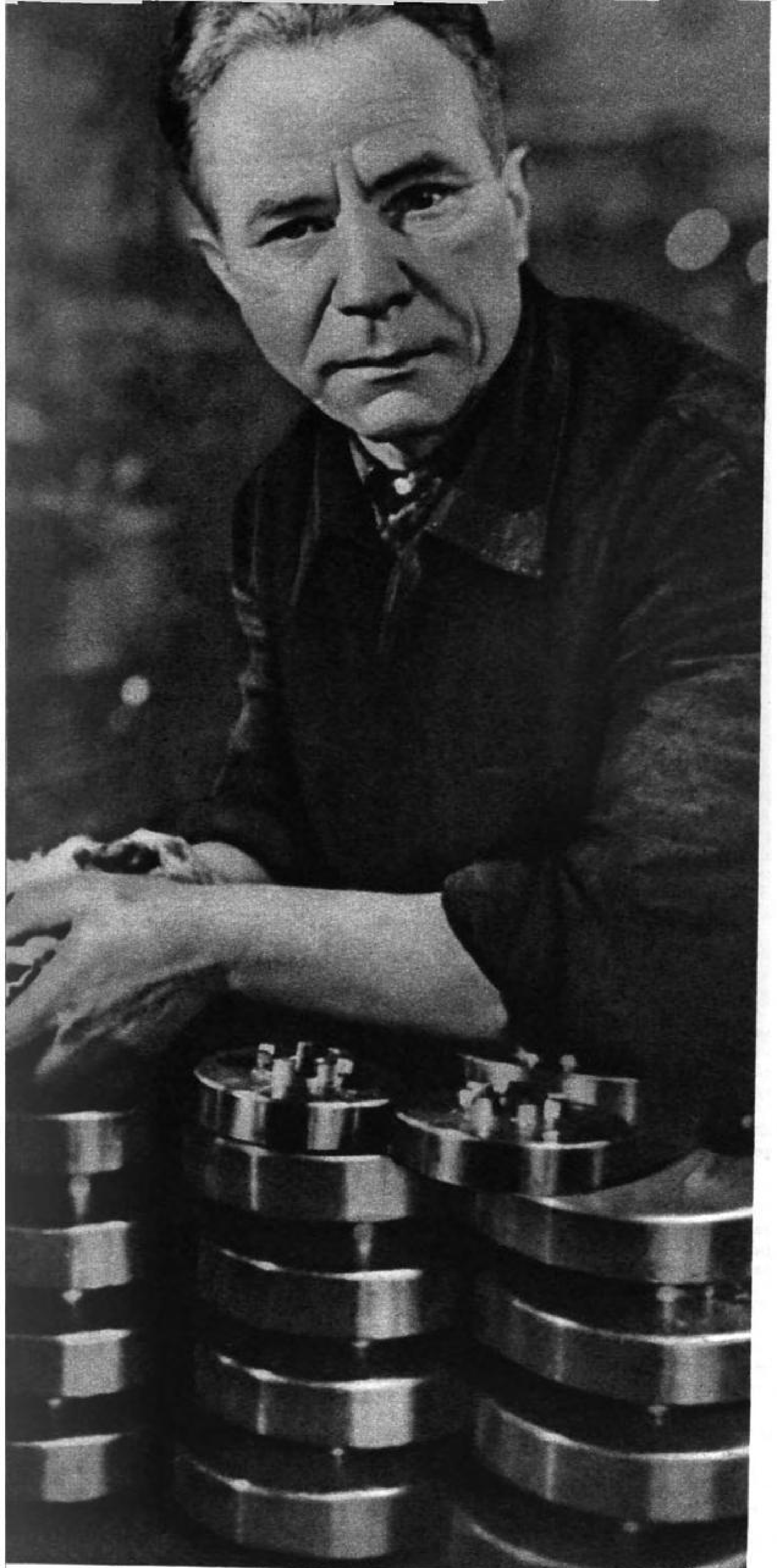
Все согласились с предложением. С того дня всю зарплату бригады стали делить на тридцать человек. Половину зарплаты Александра Васичкина решено использовать на культурные нужды, а остальную часть класть в сберкассу, чтобы пригласить кого-нибудь из родных Васичкина в гости в Чехословакию.

Казалось, что ничего особенного не произошло в жизни этой бригады. Работа шла своим чередом, планы перевыполнялись, и бригада социалистического труда с честью оправдывала свое название. Но тем не менее появилось что-то новое в жизни людей, в их отношениях друг к другу. С этого дня Александр Васичкин стал незримо присутствовать в бригаде.

Одно заботит товарищей: как найти родных танкиста? Где вы, родные солдата Александра Васичкина? Знаете ли вы, что память о нем бережно хранят рабочие завода «Мотор-стадион» чехословацкого города Раковник?

Н. КАГРАМАНОВ

Copyrighted material

А. В. Высоцкий.

Фото В. Самойлова.

А. ИТИГИН

Майор Высоцкий на переднем крае

— Вот что, Виктор,— сказал мастер молодому шлифовальщику, — завтра дадим тебе ученика. Ты уж постарайся, отнесись повнимательней. Понял?

— Чего тут не понять? Знаем мы этих учеников...

Тон у Виктора был ворчливый, а между тем в глубине души он чувствовал себя польщенным. Как бы там ни было, а если у тебя ученик, значит, само собой, ты учитель. Он уже представил себе мысленно лихого, шустрого парнишку, о котором в цехе будут говорить примерно так:

— Кто этот хлопчик? Да это же Виктора Щурова ученик.

Солидно получается...

На следующий день Виктор пришел в аккуратно отутюженной спецовке, безукоризненно побритый, подтянутый, даже немного важный. Включил станок, принялся за работу и время от времени, как бы невзначай, искоса поглядывал на дверь. Вот сейчас она отворится, войдет слегка растерянный паренек, спросит, где тут, мол, работает товарищ Щуров.

И вдруг Виктор слышит позади себя:

— Извините, пожалуйста. Вы товарищ Щуров?

Он оглянулся. С удивлением поглядел на высокого, почти совсем седого человека. Голубые глаза его смотрели с мягкой улыбкой, но от резкой складки, прочерченной меж бровей, лицо казалось строгим, сосредоточенным. Человек был в кителе, но без погон, в форменных армейских брюках с голубым кантом.

«Наверно, из ДОСААФа, инструктор,— подумал Виктор.— Но зачем я-то ему нужен?»

— Да, я Щуров. А что?

— Меня послали к вам,— сказал вошедший и добродушно улыбнулся.— Я ваш ученик.— Он протянул руку, представился: — Высоцкий. Александр Васильевич. Майор. Виноват, майор в отставке.

Виктор пожал ему руку, ничего еще не понимая. На кителе майора он заметил планки с радужными, уже давно выцветшими ленточками наград: ордена Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны, Красной Звезды, медали за победу над Германией, над Японией.

Виктор чуть не присвистнул от изумления. Что-то тут не то. Такой заслуженный человек, старый, боевой, столько раз награжденный офицер, и вдруг... простым учеником в цех!

Щуров переминался с ноги на ногу, не зная, как держаться ему со столь необычным учеником. Но тот подбодрил своего наставника:

— Ну что ж, действуйте. Я в вашем полном распоряжении. Буду рад стараться.

Через некоторое время взаимная стесненность, неловкость и скованность незаметно исчезли. Александр Васильевич с совершенно искренним чувством восхищения перед своим молодым учителем следил за его работой, за тем, как он легко, словно играючи, управляет очень сложным и очень тонким станком, обрабатывая детали самой причудливой конфигурации. Время от времени шлифовальщик объяснял ему, как, что и для чего он делает.

Необычный ученик относился ко всему очень серьезно, вникал в каждое слово. И Щуров с удовольствием отмечал старание своего ученика, который был вдвое старше. Иногда ему хотелось сказать что-нибудь в поощрение: молодец, мол,— да стеснялся. Едва он выключил станок, ученик принялся за уборку. Ветошью стал протирать оборудование, смазывать части, сметать металлическую пыль.

— Ну что вы! — смутился Виктор, увидев в руках у Высоцкого ветошь.— Не надо, товарищ майор, я сам.

— Нет,— спокойно возразил Высоцкий.— Станок кому положено убирать после работы? Ученику! Ученику! Ну, вот. А я уже, кстати, не «товарищ майор», это в прошлом. А теперь я ученик шлифовальщика. Ваш ученик... И должен исполнять свою новую должность, как положено.— Он улыбнулся.

— Да-а,— задумчиво произнес Щуров. Хотел что-то добавить, но опять постеснялся, промолчал.

Впрочем, Высоцкого не удивляло недоумение его молодого учителя. Не он первый, не он последний удивляется крутому повороту в его, майора, жизни. В первые дни после демобилизации Александр Васильевич Высоцкий и сам не думал о таком шаге. За плечами было четверть века службы в армии, и будущее представлялось спокойным и обеспеченным. И в самом деле, в военкомате ему выдали бумаги, которые давали возможность вести очень удобное существование. Он мог получить, как другие, солидную пенсию.

— Будешь кататься, как сыр в масле,— сказал ему один знакомый,— покой и благополучие даются тебе в руки. На блюдечке подносят. Бери, оно твое!

Но Высоцкий все еще не спешил за этим «блюдечком».

В райкоме партии демобилизованного майора поставили на учет и сказали:

— Будете агитатором в домохозяйстве.

И вот в одном из новых домов на улице Савушкина, в красном уголке, среди домохозяек, престарелых учительниц и дворников появился высокий, стройный, не утративший военной выправки человек. Правда, он рассказывал лишь то, о чем читал в газетах,— о стройках, о героях труда,— но говорил горячо, сам зажигался собственной речью, и вдруг лицо

Copyrighted material

его словно гасло. Мысленно он обращался к самому себе: «А ты сам? Вот агитируешь престарелых, а сам еще вон какой здоровый, крепкий мужик! Руки в брюки! Демобилизованный? Так это же тебя, Александр Васильевич, из армии, а не из партии демобилизовали. Неужели отныне вот в этой маленькой комнатке твой передний край, боевой офицер?»

Александру Васильевичу вспоминались годы юности, когда в его родном селе, на Украине, коммунисты создавали первый колхоз.

...Он помнит только, что звали ее Пелагея, но образ коммуниста навсегда связался с ней, односельчанкой, такой же простой батрачкой, как и его мать. Это была невысокая, чуть сутулая женщина с обгоревшим на солнце лицом, на котором светились голубыми озерцами добрые, усталые глаза. Она была председателем сельского Совета, много раз приходила в хату к Высоцким, часами толковала с его матерью о будущей коммуне, о деревенском клубе с читальней, о том, что скоро с бедняцкой жизнью будет навсегда покончено, если всем вместе сорганизоваться в колхоз.

Люди знали, что на тетку Пелагею косится кулачье.

Скоро в селе было уже несколько коммунистов. И Александр подружился с ними. Ему давали самые неожиданные поручения.

Однажды кто-то из них сказал:

— Затеваем агитбригаду. Завербуй старую актершу, что живет за околицей. Будешь вместе с ней исполнять куплеты про кулаков, попов и самогонщиков. А мы тут раздобудем пожарные подводы, кузнечный инструментишко и поедем все вместе по деревням за колхоз агитировать.

Александр изумился: какие такие куплеты, и при чем тут кузнечный инструмент?

Но так говорили коммунисты. Значит, нужно.

Александр должен был сочинять разоблачительные частушки на злобу дня, вроде:

Подкулачник Агафон
Варит ночью самогон...

После концерта начиналось самое главное. Сельские коммунисты из агитбригады обращались к бедноте с предложением:

— Давайте мы вам бесплатно отремонтируем плуги, косы или же другой инвентарь. У кого что есть.

— Как это так бесплатно? — с подозрительностью спрашивали старики.— Что-то сроду такого не помнится, чтоб бесплатно. Нет, вы скажите, какая все же вам от этого корысть будет?

— Да никакой корысти, просто так, чтобы вам помочь. Вступите в колхоз — хороший инвентарь будет.

— А как не вступим.

— Ваше дело. Добрый плуг всегда сгодится.

Один, считавшийся в деревне самым дошлым, не унимался:

— Не может быть, чтоб вы без всякой корысти. Вы что, святые?

— Никак нет, дедушка. Мы в святых не верим. Мы ж коммунисты.

— Во что ж вы верите?

— В хорошую жизнь. Для таких, как вы, которые горбом хлеб зарабатывают.

И открылась Александру новая черточка в коммунистах. Бескорыстная помощь людям, не словами, а делом. Речей можно наговорить самых красивых, а красивее всего вот что: взяли сельские коммунисты и без всякой оплаты отремонтировали бедноте весь инвентарь к посевной. Такое почище всяческих слов берет за душу.

В те дни вступил Александр Васильевич в комсомол; потом, уже после того, как окончил военное училище, стал летчиком; сбылось и давнее, заветное: он вступил в партию. И вот однажды, в очень трудное время Отечественной войны, в одном авиационном соединении на Калининском фронте получили шифровку из партизанского леса: «Надо спасти раненых».

Опасный рейс, опасное задание. На маленьком, почти беззащитном одномоторном самолете пробиться через линию фронта к партизанам, садиться и взлетать при свете ночных костров... Кто полетит на задание?

И Высоцкий ведет свою эскадрилью в партизанские леса. Рейс, еще рейс. Бесчисленное множество рейсов — десятки спасенных советских людей.

Когда это было: давно ли, недавно?.. Чем измерить это время? Ты снял погоны военнослужащего, но по-прежнему жизнь заставляет тебя каждый шаг сверять с голосом своей совести...

Вот почему майор в отставке, боевой и уже седой офицер, кавалер многих орденов Александр Высоцкий поступил учеником шлифовальщика на станкостроительный завод имени Ильича. Иные удивлялись, а его совсем не смущали будничные обязанности ученика.

Ученик с седой шевелюрой не мог не привлекать к себе всеобщего внимания: как-то все это выглядело не совсем обычно. Человек, что называется, в годах, а начинает с самых азов. Но выходило так, что если кто и чувствовал поначалу некоторую неловкость, то только не он, не Высоцкий... Приходил к нему Николай Ефимович Герасимов, начальник цеха. Деликатный начальник завел как бы невзначай деликатный разговор:

— Александр Васильевич, у нас, понимаете, есть место в ОТК. До зарезу нужен опытный, серьезный человек. Как вы смотрите? Если хотите... В общем, как только надумаете, я к вашим услугам. Не стесняйтесь. Чем могу, как говорится...

Высоцкий посмотрел на начальника и тут же заявил ему вполне серьезно:

— Вы действительно можете и должны мне помочь. Во-первых...

— Да, я вас слушаю.

— Во-первых, извините меня, пожалуйста, но не надо мне сочувствовать. А во-вторых...

— Да...

Тут Высоцкий улыбнулся.

— Не сочтите за нескромность... Но мне кажется, что сумею быстро все наверстать. Технику я еще с армии люблю, с моторами любил повозиться, в авиамастерских станками интересовался. Правда, так, вроде любителя... Ну, а теперь, если позволите, я и после смены, или когда там посвободнее время выдастся, буду учиться не только на шлифовальном, но и на других. Мне это пригодится. А вы уж не обижайтесь на меня, ладно?..

— Я думал, как лучше для вас,— не то удивленно, не то разочарованно проговорил Герасимов. — Для меня так будет лучше. Между прочим, ваш Щуров — золото,— добавил он неожиданно. И уже вслед уходящему начальнику: — Головастый учитель...

Да, очень быстро Высоцкий добился своего. Освоил самые сложные станки: бесцентрово-шлифовальный, зубо-фрезерный, долбежный.

Спустя три месяца — третий разряд, потом сразу пятый. Опытнейшие мастера диву давались: вот бы нам еще таких учеников!

Довелось Высоцкому поработать на особом реечно-фрезерном станке. Приметил: включишь станок — фреза движется легко и быстро. Надо отвести ее назад — крути вручную. А тем временем собьется с места деталь — ковыряйся, ставь на ней меточки. И вот уже Высоцкий толкует с электриками: нельзя ли так сообразить, чтоб мотору обратный ход? Сам что-то чертит, рисует, рассчитывает. Из хаоса заметок возникает эскиз необходимого рычага для расцепления шестеренок. С робостью юнца он несет свои эскизы технологу.

И вот станок после «вмешательства в его внутренние дела» стал давать куда больше деталей.

Как-то приходит Высоцкий к секретарю партбюро.

— Василь Васильевич, я с жалобой...

Секретарь насторожился. Никто ни разу не слыхал, чтоб майор жаловался, хотя и у него, очевидно, не все складывалось в новой жизни на заводе без сучка, без задоринки.

— Что произошло, Александр Васильевич?

— Не произошло, но происходит. Неладно получается с Беловым из нашего цеха. Парень учиться наметил. Хочет в институт.

— Ну, что ж такого? Дело обычное... Пусть...

— Да, пусть... А его отговаривают. Он единственный, кто на протяжном станке управляется, без него мы сейчас всю программу запорем. Пока еще подготовят замену! Полгода минимум.

— А сам-то Белов как решил?

— Белов остается. Не чужой же ему завод!

— Так в чем же дело?

— В том, что нельзя допустить, чтоб парень не попал в институт.

Секретарь пожал плечами.

— Может, вы сами попробуете на протяжном?

Высоцкий сказал:

— Попробую.

В три недели он сделал то, что казалось совершенно невозможным. Он заменил Ивана Белова, и тот со спокойной душой сдавал экзамены в вуз.

И вот уже приходит к нему мастер, просит: возьми себе, товарищ Высоцкий, учеников.

И Высоцкий учит рабочих, консультирует студентов-практикантов. Смена, семь часов, до краев заполнена. Потом Александр Васильевич собирается домой. Собственно, дома-то все еще нет. В завкоме председатель беспокоится: как-то неудобно, боевой офицер, четверть века в армии, лучший новатор. Другой на его месте давно бы пришел, потребовал, а может, и кулаком бы стукнул по столу: ущемляете, мол, заслуженного человека, фронтовика, и пошел бы и пошел...

Высоцкий не стучал кулаком. Он даже не думал, что кто-то его ущемляет. Просто пока еще трудно с жильем.

На заводе стали строить дома по принципу: хочешь поскорее жилье — засучи рукава сам! Ему это понравилось.

И майор Высоцкий, и жена его, и обе дочки-студентки, потолковав между собой, «засучили рукава»: по вечерам работали и каменщиками, и штукатурами, и малярами...

С недавних пор живет семья Высоцких в каменном доме, к которому собственные руки приложены.

Александр Васильевич по-прежнему что-то упорно придумывает, а потом, ко всеобщему удивлению, берется работать сразу на нескольких станках и тихо, незаметно перекрывает нормы, больше всего боясь при этом громкой похвалы и парада. Военный до мозга костей человек, он впервые своими руками создавал станки. Он мог их видеть, потрогать руками, посмотреть, как они работают, и, кажется, майор впервые чувствовал себя по-настоящему счастливым. Он теперь говорил товарищам по цеху:

— Вы, хлопцы, мои однополчане. Не могу без вас... Теперь здесь моя жизнь.

Это не было красивым словом. Однажды в отпуске, где-то за городом, Высоцкий случайно узнал, что в цехе не успевают фрезеровать рейки. Александр Васильевич вернулся в цех, нафрезеровал этих реек впрок, чтоб хватило до конца его отпуска...

В цехе давно признали своим майора, полюбили его. А когда настал срок перевыборов, коммунисты избрали Александра Васильевича членом партийного бюро. Пришлось поближе узнавать товарищей, пришлось не раз испытать себя лицом к лицу с людьми при довольно тонких обстоятельствах.

Помните Виктора Щурова, знатного шлифовальщика, первого учителя Александра Васильевича? Учитель этот начал зазнаваться, а однажды пришел на работу пьяный. Парня вызвали на другой день в партбюро. Говорил с ним Высоцкий, бывший его ученик. Разговор был прямой. Без расшаркиваний. Щуров впервые видел тихого Высоцкого разгневанным. И презрительно усмехнулся.

— И вы тоже... А я-то думал!..

— А ты-то думал, я тебе соломку подстелю? — заволновался Высоцкий.— Неудобно все-таки: первый учитель! Стыдно мне, стыдно, брат, за тебя!—Он махнул рукой, а Щуров угрюмо молчал, только веки дрогнули, и он стал смотреть в сторону, слушая Высоцкого, который прежде никогда так много не разговаривал.

— Эх, ты! Руки у тебя золотые, голова на зависть, а характеру кот наплакал...— От волнения Высоцкий говорил быстро.— А я еще гордился, что твой ученик... С учителя, с такого, как ты, спрос особенный...

Щуров ушел от майора растерянный. С той поры ни разу не видели его в цехе навеселе...

Бывший майор и бывший командир боевого подразделения теперь командует девчатами и парнями из своей бригады. Они хотят, чтобы их назвали бригадой коммунистического труда.

Не так давно Высоцкий встретил того знакомого, который все расписывал ему легкую жизнь.

— Ну, как житуха, товарищ майор? Лучше с погонами или без?

Высоцкий поглядел на него искоса и промолчал...

Copyrighted material

434 ДОРОГА УХОДИ

Н. ТАРАСЕНКОВА

Фото Д. УХТОМСКОГО.

Говорят, нет спокойнее города, чем Фергана. Говорят, нет зеленее города, чем Фергана. Спящей красавицей зовут Фергану.

Кончились тополя. Степь. Где-то далеко дорога врезается в небо. Выплыли, заблестели на солнце огромные резервуары. И чем ближе завод, тем отчетливее трубы, трубы и трубы... Сразу видно: здорово поработали монтажники, не зря о них здесь так много говорят.

Наш спутник — начальник монтажного управления Гази Сабирович Сабиров. Но представить так Гази Сабировича — это значит еще ничего не сказать о нем. Он не только руководитель большого коллектива, но и талантливый механик. Вот, например, сушилка для хлопка. Она сделана по его проекту. Очень проста по устройству, недорога и доступна каждому колхозу. Много благодарностей уже получил Гази Сабирович: «За досрочное отличное выполнение», «За проявленную инициативу», «За новые методы работы»...

День в день сдали монтажники и строители нефтеперерабатывающий ферганский завод. Это одна из 434 особо важных строек третьего года семилетки.

Давно ждали в Узбекистане нефтеперерабатывающий завод. Он будет снабжать республики Средней Азии не только бензином, но и высококачественными маслами, парафином, битумом и коксом. И вот уже идут со смены рабочие. А строители и монтажники начали монтировать вторую очередь. Да и третья не за горами.

— Вы еще не слыхали о наших бригадирах? — спрашивает Гази Сабирович. — Есть такие — Илья Педер, Тохтасын Ашуров, Николай Земсков. На монтаж холодильной установки требовалось четыре месяца. Но оборудование здорово запоздало. Так вот, за тридцать дней справились. Трудно было, а сделали. Только Педер и Земсков теперь уже на другом заводе. На азотнотуковом. Это по соседству.

...Большой круг, выложенный из железных листов, — днище. Рядом огромный рулон, около которого люди кажутся крохотными. Мощные краны и тракторы поставят его на попа, приварят край к днищу, развернут, и через несколько дней на этом месте будет огромный резервуар. Здесь и работает бригада Ильи Педера. Всего семь человек.

Но с Педером мы так и не смогли побеседовать. Его все время отвлекали, а он, смущенно улыбаясь, говорил нам:

— Вечером встретимся.

Мы уже пошли, и вдруг Сабиров обернулся и сказал весело:

— А ведь мы с ним мост вместе строили. Да еще какой мост!

Вечером при встрече Илья Педер рассказал о себе. Пришел в монтажное управление учеником. Так до сих пор здесь и работает. Тогда ему четырнадцать лет было. А сейчас — тридцать четыре. Ездил в другие города помогать монтажникам. Во многих местах побывал. Кое-что уже стерлось в памяти. Только вот про мост никогда не забудет.

Началось это так. Хороши пастбища в Чуналайской долине за Кызылсу. Очень хороши. Но своенравная и быстрая эта река. Кинь камень — не утонет, понесет...

Скот переправляли вброд. Много его не доходило до пастбища, оставалось в реке. Горевали чабаны, горевали колхозники. Нужен был мост. И вот монтажники за 15 дней навели подвесной мост. Руководил строительством сам Гази Сабирович. Все трудности, все приключения этих дней до сих пор вспоминают монтажники. Да и как забыть! Работали по пояс в воде. А вода ледяная. Рисковали. Но зато высоко в горах возник удобный, прочный, красивый мост.

А вскоре после этого жители Ферганской долины выбрали Сабирова депутатом Верховного Совета республики.

...Мы думали рассказать о работе монтажников на новом ферганском заводе, да оказалось, куда разнообразнее их работа.

Мы шли по поселку. Бригадира здесь знают все, и приходится часто останавливаться.

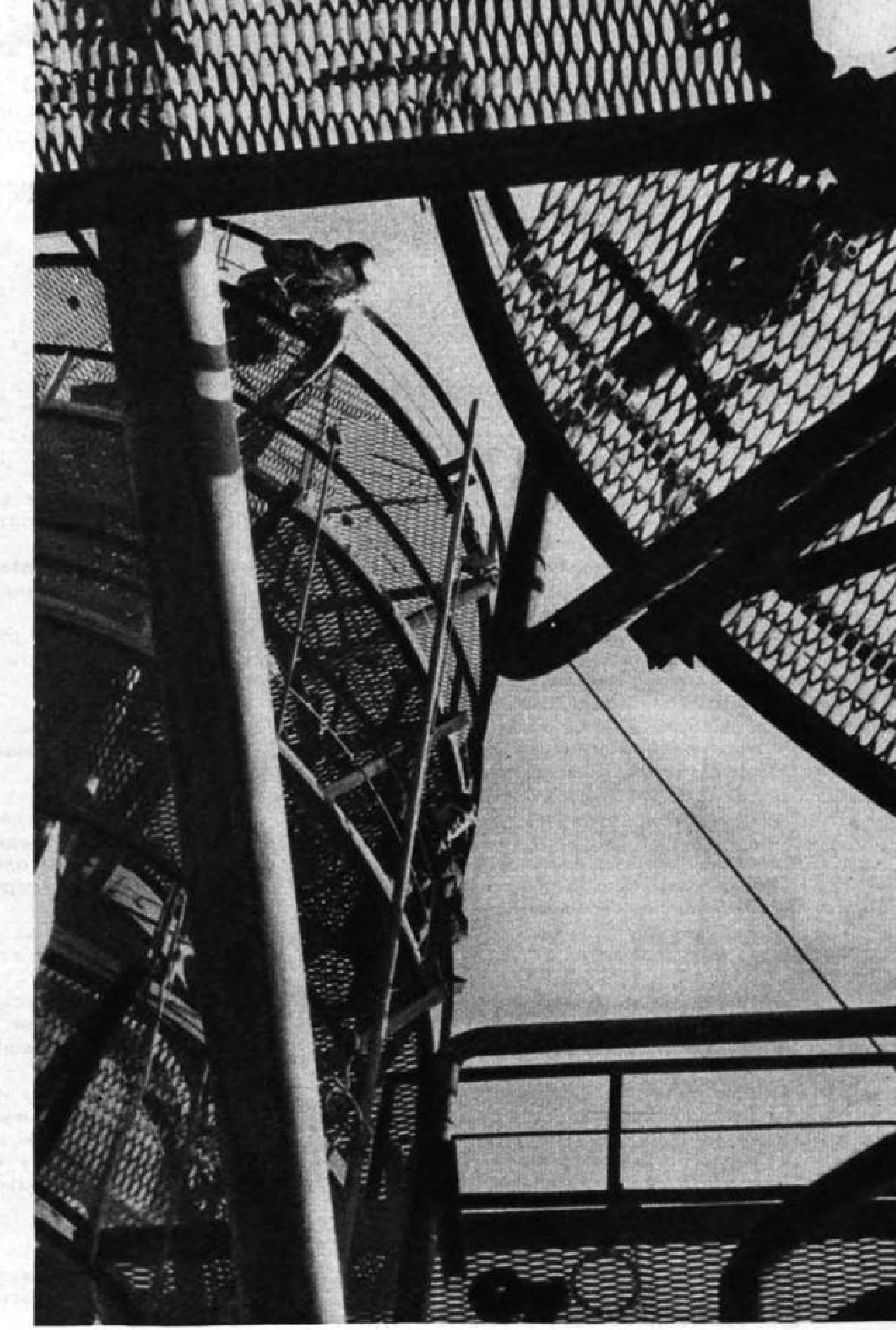
— Знакомьтесь, Юлдашбай Ураимов. Слесарь-монтажник. Почетный строитель. Вам хочется знать, сколько ему лет? Только шестьдесят семь. Конечно, возраст пенсионный, но с работы уходить не собирается. Сейчас ведь строится завод за заводом. Скоро новый начнут — искусственного волокна. Нет, не может он уйти с работы.

Copyrighted material

Т ВДАЛЬ

Зашли к Любе Хасановой, технику-экспедитору по комплектованию оборудования, и застали ее на кухне. Люба теперь может очень быстро приготовить дома обед. Газ пришел в город и в поселок нефтяников. Подводка газа — тоже дело рук монтажников.

...А сейчас наш путь не близок, мы едем в колхоз «Москва», Ахунбабаевского района. Здесь идет собрание, которое также касается монтажников. Председатель Мирза Ишанкулов предлагает строить в колхозе насосную станцию. Вода! Это значит новые гектары земли, это значит новые тонны хлопка. И, как видите на снимке, все колхозники «за». Они уже слышали про насосные станции (монтажники соорудили их во многих колхозах). Потом мы побывали в сельхозартелях, где монтажники оборудовали прекрасные молочнотоварные фермы.

...О водолечебнице — маленьком ферганском Кисловодске — будет тоже короткий рассказ.

На землях центральной Ферганы, на целине, неподалеку от станции Ванновская, шла нефтеразведка. И вдруг обнаружили горячий источник. Вода +43 градуса, похожа на нарзан. Решили строить лечебницу. Проект — Гази Сабирова. Рабочие — монтажники, студенты, шоферы.

Через два месяца стали прибывать больные. Экзему, радикулит, ревматизм лечит ферганский источник. Часто приезжают сюда люди с костылями, а уезжают, бросив их в лечебнице. И это все дела монтажников. Хорошие дела!..

На снимках (слева направо):

Кончилась смена.

Бригадир монтажников Илья Педер (в центре) руководит такелажными работами.

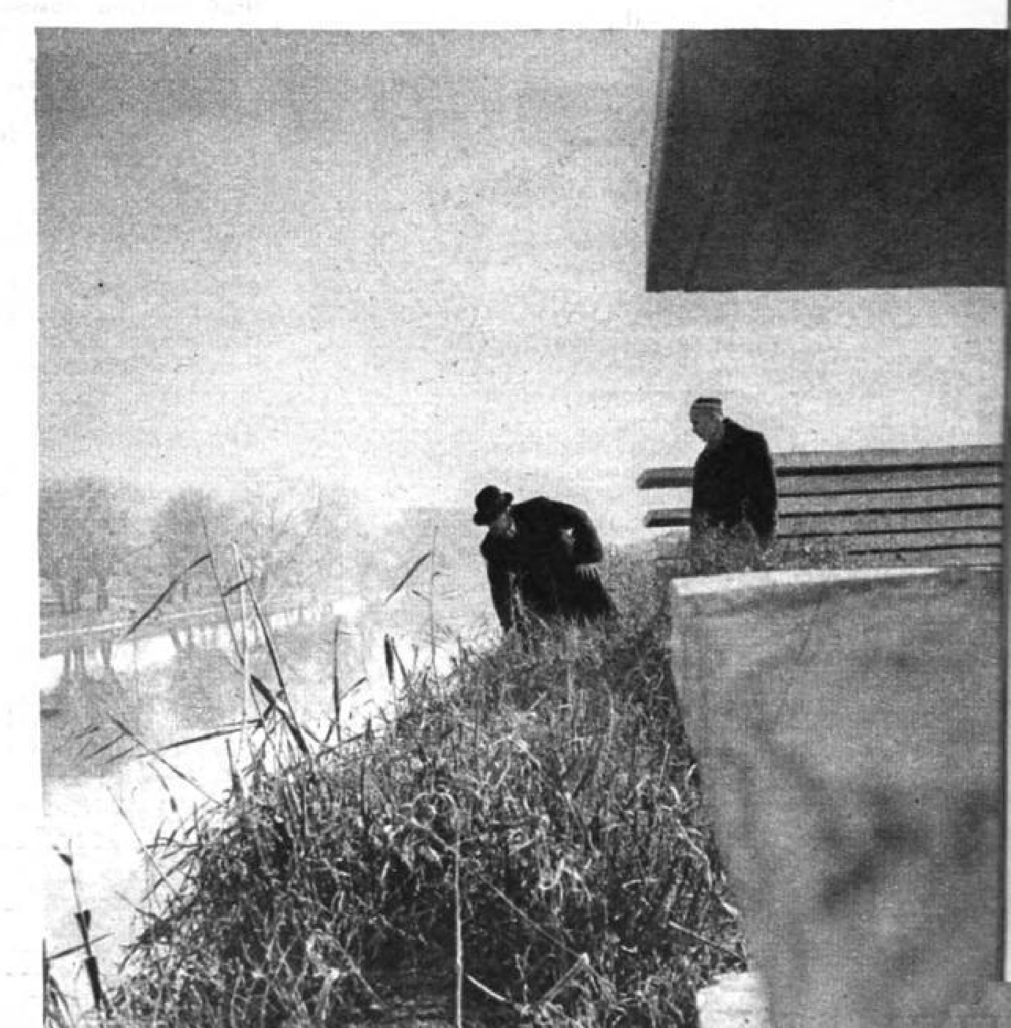
Монтируется установка маслоблока.

Решили единогласно: будем строить и насосную станцию.

Здесь возникнет третья очередь завода.

Надо выбрать место для моста на Большом Ферганском.

Алексис ПАРНИС

Партизаны

I

Только камни одни у них были вначале,
И камнями они часовых убивали
У моста или склада.
Ничего у них не было, кроме камней,
Словно в каменный век отшвырнуло людей:
Шли с камнями в засады.

Но потом они взяли железа куски
И в пещерах ковали ножи и штыки,
Словно люди железного века.
После с помощью этих ножей и штыков
Они порох добыли из складов врагов,
Чтобы делать гранаты.

После, с помощью сделанных ими гранат
У фашиста в бою отобрав автомат,
В век машины вступили.
Так в упорной борьбе
Через все времена
От победы к победе вела вас война,
Партизаны, борцы-партизаны.

Лом и спички, бутылка с бензином и нож —
В мире проще, чем эти, вещей не найдешь.
Но такими простыми вещами
Вы творили историю.
В ваших руках
Все внушало фашистским захватчикам страх,
Партизаны мои, партизаны.

Ваши горы, макú, вами занятый лес —
Зал, где нюрнбергский шел ежечасно процесс
И фашистов возмездие ждало.
Вы вобрали в себя гнев погибших бойцов,
Был всегда приговор справедлив и суров:
Вы врагу не давали пощады.

II

Полюбили вас горы:
Вы были для них родниками.
Полюбили вас травы:
Вы свежими были дождями.
Полюбили вас те,
Кто в неволю был угнан врагами,
Как надежду свою,
Что во мраке светила огнями,
Партизаны мои, партизаны.

Под ногами врага
Вы, как торф белорусский, горели.
Был незримым огонь,
Но не гас он ни на мгновенье;
Вы захватчиков жгли,
Как пылающий уголь, как лава.
В разных странах земли
Вас венчали победа и слава,
Партизаны мои, партизаны.

Для составов врагов
Остановкой последней вы были,
И на ваших полянах
Горели их гордости крылья.
В путевые листы их солдат
Вы поправки вносили,
И захватчики путь свой кончали в могиле.
Кто б вы ни были: греки, поляки, французы,
Югославы, украинцы и белорусы,—
Враг, чьи дерзко в бою
Нарушали вы планы,
Одним именем вас называл:
«Партизаны!»

Это слово для ваших врагов означало
Гибель, смерть и разгром, где б оно ни
звучало,
Где бы враг ни шептал это слово в испуге:
На востоке, на западе, севере, юге...

Кто б вы ни были: русские, чехи, французы,
Югославы, украинцы и белорусы,—
Друг, следивший за вашей борьбой
неустанной,
Одним именем вас называл:
«Партизаны!»

Это слово для ваших друзей означало
Свет и мужество, где бы оно ни звучало,
И с надеждой в груди повторял это слово
Юг, пропитанный солнцем, и север суровый.
Партизаны мои, партизаны.

Враг боялся, когда
с криком вы
на него нападали.
Но когда на допросах вы гордо молчали,
Это ваше молчанье
его еще больше страшило...
Песнь молчанья!
Какая в ней твердость и сила!
Как победно она над землею гремела
За тюремной стеной и в минуту расстрела!
Никакому оркестру и хору на свете
Никогда не подняться
в симфониях,
в песнях
До высот,
заключенных в молчании этом,
Прославлявшем достоинство
гордых и честных.
Палачи всех времен
из могил выходили,
Чтоб гестапо помочь,
когда мучали вас,
Но назло палачам
вы молчанье хранили
В свой последний,
свой смертный,
свой доблестный час.
Умирали,
чтоб снова на землю вернуться,
Чтоб родиться бессмертными
славы детьми.
Ваша правда живет,
ваши песни поются,
Партизаны,
товарищи,
братья мои!

Я сегодня иду
по лесам белорусским,
На огромной зеленой трибуне стою,
В каждом чистом ручье,
в каждой ветке и кустике
Слышу песню о вас
и о вас свою песню пою.
Партизаны лесов!
Я в горах воевал партизаном,
Партизаны лесов,
я от гор партизанских гонец,
Я из дальней страны,
где сейчас партизанская слава
Вне закона,
в подполье,
в глубинах сердец.
Я пришел к вам сюда,
как выходят бойцы из блокады,
Из страны подневольной,
где тыщи людей
Прячут знамя весны,
прячут знамя бригады
Под простреленной в битвах
одеждой своей.
Это знамя хранят,
чтоб при встрече с грядущим,
Встрече с нашими главными силами —
с будущим днем,
Развернуть его гордо!
Как сердце, как души,
Этот стяг незапятнан!
Свет славы на нем.

III

Песнь моя,
по земле
ты изгнанницей бродишь,
Как душа партизана,
забывшая мир и покой.
Иногда ненадолго приют ты находишь,
Но все время дорога лежит пред тобой.
Я сегодня в гостях у лесов белорусских.
К сердцу тянутся ветви, как тысячи рук.
Хорошо в их зеленых объятьях.
Я чувствую
Радость в сердце,
вступив в этот дружеский круг.
Лес сегодня похож
на бойца медсанбата.
Он склонился над раненым,
чтобы помочь:
Перевяжет заботливо раны солдата,
Уведет осторожно из зоны отчаянья прочь.
Солнце, мой проводник,
впереди за стволами
То исчезнет, то снова горит средь ветвей.
Я иду вслед за ним
к той цветущей поляне,
Где грядущее сложит для песни моей
Полный света финал,
полный радости чистой,
Как звенящие счастьем ручьи.
Я иду, солнце светит
сквозь ветви,
сквозь листья...
Партизаны, товарищи, братья мои!

Братья! Ваши леса буду помнить я долго,
Как боец-партизан
долго помнит короткий привал,
На котором, уставший,
отдохнул он немного
И потом на задание снова шагал.
Как боец-партизан
помнит руку,
что в зное сраженья
Протянула ему
драгоценную флягу воды,
Как он помнит людей из простого селенья,
В трудный час укрывавших его от беды
И потом говоривших ему на прощанье:
«Ну, счастливо, сынок!»
И рукою махали с крыльца...
Я нашел в ваших древних лесах,
партизаны,
И любовь и поддержку!
Соратники — наши сердца!

Перевел с греческого
Н. РАЗГОВОРОВ.

Copyrighted material

В. Костецкий. ВРУЧЕНИЕ ПАРТИЙНОГО БИЛЕТА.

Е. Левин.

ПАРТИЗАНСКОЕ СОЕДИНЕНИЕ С. КОВПАКА.

На обороте:

И. Тартаковский.

В ОСВОБОЖДЕННОМ КИЕВЕ.

Выставка «Советская Украина».

«Огонек».

Copyrighted material

Copyrighted material

Ю. Ятченко.

С МЕЧТОЙ О МИРЕ. СПАСЕНИЕ СОВЕТСКИМИ ВОЙСКАМИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДРЕЗДЕНСКОЙ КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕИ В 1945 ГОДУ.

Выставка «Советская Украина».

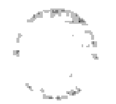
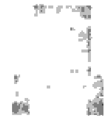
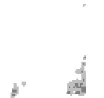
Е. Лесин.

В РОДНЫЕ МЕСТА.

Выставка «Советская Россия».

Copyrighted material

ПАМЯТЬ БЕССМЕРТНЫХ

Генерал-майор М. ДУДАРЕНКО,
начальник архива Министерства обороны СССР

Вот он какой, архив!

Известие о назначении начальником архива Министерства обороны явилось для меня неожиданностью. Архив, хранящий документы Великой Отечественной войны...

Мы слышали о нем еще на фронте, и назывался он тогда «хозяйством» полковника Кондрашова. Туда, в далекий заволжский город Бузулук, отправлялись документы моей дивизии. Вернувшиеся из поездки офицеры рассказывали об архиве кратко: здания тюрьмы, церкви и зерносклада, заполненные ящиками и штабелями мешков с документами; небольшая группа офицеров и солдат, ждущих, когда заживут раны и можно будет снова вернуться в действующую армию; вооруженный допотопными винтовками взвод девушек — охрана; описи, дела, пыль, неразбериха. Вот, пожалуй, и все.

После окончания войны я узнал, что архив перевезен в другое место. Туда же судьба, а вернее — приказ, заставила ехать меня.

Машина проскочила городскую окраину, резко свернула вправо. Архив! Удивленно оглядываюсь: несколько больших многоэтажных зданий, клуб, водокачка, гостиница, гараж. Асфальтированные дорожки, стадион, много зелени и тишина, сначала показавшаяся непонятной. Так вот он какой, архив!

Первое впечатление опрокинуло слышанное на фронте. Новая работа увлекла сразу. Начинать, как ни странно, пришлось с вопросов строительства. Оборудованные по последнему слову техники трехэтажные хранилища, реставрационные мастерские, типография, микрофотолаборатория. Часть зданий существовала пока на чертежах, другая готовилась к сдаче в эксплуатацию. Цветное фотокопирование документов и составление научных описей, реставрация пострадавших на войне дел и редактирование документальных сборников, научная экспертиза и подбор материалов по боевым операциям... Хотелось быстрее разобраться, где же главное звено.

Как-то вечером мне доложили об исполнении и отправке четырех тысяч запросов.

— Это за месяц?

— Нет, за день...

Четыре тысячи справок о прохождении службы, розыске родных, получении неврученных наград! И за каждой — судьба участника минувшей войны. Такого количества писем, вероятно, не получают даже редакции популярнейших газет и журналов.

Я понял, что это и есть главное звено, главный участок работы. Он трудно поддается планированию, ибо сегодня можно получить тысячу писем, а завтра — двенадцать. А в последнее время поток запросов резко увеличился: идет сокращение вооруженных сил, нужны справки на получение пенсий. Только поспевай!

Вот мы и стараемся «поспевать» и порой находим сведения о людях, которых давно считали пропавшими.

Судьба экипажа

О двух летчиках в книгах учета личного состава было записано: «Не вернулись с задания». И все.

Но Надежда Дмитриевна Бурмистрова все же не прекращала поисков. Десятилетний опыт работы в архиве подсказывал ей: данные о судьбе летчиков где-то должны быть. И если молчат учетные документы, возможно, заговорят боевые. И она терпеливо листает страницы журналов полетов, формуляры, оперативные сводки. И наконец краткий рассказ о героях был обнаружен в истории 637-го штурмового авиационного полка.

...Им было по двадцать два года. Командир самолета младший лейтенант Иван Чекмарев—из Удмуртии, стрелок-радист Павел Поляничко — из Челябинской области. Весной 1944 года их полк штурмовал отступающие войска противника на Правобережной Украине.

Одиннадцатого марта после штурмовки вражеской мотоколонны «ИЛ» не вернулся на аэродром. Подбитый фашистским истребителем, он упал возле деревни Княжовцы. Раненые, без сознания, летчики были захвачены в плен. О том, что произошло потом, рассказали местные жители.

Когда пилоты пришли в сознание, фашисты начали допрос: требовали сведения о наших авиационных частях. Но Чекмарев и Поляничко молчали. Им предлагали вино, папиросы. Они отказались от всего. Пленных стали истязать, отрубили пальцы рук, выкололи глаза. Ни слова! Тогда фашисты привязали летчиков к старому каштану, облили бензином и подожгли...

А через две недели мимо их могилы промчались краснозвездные танки и залпами орудий отсалютовали погибшим героям.

Когда ошибаются документы

Нужные сведения для ответа на письмо Псковского краеведческого музея Б. Вербицкий разыскал быстро.

...8 июля 1941 года группе саперов мотоинженерного батальона во главе с младшим лейтенантом Байковым поручили взорвать мост через реку Великую. Уже заложили взрывчатку, осталось только повернуть рукоятку машинки. Но в этот момент с западного берега послышались выстрелы — это наши бойцы прорывались из вражеского окружения. И тогда младший лейтенант решил дождаться, пока товарищи пройдут мост. Последний солдат сошел на берег. Байков повернул рукоятку машинки, но... взрыва не последовало: пуля перебила провод. А фашисты уже были совсем близко. Сдать врагу мост? Ни за что!

Саперы выскочили из окопов. Боец Никитин поджег короткий шнур. Оглушительный грохот прокатился над Псковом. Переломившись надвое, мост рухнул, похоронив под обломками саперов и разметав ступивших на него гитлеровцев.

За этот подвиг младшему лейтенанту Байкову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза, а младший сержант Панов, рядовые Алексеев, Анашенков, Никитин, Холявин и Хомляшов посмертно награждены орденами Ленина.

Такую справку и дал Б. Вербицкий Псковскому краеведческому музею. Один из его сотрудников написал об этом статью в местную газету и попросил родственников и знакомых прислать воспоминания о погибших. Герои были уроженцами Псковщины.

А через день в редакцию пришли... Алексеев, Никитин, Панов, Холявин и Хомляшов, узнавшие из газеты о собственной гибели.

Как же случилось, что пятеро из семерых героев остались живы? Отброшенные взрывной волной, раненные или контуженные, они поодиночке перебрались через линию фронта. Каждый был уверен в смерти товарищей. После окончания войны все пятеро возвратились в родные места. Газетная заметка помогла им найти друг друга и получить заслуженные награды.

Большая редкость, когда ошибаются архивные документы, но такой ошибке, мы, конечно, рады.

Запрос воскрешает легенду...

— Прошу вас подтвердить, что я действительно находился в Хватовзаводском госпитале.

Это просил москвич Н. Кузищин. Однако ни в одном из проверенных нами документов такой госпиталь не значился. Но Кузищин стоял на своем. Сам в архив приехал. «Как же так не значится! Зимой сорок второго года я вместе с группой бойцов письмо писал в Президиум Верховного Совета. Мы просили наградить начальника госпиталя Акима Никоновича Васильева».

Ветераном войны заинтересовался сотрудник архива И. Шалаев. Рассказ его напомнил слышанную на Смоленщине легенду о партизанском докторе, который спас сотни раненых.

Стали изучать наградные материалы Западного фронта. Нашли письмо в Президиум Верховного Совета СССР, характеристики, наградные листы, а главное, адреса участников минувших событий. И вот раскрывается еще одна страница истории Отечественной войны.

...Октябрь 1941 года. Фашисты прорвали Западный фронт и продвинулись за Смоленск, к Вязьме. Попавшие в окружение наши бойцы пробиваются на восток. Ударили ранние холода, выпал снег. Особенно тяжело пришлось раненым, оставшимся в тылу врага.

Заведующий Хватовзаводским медпунктом фельдшер А. Н. Васильев, несмотря на угрозу расстрела, спрятал у себя группу раненых командиров. Вскоре местные жители доставили к нему еще несколько полузамерзших людей. Слух о новом госпитале быстро распространился по смоленским лесам. В маленькую деревушку под Вязьмой устремились сотни раненых. Судьба их оказалась в руках старого фельдшера. Раненых надо было лечить, кормить, одевать и прятать от врага. Васильеву помогали земляки, и все же семья его выбивалась из сил. А с фронта шли тревожные вести...

Под руководством коммунистов Береснева, Муханова, Московского в подпольном госпитале была создана партийная организация. Ком-

Copyrighted material

Идут письма... Очередную почту разбирает Е. С. Малькова.

комсомольцы Хватова Завода во главе с сыном фельдшера Сашей Васильевым собирали брошенное в лесах оружие, печатали и распространяли листовки. Семлевский подпольный райком партии организовал снабжение госпиталя, охранял его от налетов карателей, помогал раскрывать проникших в Хватов Завод агентов гестапо. Попытались было каратели захватить госпиталь, но их нападение отбили партизаны и отряд выздоравливающих...

Фашисты рассвирепели. Начальник смоленского управления гестапо направил в деревню охранный полк. Гитлеровцы блокировали госпиталь. Погибла ушедшая в разведку жена фельдшера Анастасия Ивановна. Иссякали силы партизан, охранявших деревню. Казалось, что раненые уже обречены на гибель.

Избавление пришло внезапно. Под Вязьмой высадились наши воздушно-десантные части. Сюда же прорвался гвардейский кавалерийский корпус генерала А. П. Белова. Раненые были отправлены в тыл на самолетах. Но полгода спустя провокатор выдал начальника подпольного госпиталя Васильева, и его расстреляли. А через несколько месяцев этот же предатель выдал и всех членов подпольного Семлевского райкома партии. Найти гада удалось сравнительно недавно.

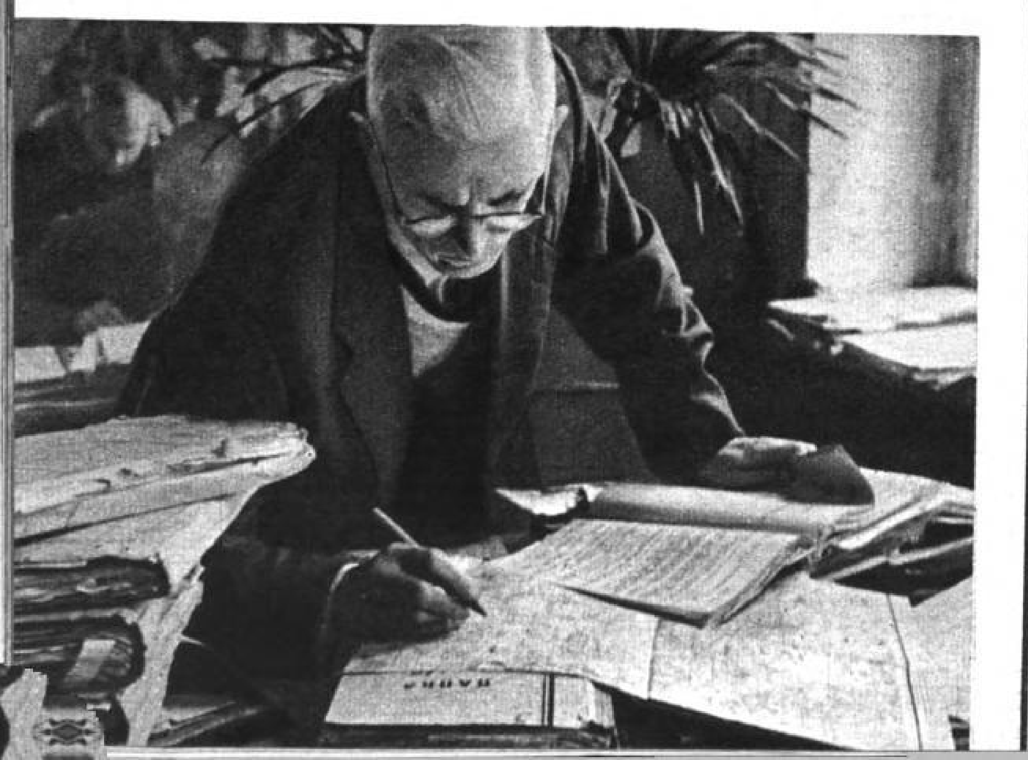
...Сейчас заканчивается работа над документальной повестью о Хватовзаводском госпитале. И началом этой повести послужило письмо Н. Г. Кузищина в наш архив, письмо, воскресившее историю героической жизни и гибели фельдшера Васильева...

* * *

Боевые документы — память бессмертных подвигов! Опаленные огнями битв, пробитые осколками, омытые дождем, залитые кровью, они подтверждают и воссоздают картины величайшего мужества советских людей. Работая с ними, невольно задумываешься: как же мало наши писатели, ученые и журналисты используют богатейшие материалы истории! Миллионы хранящихся дел, сотни тысяч запросов и ответов на них — это ненаписанные очерки, диссертации, повести.

Сотрудница архива И. А. Афанасьева разыскивает наградные документы.

В читальном зале архива. Полковник в отставке А. Г. Казанин пишет научный труд о службе военных сообщений.

Фото А. Узляна.

ТАНКИ СЛУЖАТ ГЕОЛОГАМ

Тишину леса внезапно нарушил рев мотора. На опушку выполз танк. Вид грозной военной машины был необычен: вместо башни с пушкой над ней возвышалось какое-то громоздкое приспособление с высокой мачтой.

Танк остановился, и экипаж его открыл «огонь»: длинный металлический стержень начал с силой долбить промерзший грунт.

Недавно Уфалейская геологоразведочная партия получила две мощные боевые машины, списанные в одной из частей. Геологи быстро сообразили, как лучше использовать могучую технику. Взамен снятых пушек они смонтировали на ходовой части буровые станки «Амурец». Получились удобные и быстрые вездеходы. На одном из них группа геологов уже ведет изыскательские работы. Скоро отправится в поиск и другой.

Весь «экипаж машины боевой» — бывшие воины: старший буровой мастер Иван Васильевич Дегтярев, возглавляющий группу, мастер Иван Павлович Леонтьев, рабочий Алексей Степанович Глебов и другие — участники Отечественной войны.

В. ЧЕРЕПАНОВ

Фото автора.

Верхний Уфалей. Челябинской области.

В №№ 9—12 «Огонька»

Читайте

повесть Николая АСАНОВА

«НЕ НАДО ТОПТАТЬ ЦВЕТЫ»

Абонементы на концерты филармонии можно приобрести прямо в цехе завода.

Фото О. Кнорринга.

К музыке

Три года назад Московская филармония и общественность Электролампового завода решили выпустить специальный абонемент для рабочих и служащих.

Первый год был трудный. С осторожностью подходили к составлению программы, выбирая наиболее доступные для неискушенного слушателя произведения. Пятая симфония Чайковского сменялась литературно-музыкальным спектаклем «Пер Гюнт», а после вальсов и полек Иоганна Штрауса звучал Второй концерт для фортепьяно Шостаковича.

На завод выезжали лекторы, в цехах во время обеденных перерывов выступали артисты. И постепенно очень многие увлеклись серьезной музыкой.

Выпуск абонементов для рабочих и колхозников теперь уже обычен для филармонии. В концертах участвуют симфонические оркестры, лучшие дирижеры и солисты, прославленные коллективы страны. Слушатели в своих письмах благодарят работников филармонии за то, что они сумели приобщить их к прекрасному искусству.

О. ЗЕМЛЯНОВА

Copyrighted material

В. ПЛЕТНИКОВ

Рисунки Б. БОССАРТА.

ПРОВЕТРИМ НАШИ УЛИЦЫ

Высокие трубы заводов давно уже стали привычной деталью пейзажа большого города. Медленно тянутся от них к небу причудливые султаны белого, серого и черного дыма, клубятся, смешиваются, растекаются по горизонту и окутывают городские дали призрачной синеватой дымкой.

Давайте приглядимся к этой дымке поближе, посмотрим, что скрывается за ее внешней безобидностью.

Воздух, которым мы дышим

Прежде всего оказывается, что дымка над городом не так уж невесома. Именно из нее на каждый квадратный километр Ливерпуля ежегодно выпадает 35 железнодорожных вагонов золы, сажи и пыли. Она далеко не безвредна. Давно известно, что особенно часто люди болеют в пасмурное, бедное солнцем время года. Вместе с осенью, как правило, в города приходит и грипп. Дело не только в холодной и сырой погоде. Сквозь толщу облаков с трудом пробиваются ультрафиолетовые лучи. А именно они убивают многих микробов. Поэтому-то и получается, что в задымленных городах, где воздух теряет свою прозрачность наполовину, круглый год как бы стоит осень, круглый год болеют люди...

Много вреда причиняет и частый спутник заводского дыма — сернистый газ. Газ этот — злейший враг зелени. Но он вредит не только садам и паркам. Железные крыши в городах, например, приходят в негодность в 10 раз скорее, чем в сельской местности. И виноват опять он, сернистый газ.

С пылью и дымом из заводских труб уносятся в воздух тысячи тонн ценнейших продуктов. Например, один из комбинатов до недавнего времени ежегодно развеивал по ветру два железнодорожных состава металлического никеля. А годичная порция дыма Норильского комбината и по сей день обходится государству очень дорого.

...И так день за днем оседают на улицы тонны золы и пыли, чахнет зелень, теряется ценное сырье, а главное, страдают люди.

И всему виной дым.

«Нет дыма без огня» — гласит известная пословица.

Но может ли быть огонь без дыма? Можно ли сделать так, чтобы пламя, бушующее в топках электростанций, в домнах, в печах цементных и многих других заводов, не загрязняло и не отравляло воздух городов? Как сберечь миллионы рублей, бесполезно улетающие в трубу?

За ответом на эти вопросы мы обратились к управляющему трестом «Газоочистка» Михаилу Федоровичу Скачко.

— Бороться против отравления городского воздуха вредными газами и дымом,— сказал он,— можно и нужно. Этого требует жизнь. Это требует «Закон об охране природы», принятый сессией Верховного Совета РСФСР.

И такая борьба идет. Быстрыми темпами развертывается газификация и теплофикация многих городов. Только в одной Москве за последние годы перешли на газ или подключены к ТЭЦ и перестали дымить несколько сот промышленных предприятий, тысячи жилых домов. Ярким примером полной теплофикации является молодой социалистический город Ангарск, где нет дымящих труб, а воздух по своей чистоте не хуже загородного.

Способствует очищению воздуха и перевод железных дорог на тепловозную и электрическую тягу. Ведь города заметно выросли, и вокзалы, бывшие некогда на окраинах, оказались в гуще городских кварталов.

Оздоровлению воздуха уделяется большое внимание и при планировке новых и реконструкции старых городов. Один из важнейших принципов современного советского градостроительства — раздельное размещение жилых массивов и предприятий. Так будет в городах-спутниках.

Но важно не только вынести за город дымящие заводы. Важно так расположить их по отношению к жилым районам, чтобы ветры, господствующие в данном месте, сами относили заводской дым прочь от города...

Зеленый «гребешок»

В борьбе за чистый воздух почетное место отводится зелени. В первую очередь это относится к устройству так называемых санитарно-защитных зон из специально подобранных, устойчивых против дыма и пыли пород деревьев и кустарников.

Воздух, «прочесанный» десятками тысяч клейких или ворсистых листочков, становится чистым, оставляет на них часть копоти и пыли.

Кроме того, зеленые массивы — «легкие» города. Они непрерывно освежают городской воздух, насыщая его сотнями тысяч кубометров кислорода и озона.

Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о «Большой Москве» прибавляет к зеленым насаждениям столицы еще 180 тысяч гектаров леса. Вслед за «Большой Москвой» на картах появится «Большой Ленинград», «Большой Киев». Зеленые кольца опояшут сотни индустриальных центров нашей Родины.

Дома из дыма

Однако вернемся к дымящим трубам.

Сейчас уже многие инженеры-конструкторы и ученые работают над созданием новой технологии, над созданием новых очистительных сооружений на заводах и фабриках, чтобы дым не отравлял воздух в наших городах.

Разработанная советскими инженерами двухступенчатая система очистки промышленных газов от золы и пыли позволяет улавливать в электрофильтрах частицы размером даже в тысячные доли миллиметра. Чтобы разглядеть такую пылинку невооруженным глазом, ее пришлось бы увеличить в 15—20 раз. Эффективность подобных установок достигает девяноста восьми процентов. Это позволяет практически полностью ликвидировать выброс золы и пыли в атмосферу электростанциями, гипсовыми, цементными, алебастровыми и другими заводами.

— Поезжайте на Даниловский алебастровый завод в Москве,— посоветовал нам Скачко,— и убедитесь сами.

Подсчеты показывают, что утилизацией только одной цементной пыли за год по всей стране можно сэкономить цемента больше, чем его производилось в 1913 году. А это значит, что будут дополнительно построены десятки заводов, сотни новых домов, школ...

Существуют «ловушки» и для вредных газов, позволяющие не только задерживать их, но и использовать с немалой выгодой для народного хозяйства.

Институтом «Гипрогазоочистка» разработан метод улавливания сернистого газа магнезитовым молоком. Применение его для очистки газов, выделяющихся при обжиге руд, дает возможность получать из сернистого газа серную кислоту по цене, близкой к стоимости кислоты, добываемой промышленным способом из колчедана.

Подобная кооперация металлургической промышленности с производством серной кислоты уже проверена практикой Усть-Каменогорского комбината. В ближайшее время на Магнитогорском и Карагандинском комбинатах таким же путем будет производиться серная кислота.

Автотранспорт и здоровье

Не меньше хлопот доставляет борьба и с другим врагом чистого воздуха — окисью углерода. Каждая тысяча движущихся автомашин ежечасно выбрасывает в воздух до 4—5 тысяч кубометров угарного газа.

Как избавиться от него? Прежде всего автомобили должны иметь хорошо отрегулированные моторы и установки, очищающие выхлопные газы. Но, оказывается, количество окиси углерода в выхлопе автомобиля в значительной степени зависит и от условий, в которых работает мотор.

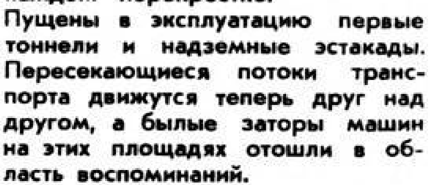

Если автомобиль равномерно движется со скоростью, превышающей 40—60 километров в час, содержание ее в выхлопных газах уменьшается до десятых долей процента — до нормы, практически безвредной.

Сильнее же всего отравляется воздух на перекрестках, перед светофорами, у остановок...

Значит, нужны такие условия уличного движения, при которых автотранспорт работал бы в наивыгоднейших режимах.

В ближайшее время кольцевая автострада вокруг Москвы отвлечет основной поток транзитных автомобилей, и на улицах сразу станет и просторнее и чище. Широко применяется комбинированная работа светофора по принципу «зеленой волны». Она позволяет транспорту, движущемуся со скоростью около 50 километров в час, безостановочно проехать по городским магистралям большое расстояние, не «спотыкаясь» на каждом перекрестке.

Пущены в эксплуатацию первые тоннели и надземные эстакады. Пересекающиеся потоки транспорта движутся теперь друг над другом, а былые заторы машин на этих площадях отошли в область воспоминаний.

Вопрос вопросов

Массовое применение очистительной аппаратуры уже приносит свои результаты. По всей стране сооружено и эксплуатируется более семи тысяч различных газоочистительных установок.

Много это или мало?

Много потому, что уже почти в 2 раза стал чище воздух в сотнях городов и рабочих поселков. Мало потому, что еще тысячи заводов и электростанций ждут своей очереди. И надо сказать, зачастую ждут неоправданно долго.

Почему? Сейчас в стране есть лишь два специализированных учреждения—институты «НИИОГаз» и «Гипрогазоочистка», — занятых созданием очистительной аппаратуры. Они просто не в состоянии справиться с непрерывно растущими заказами.

И есть еще один неразрешенный «вопрос вопросов». Это проблема кадров. Ни одно учебное заведение страны не готовит специалистов по газоочистке.

А для того, чтобы проектировать, изготовлять и правильно эксплуатировать очистительное оборудование, нужны сотни и тысячи знающих работников самой различной квалификации — от ученого до мастера цеха. И только совместные усилия этой армии людей, вооруженных передовой техникой, смогут наглухо закрыть доступ в атмосферу золе, пыли и вредным газам.

Copyrighted material

1960

Степан Безродный

Рассказ

Александр **АРСЕНЬЕВ**

Рисунок П. **КАРАЧЕНЦОВА.**

Я сидел под гигантским тополем на берегу быстрой речки и недоверчиво смотрел на рослого человека, стоявшего передо мной. «Не иначе как беглый каторжник»,— думал я. Несмотря на жару, он был одет в короткую старую шинель, из-под которой виднелись штаны из мешковины. Ветхий картуз прикрывал длинные непослушные волосы цвета пшеницы. На его ногах были самодельные лапти. Огромные руки, широкие плечи и нависшие брови над осторожными голубыми глазами говорили о силе и суровости незнакомца, пожелавшего наняться ко мне на работу. Лохматая борода и длинные светлые усы делали лицо неизвестного жестоким и неприветливым. «Варнак»,— решил я окончательно и спросил:

— Вы откуда?

Человек переступил с ноги на ногу, но на мой вопрос не ответил.

— Сколько вам лет?

— На второй спас сорок пять годов будет,— нехотя проговорил он, глядя мимо меня.

— Фамилия?

Незнакомец опустил голову и промолчал. Я задал еще несколько вопросов, но человек в лаптях точно воды в рот набрал. Мой землемерный отряд вел съемку в диком лесу. Шестеро казаков и старший Худяков едва-едва управлялись с работой. И, как на беду, один человек заболел еще лихорадкой. Худяков отвез больного на станцию, а вернувшись, привел с собой незнакомца саженного роста.

— Подобрал по дороге,— объяснил он.— Ищет работу.

И вот я смотрел на подозрительного бродягу, думал, что лучше остаться без рабочего, чем принять в отряд беглого.

— Так вы откуда?—спросил я в последний раз.

Неизвестный вытер рукавом шинели капли пота со лба, кинул на меня вспыхнувший опасением взгляд и ответил:

— Ваша воля. К паспорту я не привычен. Фамилию свою позабыл. Примете — буду работать, нет — уйду в лес.

В его голосе неожиданно зазвучала такая просительная мягкость, что я подумал: «А что, если передо мной только несчастный, загнанный в лес жестокой судьбой?» Но в это время незнакомец поднял голову, и по его лицу пробежала недобрая улыбка. «Как резко меняется его лицо!» — подумал я опять и закрыл табель, в который хотел было записать таежного пришельца.

С речки сорвался теплый ветер и зашуршал в листьях, отгоняя назойливых комаров. Рядом со мной стоял старший рабочий Худяков, румяный и белозубый, и внимательно слушал наш разговор.

— А вы не беспокойтесь, Александр Клавдиевич,— сказал он.— Это мужик работящий, вон все руки в мозолях.— И, бесцеремонно взяв незнакомца за рукав, он показал мне его грязные, в трещинах ладони. Я увидел на них большие багровые наросты.— Назовем его Степаном, фамилию дадим Безродный. Про документы запишем: дескать, «утеряны в лесу».— И, нагнувшись, Худяков прошептал:— А мы уж за ним присмотрим, нас все же шестеро.

Нужда в рабочем была так велика, что я нехотя согласился. Новоявленный Степан облегченно вздохнул и неловко кивнул мне головой. Угрюмое выражение его заросшего волосами лица тотчас исчезло. «Однако быстро меняется его физиономия»,— опять подумал я и почему-то вспомнил, что в моей походной сумке документы, секретные карты и большие деньги.

Через час Степан явился ко мне. На нем была голубая холщовая рубаха, серые брюки и начищенные дегтем сапоги. Степан вымылся, расчесал русую бороду и буквально преобразился. Теперь это был огромный красивый мужчина несомненно большой физической силы.

Прошло две недели. Степан Безродный работал много и усердно. Он обладал страшными мышцами, и я видел, что казаки боялись его. Вечерами, сидя у костра, Степан чинил свою и чужую обувь и одежду, разводил огонь, носил повару воду и убирал лошадей. Я все больше убеждался, что незаметно для себя рабочие подпадают под его влияние и — что для меня было нежелательно — перестают наблюдать за ним.

Иногда вечерами, когда все уходили спать, мы со Степаном оставались у огня. Я писал, он занимался своими делами. Однажды, когда Степан до полуночи засиделся за починкой сапог, я сказал ему:

— Ты бы шел спать, всей обуви не перечинишь.

Степан распрямил спину, посмотрел на огонь, потом на меня и ответил:

— Когда есть что работать, на душе легче. А с пустыми руками, как начнешь размышлять про свою жизнь, такая тоска нападет, что впору удавиться.

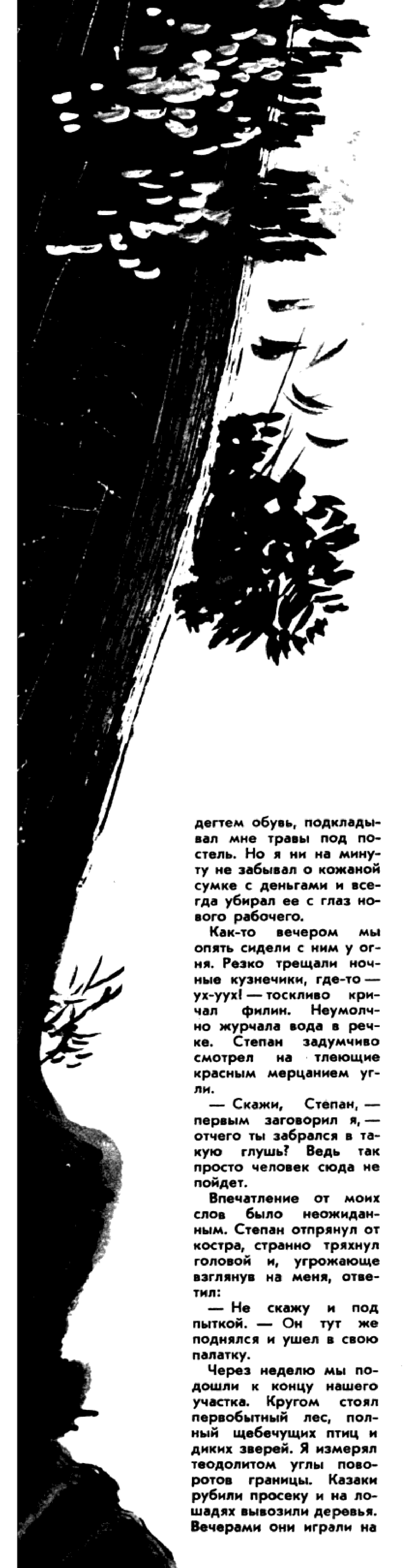
Мы долго говорили со Степаном. И мной овладевало противоречивое чувство. Он подкупал человечностью, прорывавшейся в нем порой, и вместе с тем я остерегался недобрых вспышек его светлых глаз, замкнутости и странной дружбы с казаками. «Степану нельзя верить»,— все же сказал я себе.

Степан старался чаще быть около меня. Он пришивал пуговицы к моей одежде, смазывал

Александр Клавдиевич Арсеньев, землемер и лесовод,— брат известного путешественника В. К. Арсеньева.

Copyrighted material

дегтем обувь, подкладывал мне травы под постель. Но я ни на минуту не забывал о кожаной сумке с деньгами и всегда убирал ее с глаз нового рабочего.

Как-то вечером мы опять сидели с ним у огня. Резко трещали ночные кузнечики, где-то — ух-уух! — тоскливо кричал филин. Неумолчно журчала вода в речке. Степан задумчиво смотрел на тлеющие красным мерцанием угли.

— Скажи, Степан, — первым заговорил я, — отчего ты забрался в такую глушь? Ведь так просто человек сюда не пойдет.

Впечатление от моих слов было неожиданным. Степан отпрянул от костра, странно тряхнул головой и, угрожающе взглянув на меня, ответил:

— Не скажу и под пыткой. — Он тут же поднялся и ушел в свою палатку.

Через неделю мы подошли к концу нашего участка. Кругом стоял первобытный лес, полный щебечущих птиц и диких зверей. Я измерял теодолитом углы поворотов границы. Казаки рубили просеку и на лошадях вывозили деревья. Вечерами они играли на гармони и пели заунывные, тягучие песни. Я писал письма или, вслушиваясь в ночные звуки, смотрел на звезды.

Наш лагерь стоял у безымянного притока Уссури. Нередко на том берегу показывались звери. Однажды мы увидели большого бурого медведя. Не видя нас, он нюхал воздух и шел прямо к реке. Зайдя в воду, медведь с неожиданной для него быстротой стал ловить рыбу. При виде косолапого Худяков, страстный охотник, снабжавший нас мясом, схватил берданку и прицелился в медведя. В тот же миг Степан быстрым прыжком заслонил собой зверя и дружелюбно сказал:

— Зачем тебе медведь? Шкура у него сейчас линючая, да и мясо рыбой пахнет.

Худяков вспылил, но Степан был так невозмутим, что охотник невольно опустил оружие. К тому же он знал, что летний медведь не добыча.

Как-то вечером в мою палатку вошли Худяков и трое рабочих. Они просили, чтобы по случаю престольного праздника я отпустил их погулять в станицу Никольскую. Казаки обещали вернуться через два дня. Я согласился, но просил оставить кого-нибудь для присмотра за лошадьми и казенным имуществом.

— Оставим Степана, — тут же решил Худяков. — Он людей сторонится да и ехать не хочет.

Предложение старшего рабочего было так неожиданно, что я растерялся и промолчал дольше времени. Худяков принял мое молчание за согласие и вышел из палатки. Вскоре казаки ушли, оставив меня один на один с загадочным Степаном в глухой тайге у самой границы.

Солнце скрылось за сопкой, и по небу разлилась оранжевая и багровая заря. Цвет ее показался мне зловещим. Где-то куковала кукушка. Звенели ночные кузнечики. Я лежал в палатке и упрекал себя, что нечаянно оставил с собой беглого преступника, быть может, убийцу. «Чужая душа — потемки, — думал я.— Степан же человек опасный, а у меня пять тысяч рублей золотом. Надо догнать Худякова и заменить кем-то Степана». Однако самолюбие не позволило мне кинуться за рабочими, да и понадеялся я на оружие.

Эта ночь прошла спокойно, хотя я почти не сомкнул глаз. Утром, борясь с сонливостью, я вычислял по логарифмической линейке, делал записи и расчеты, украдкой наблюдая за Степаном. Он рубил дрова, чистил коней, варил обед и был необычно кроток и тих.

Наступил второй вечер. Сквозь почерневшие ветки деревьев сверкнули огоньки первых звезд, потянуло прохладой. Я сидел у огня и пил чай. Вскоре к костру подошел Степан и молча занял место против меня. Я сел ближе к своей палатке, чтобы в случае опасности первым добежать до оружия. Июльская ночь быстро темнела. От реки поднимался прозрачный туман, пахнуло сыростью. Где-то щебетали ночные пичужки, прилетел удод и затянул свою заунывную песню. Его печальный крик всегда возбуждал во мне щемящее чувство тоски. Подняв голову, я нечаянно перехватил устремленный на меня пристальный взгляд Степана, и предчувствие дурного охватило меня. На небе показался молодой рогатый месяц. Степан кинул в огонь дрова и незаметно придвинулся ко мне. Теперь мы оба были на одинаковом расстоянии от палатки.

— Знаете, Александр Клавдиевич,— вдруг заговорил Степан, заставив меня вздрогнуть,— есть такая примета. Если на рожок месяца можно повесить ведро, значит, быть сухой погоде. Если нет, быть дождю. — С этими словами он посмотрел на небо и придвинулся ко мне ближе.

Я напряженно застыл, стараясь не спускать глаз со Степана. Из темноты вылетела серая ночная бабочка, за ней еще и еще. Когда бабочки, подлетев близко к костру, обжигали крылья, на лице Степана читалось страдание.

— Вот дуреха! — укоризненно качал он головой. — Летят на свою погибель. Так и человек,— он искоса взглянул на меня,— полезет куда не надо—и пропал.—И Степан согнутой ладонью отогнал бабочек от огня.

Я незаметно отодвинулся от костра в сторону палатки, где у меня хранилась винтовка.

— Ты вот, Александр Клавдиевич, — продолжал говорить Степан, — инженер молодой и доверчивый больно, а это худо. К примеру, больно тебе не хотелось меня с собой оставить. Это ты верно рассудил, потому люди здесь разные бродят. Ты и не знаешь, хороший ли я человек или плох и что за думку имею. Да и силенкой ты не горазд.

Я с ужасом заметил, что шестипудовый и кряжистый, как медведь, Степан опять сидит возле меня. Я хотел встать и кинуться к палатке, но ноги не слушались меня, и я остался на месте, словно загипнотизированный.

— Знаю, ты думаешь, варнак я, беглый, и только. Ну, и боишься меня. Сидим вот сейчас, к примеру, с тобой у костра, разговариваем, а я разумею, что в кожаной мошне у тебя деньжонки, в золоте, да и немалые. Вот подметил, как ты уснешь, топориком тебя по голове бац! Забрал сумку — и айда в лес.

Степан говорил спокойно, не глядя на меня, и при этом его узловатые, будто чугунные руки сжимались в кулаки неимоверной величины. Я чувствовал, что у меня мурашки бегут по телу. Вдруг коротким рывком Степан привстал, и его рука скрылась за спиной. «Топор!» — похолодел я, чувствуя, что у меня останавливается сердце. К счастью, рука Степана оказалась пустой, и он сел на прежнее место. Теперь я мог первым добежать до винтовки. Потекли секунды мучительного ожидания. На лбу у меня выступила холодная влага.

— Да ты, Александр Клавдиевич, во мне не сумлевайся, — сказал Степан, быстро взглянув на меня. — Это я чисто тебе для науки говорю, чтобы наперед ты опасливее был.

— Что за вздор ты несешь!.. — услышал я свой хриплый и сдавленный голос. — Ступай-ка лучше спать! — Я с трудом перемог себя и ушел в свою палатку.

Степан еще долго сидел у костра. Я слышал, как он ломал сухие ветки и бросал их в огонь.

— Да ты не тревожься, Александр Клавдиевич, — донесся до меня его голос. — Это я чисто тебе для урока.

«Знаем мы твой урок, — думал я, ощупью проверяя, заряжена ли винтовка. — «В каждой шутке есть доля правды», — говорит мудрость народа. Для каторжного пять тысяч рублей — целый клад. Да и на совести у него, видно, не одна смерть».

Чем больше я размышлял, тем больше понимал, что лучше уйти из палатки на ночь. Я тихонько взял сумку, перекинул винтовку дулом вниз и, крадучись, пошел в лес. Меня тотчас обступила мокрая от ночной росы тайга, тысячи комаров яростно накинулись мне на лицо и руки. Стараясь не шуметь, я пробрался сквозь мокрые кусты к незнакомой сопке и попал в заросли колючего чертова дерева. Его острые шипы царапали меня, хватали железными иглами за одежду, срывали с плеча берданку. И все время, пока я шел, мне казалось, что сзади кто-то крадется.

Я остановился, чтобы перевести дыхание, и услышал где-то рядом шум скатывающихся вниз камней и шелест осторожно раздвигаемых кустов. «Это Степан! — вздрогнул я. — Решил больше не скрываться».

Не помню, как я очутился в расселине между скользких черных скал и сел на сырой, холодный камень. Я взвел винтовку и наставил ее в темноту, решив ожидать здесь утра. «Буду стрелять при первом подозрительном звуке», — решил я. Из глубокой царапины на щеке текла, расползаясь по губам, соленая кровь. Мне хотелось спать, я клевал носом и, засыпая, каждый раз будто проваливался в пропасть.

Так прошла еще одна бессонная и полная тревоги ночь. Утром, едва забрезжил свет, я покинул свое убежище и осторожно пошел к лагерю. И снова, но теперь уже впереди себя я услышал звук падения мелких камней и шелест раздвигаемых ветвей. Сомнений быть не могло: кто-то караулил меня у подножия сопки. Я остановился, и тотчас же затихло и странное шуршание. «Идти ли вниз? — колебался я. — Там Степан, и теперь у него мои винтовки».

Все же я, стараясь не шуметь, добрался до лагеря. Было необычно тихо. Я постоял за большим обомшелым деревом и затем решительно двинулся к моей палатке. Все в ней стояло на своем месте — инструменты, продукты, постель. Но кто-то явно трогал остав-

Copyrighted material

шееся оружие. Еще вчера я сложил винтовки ствол к стволу, приклад к прикладу, а сейчас одна винтовка лежала дулом в другую сторону. «Это Степан», — понял я и, держа винтовку на согнутом локте, осторожно подошел к его палатке. Степан спал одетым и прямо поверх одеяла. Одна нога его была без обуви, другая — в сапоге.

Я принялся будить его:

— Вставай, Степан! Холодно, да и кони есть хотят.

Степан вскочил, неестественно потянулся и стал тереть кулаками глаза. Мне показалось, что он вовсе не спал и лишь делает вид, что разбужен.

— А ты, Александр Клавдиевич, что так рано поднялся? — спросил он, надевая второй сапог и украдкой поглядывая на мою винтовку. — Или не спится?

Я промолчал.

К моей великой радости, казаки вернулись с гулянья раньше времени: праздник в станице пришелся им не по душе. Я был измучен двумя ночами без сна и тут же бросился на постель.

На другой день отряд продолжал работу, и вскоре я забыл о случившемся. В середине августа я вопреки строгому совету брата моего Владимира Клавдиевича напился сырой воды. У меня поднялась температура. Я лег в палатку, приказав Худякову рубить просеку дальше. Степан остался со мной. У меня горела голова, разрывало внутренности, но я помнил о золоте и незаметно проверял, со мной ли драгоценная сумка.

Через день недомогание усилилось. Я весь горел и все чаще впадал в забытье. Степан не отходил от меня. Он отгонял мошек, вливал мне в рот какой-то горький настой и клал на голову холодные мокрые полотенца. Сумка еще была под подушкой и винтовки лежали рядом. Вскоре у меня начался бред. В проблесках сознания я видел чудовищную грудь и необъятные плечи Степана: они заслоняли выход из палатки и то уменьшались, то увеличивались в размерах; лицо Степана казалось мне искаженным и злым, его густая, клочковатая борода лезла мне в рот и забивала желудок. Я закричал от ужаса и надолго потерял сознание.

В этот же вечер я впал в беспамятство и дальнейшее передаю со слов Худякова.

На третий день моей болезни Степан настоял, чтобы меня отвезли в Бикин — ближайшую от места работы станцию. Худяков и рабочий Егоров поставили гуськом двух лошадей, соединили их жердями и укрепили на палках брезент. Получились походные носилки. Меня положили в них, как в передвижной гамак. Я метался и бредил, Степан по-прежнему не оставлял меня. Процессия из людей и лошадей тронулась и пошла сквозь густой лес. Пока тропинка была ровной, я лежал тихо, но на камнях и кочках, где меня встряхивало, я вскрикивал от боли и судорожно хватал воздух руками. Вскоре началось бестропье. На поворотах я вываливался из носилок, падал на камни и разбил себе лицо в кровь. Наконец Степан не выдержал моих мучений и, вытащив меня из гамака, взвалил себе на спину и понес меня, как ребенка. Бред сразу утих, вскоре я уснул, припав к могучему плечу Степана.

— Если б не Безродный, — говорил мне потом Худяков, — так вы б, Александр Клавдиевич, и убиться могли. Степан, словно те батька родной, так и дотащил вас до станции, что те мешок с овсом.

Худяков рассказал еще, что, пройдя по страшной жаре со мной на плечах верст пятнадцать, Степан утомился, положил меня у дерева и пошел искупаться. Худяков же и Егоров повели коней на траву. Оставшись один, я в беспамятстве поднялся, зашел в высокую осоку и там свалился ничком. Пока меня нашли, комары и слепни жестоко искусали меня. Я был страшен: от ударов о камни и порезов об осоку лицо окровавилось, от укусов насекомых на нем появились красные пятна и волдыри.

У линии железной дороги из сторожевой будки нам навстречу вышла женщина. Открывая нам шлагбаум, она увидела меня и, всплеснув руками, вскричала:

— Страшенный какой, прости господи! Никак кончается?

— Будет тебе причитать! — рассердился Степан. — Видишь, у человека горячка?! Лучше б напоила его кисляком.

Женщина дала нам ледяной простокваши, и опять Степан, обливаясь потом, понес меня на спине, благо весил я немногим более трех пудов.

В железнодорожной больнице станции Бикин врача не оказалось: он ушел к пациенту. Фельдшерица, смерив мне температуру, испуганно сказала:

— В общую палату положить не могу: оспа. Несите в сарай! — И она рукой показала на небольшое выбеленное строение во дворе.

— Сама ты оспенная! — вспылив, закричал на нее Степан. — Человека комары искусали, а ты — оспа!

Однако фельдшерица не уступила, и меня отнесли в сарай.

Вскоре вернулся доктор и, осмотрев меня, поставил краткий диагноз:

— Брюшной тиф, тяжелая форма.

Теперь, когда я был помещен в больницу, Худяков и Егоров собрались ехать обратно. Однако Степан наотрез отказался оставить меня:

— Не уйду, покуда Александр Клавдиевич не встанет!

Вмешался врач.

— Помочь больному не в ваших силах, — сказал он. — Еще сами заразитесь. — И стал уговаривать Степана вернуться.

Но Безродный и слушать не хотел.

— Да вы что, родственник больному? — спросил, наконец, доктор.

Узнав, что не родственник, врач удивился и недоуменно покачал головой. Все же Степана оставили, поселив в домике больничного сторожа. Каждый день рано утром он надевал белый халат, приходил в мою палату и, не боясь заразной болезни, ухаживал за мной лучше родной матери.

Так прошло две недели. Наконец кризис миновал, и я стал поправляться. Болезнь, однако, так подточила мой организм, что я едва двигал ногами, тяжелыми, словно сырые валежины. Вместе со Степаном мы ходили в больничный сад. Он брал меня за талию и водил по дорожкам, приговаривая:

— Шевелись, Александр Клавдиевич, шевелись! Кровь у тебя в застой пришла. — И, как ребенка, водил меня по аллеям.

Если я уставал, мы садились в тень деревьев. Тут он однажды мне и признался.

— Слава богу, Александр Клавдиевич, — сказал как-то он, поправляя на мне больничный халат, — что в вид ты пришел. Я уж думал, карачун тебе. — Он сделал паузу и продолжал с добродушной усмешкой, которая так красила его суровое лицо: — А помнишь, как я напугал тебя своей наукой? Чтоб ты в лесу не оставлял с собой чужого... Не думал я, что оробеешь ты так. Инда побледнел весь, словно покойник, а глаза из синих черными стали, и скорехонько к себе в палатку. Я потом от костра ушел, на постель лег, а тебя сквозь щель караулю. Смотрю, взял ты винтовку и сиганул в сопки. «Вот попутал лукавый, — корю я себя, — как Александра Клавдиевича, доброго человека, напугал! А что, если в лесу дикий зверь?» Тут я мигом в сапоги, прямиком в твою палатку, хвать винтовку — и за тобой. Уж и нацарапался я тогда, нечистая сила, за тобой крадучись! Долго ли, коротко, вижу, ты в камни забился, винтовку перед собой положил и сел настороже. Ну, я близехонько лег, чтобы уберечь тебя от зверя, а чтоб не заснуть, шею на дуло положил. А когда поднялась заря, гляжу, ты обратно пошел. Ну, я, разумеешь, резанул вперед в свою палатку да скорее и лег, только один сапог скинуть не успел. — И он залился веселым, раскатистым смехом.

Мне стало и совестно и стыдно. «Тридцать лет живу на свете, — думал я, — а не мог разгадать великодушное сердце безродного Степана».

Через полмесяца я выписался из больницы. Степан и врач провожали меня до станции. Я должен был ехать в Хабаровск, где меня ждал Владимир Клавдиевич: едва я поправился, как написал ему большое письмо и тотчас получил ответ.

— Степан, поедем со мной в город, — предложил я ему на вокзале. — Мой брат, Владимир Клавдиевич Арсеньев, обещает тебе документы и работу. — И я показал ему письмо брата. — А он что скажет, то всегда исполнит.

Однако Степан наотрез отказался:

— Спасибо тебе за ласку, за доброе слово, но в город я не пойду. Трону назад, к отряду. Работы там до ноября хватит, да и одежда на мне казенная, — он показал рукой на себя, — сдать надо.

Бесшумно подошел поезд. Степан отнес мой чемодан в вагон, и мы опять вышли на перрон. Вскоре раздался третий звонок. Я сердечно простился с доктором, затем подошел к Степану и протянул ему руку. В его умных голубых глазах я прочитал нежность, грусть и заботу. И вдруг, забыв мужской стыд, я, словно женщина, прильнул к его широкой груди.

— Прощай, Степан!.. Я никогда не забуду тебя.

Степан бережно обнял меня и поцеловал.

— Простите за все... Не поминайте лихом.

Поезд тронулся, я вскочил на подножку и долго махал фуражкой врачу и Степану.

С той поры прошло много лет. Окончилась мировая война, началась революция, пришли на Дальний Восток японцы. В конце 1922 года, когда красные войска входили во Владивосток, я стоял в толпе и смотрел на освободителей. Четко отбивая шаг, маршировали регулярные части. За ними шли партизаны в шинелях, опоясанные патронташами, с винтовками через плечо.

В тот же вечер мне позвонил Владимир Клавдиевич.

— Шура, зайди, пожалуйста, ко мне, если можешь, — сказал он, как всегда, быстро и энергично.

Я был удивлен: брат работал над книгой, дорожил каждой минутой, и вдруг он приглашает меня, что означает для него потерянный вечер.

— Ты что, бросил писать? — недоуменно спросил я.

— Зайди непременно, ты мне очень нужен.

Я быстро собрался, сел в трамвай и через полчаса вошел в кабинет Владимира Клавдиевича. Брат сидел за письменным столом, сплошь покрытым картами, книгами, цветными рисунками, раскрытыми дневниками, уставленным обломками металлических досок с иероглифами и каменными статуэтками.

В углу на диване сидел незнакомый загорелый мужчина в военной форме. Увидев меня, он встал.

— Шура, — сказал Владимир Клавдиевич, выйдя из-за стола, — извини, что я позвонил тебе. Но вот тебя ищет партизан Николай Гаврилович. Знакомься!

Я протянул руку военному, который был чуть не вдвое выше меня. Его гладко выбритое лицо отличалось благородной красотой, светлые волосы чуть серебрились. На лбу лежало несколько тонких нитей морщин.

— Александр Клавдиевич, не узнаете? — зычным голосом спросил меня незнакомец.

Я внимательно взглянул на длинные брови партизана, на его сжатые губы и широкие плечи и не узнал стоявшего передо мной человека. Но когда мой взгляд остановился на его голубых, тронутых усталостью глазах, я, задыхаясь, вскричал:

— Степан! Безродный!

— Так точно, Александр Клавдиевич!

Это был Степан Безродный, которого я не видел более десяти лет. Позднее, когда Степан Безродный, а правильнее, Николай Гаврилович Мастюгин, сидел у меня дома, я узнал его биографию.

Он родился на Кубани. За силу и рост его призвали в гвардию. Здесь его невзлюбил фельдфебель. Однажды на смотру, когда фельдфебель хлестнул Мастюгина по лицу, тот в ответ ударил его. Когда фельдфебель вышел из госпиталя, состоялся суд, и Мастюгина сослали в Сибирь. Оттуда ему удалось бежать в Уссурийский край. Здесь он скрывался в тайге, летом бродяжничал, зимой приставал к одиноким хуторам. После революции он вступил в партизанский отряд и с Красной Армией вошел во Владивосток. Владимира Клавдиевича он нашел сразу: брата знал каждый житель Владивостока.

Так революция изменила судьбу лучшего из моих друзей Николая Гавриловича Мастюгина.

И, вспомнив совет покойного брата, я решил написать этот рассказ, основанный на действительном случае.

Copyrighted material

Сцена из спектакля «Последние гвоздики» в театре имени Моссовета.

Фото О. Кнорринга.

«ПОСЛЕДНИЕ ГВОЗДИКИ» И ПЕРВЫЙ УСПЕХ

Вошло уже в традицию театра имени Моссовета ставить произведения национальных драматургов. Долго не сходили со сцены пьесы Г. Мухтарова «Честь семьи» и «Шелковое сюзане» А. Каххара...

Тер-Григорян — один из известнейших писателей сегодняшней Армении. Его пьеса «Последние гвоздики» привлекла внимание театра. Постановку пьесы поручили Реге Саркисяну — студенту ГИТИСа, ученику Ю. А. Завадского. Это была дипломная работа.

Неделями сидел Реге над режиссерским планом, сочинял мизансцены. Музыку писал композитор Д. Тер-Татевосян, эскизы декораций и костюмов делал народный художник Армянской ССР М. Арутчьян.

Началась работа с актерами — самое трудное для молодого режиссера. Правда, когда-то Реге руководил в бакинском Доме культуры нефтяников юношеским драматическим коллективом. Но разве можно сравнивать это с настоящим театром!

И вот уже позади огромное напряжение многих дней. Прошла и премьера. «Зрители тепло приняли спектакль». Кажется, обычная фраза. Но для Реге Саркисяна она была наполнена громадным смыслом: диплом он защитил на «отлично»!

Л. ОСИПОВА

Псковская хороводная

Зимний вечер, веселый снегопад. Пришла в Псков настоящая северная зима. Улицы оживлены: идут снежные перестрелки, звучит звонкий смех. Румяные девушки с Запсковья и с Завеличья — работницы завода радиодеталей и льнокомбината, строители и железнодорожники, отряхивая снег, входят в большой зал музыкальной школы. Ровно к семи часам приходят сюда руководители хора — Валентина Петровна Муша и прямо с ленинградского автобуса — Юрий Леонидович Меркулов. Вступает аккомпанемент, и в зале рождается песня. Поет один из самых молодых хоровых коллективов страны, Псковский хор русской народной песни. В родном городе и области он уже завоевал самое горячее признание. Про певцов здесь говорят: с душой поют! Так оно и есть. Да и нельзя без души, без любви петь чудесную старинную псковскую хороводную «Долинушку-долинушку» или современную песню композитора В. Дёгтева «Хороша земля на Псковщине», «Шуточную» Щёкотова или девичьи припевки «Березка»... Все они исполняются на концертах, а концертов бывает много. Хор выступает в городском университете культуры, в клубах и школах, выезжает на районные и колхозные праздники, щедро одаривая людей хорошими песнями.

Н. ХРАБРОВА

Псков.

Галерка

А. МОРОВ

Фото Д. Ухтомского.

Галерка... Сколько добрых слов написано о ней в старых театральных журналах, в актерских мемуарах... Что скрывать, и тесновато бывало в «райке», да и видно не бог весть как. Однако безденежные, но горячо преданные искусству люди, часто отказывая себе в самом необходимом, забирались в театре под самый потолок и здесь жадно впитывали любимые звуки и образы.

А что представляет собой галерка сейчас, кто ее посетители, каковы их вкусы? Чтобы узнать это, я отправился на верхний ярус Киргизского театра оперы и балета в городе Фрунзе и познакомился со зрителями.

Первым привлек мое внимание семидесятидвухлетний старик. Он сидел в третьем ряду, весь подавшись вперед, и жадно глядел на сцену. Иногда он покачивал головой и даже как-то причмокивал от удовольствия.

Шел новый комический балет К. Молдобасанова и Г. Окунева «Куйручук». Спектакль рассказывал о смелых и остроумных проделках знаменитого народного комика Куйручука — киргизского Ходжи Насреддина. Как всегда, в своих шутках и выдумках Куйручук (его роль исполняет артист Е. Воеводкин), к общему удовольствию зрителей, потешался над феодальными пережитками, выступая в защиту простых людей: девушки Зайнеп (артистка Р. Чокоева) и юного Садыка (артист У. Сарбагишев), которым герой помог обрести свое счастье.

Балет имел успех. После первого же действия публика стоя принялась горячо приветствовать исполнителей. Среди тех, кто особенно яростно аплодировал, я заметил своего старика.

— Нравится? — спросил я его, когда занавес сдвинулся и все стали выходить в фойе из зала.

— О-о-о! — только и мог он вначале сказать. Потом, словно очнувшись, прибавил: — Во сне такое не увидишь!

Мы разговорились. Я узнал, что старика зовут Ормуш Боконбаев. Он колхозник из сельхозартели «Куркульдек». Находится эта артель в 140 километрах от столицы. Не трудно ли ему совершать подобные путешествия? Нет, он вполне здоров и работоспособен. В доказательство Ормуш извлек из кармана аккурат-

Колхозник Ормуш Боконбаев приехал на спектакль.

Copyrighted material

Дискуссии продолжаются и в фойе и на лестницах...

но завернутую в платок книжечку, где записывают заработанные трудодни. Их оказалось более трехсот.

Ормуш Боконбаев очень любит музыку. Не пропустил ни одного концерта у себя в колхозе. А сегодня специально приехал в город на спектакль.

— О Куйручуке народ рассказывает много сказок,— объясняет Боконбаев.— И скажу вам, хорошая мысль — показать это в театре. Людям интересно! Из нашего колхоза я, пожалуй, первым увидел спектакль. Вот вернусь домой, начну рассказывать, так все соберутся слушать! А потом тоже поедут в театр. Людям очень интересно... Правда? — обратился он к своему соседу, человеку в военной форме.

— Я тоже так думаю,— ответил солдат.

Три года солдат не был дома. В день, когда мы встретились с ним на галерке, Ишенбай Бектуров только приехал во Фрунзе. Побывал в военкомате, а вечер, первый вечер после демобилизации, Ишенбай Бектуров посвятил театру. Может быть, он просто не знал, как иначе убить время?

— Что вы! — запротестовал он.— Как может разумный человек дойти до того, чтобы «убивать время»! Нет, мне в театре и стены и воздух кажутся родными. Я ведь когда-то пел тут в хоре!

Как же стал Ишенбай певцом? А вот как.

Жил в далеком горном селе мальчик. Он пел, как многие пели в селе, просто от полноты жизни. Однажды он выступил на районном состязании певцов. А в комиссии были специалисты из республиканской столицы — в то время во Фрунзе открывали вокальную студию.

Из студии Ишенбай попал в народный хор, потом и в театр. Подошло время службы в армии. Но и там Бектуров не остался в стороне от любимого искусства.

— Хороший хор был у нас в части! — с гордостью вспоминает он.— Пели песни советских композиторов, старинные и современные народные песни. Больше всего, конечно, русские, украинские. А я возьми да научи товарищей киргизской народной песне. Здорово всем понравилось. На концертах успех! Но успех успехом, а все-таки учиться надо, чтобы петь хорошо. В консерваторию хочу поступать. Знаю, что не просто. Вот и пришел в театр: силы, решимости набраться.

Неподалеку от нас сидела веселая группа молодежи. Оказалось, рабочие пенько-джутовой фабрики. Среди них прядильщица Галина Шабалова и гарнитурщик Раймжан Искаков. Девушка призналась, что пришла в театр за компанию . Ее страсть не искусство, а спорт. А вот у Раймжана главная страсть — именно искусство. Он не только поклонник, но прямо-таки болельщик театра. Знает о театре все, знает всех; слушал «Демона», «Черевички», «Князя Игоря», национальную оперу о лунной красавице Айчурек. Да всего и не перечислишь! И все же больше всего он любит балет. Особенно «Лебединое озеро» Чайковского.

— А из национального репертуара — «Чолпон» Раухвергера. Это сказка-балет о смелой девушке, своей любовью побеждающей чары злой волшебницы. Все прекрасно в этом спектакле: и музыка, и танцы, и декорации. Но главное... главное — Рейна Чокоева. Она неподражаема. Это восходящая звезда балета, ее недаром зовут киргизской Жизелью. А ведь еще три года тому назад она танцевала в кордебалете!

...Пока мы беседовали, балкон почти опустел. Кто пошел в буфет, кто в фойе: людей посмотреть и себя показать. Лишь вот этих, молодых, что так горячо спорили, видно, ничто не могло отвлечь от жаркой дискуссии. Это студенты, во все времена существования театра самый активный, самый чуткий, самый требовательный и самый эмоциональный зритель.

Когда я подошел, они говорили не о нынешнем спектакле, а вспоминали премьеру оперы Верди «Аида». Очень понравилась всем О. Мартиросова, исполнявшая партию Аиды.

— Отличная певица и хорошая, умная актриса,— заявил Олег Манюгин, студент-заочник, рабочий, непременный посетитель всех оперных премьер. Так отрекомендовали его товарищи.

— А спорите о чем?

— Да как же! — ответил Джумалы Момонкулов.— Я вот утверждаю категорически, что хор для «Аиды» явно мал: не больше, чем у нас в Таш-Тюбе!...

— А в Таш-Тюбе хор большой?

Таш-Тюбе — небольшое селение в Таласской долине, откуда Момонкулов родом. Уже четыре года прошло, как приехал Момонкулов из Таш-Тюбе в институт, но рассказ его о певцах селения и сейчас можно часто услышать в коридорах института. «Правда, сейчас студенту внемлют только первокурсники: остальные знают все подробности почти наизусть»,—шутят друзья Момонкулова.

Звонок. Галерка опять быстро заполняется. Вбегает молодежь, степенно входят пожилые люди. Все нарядны и праздничны.

Я посмотрел вниз на зрителей партера и не заметил никакой разницы. Столь же оживленно там суетились люди, гудел говор...

— А почему же вы сегодня на галерке,— спросил я у своих новых знакомых,— или билеты дороги?

— Что вы! Да разве в наш театр достанешь билеты в партер? Их расхватывают мгновенно, особенно на новые спектакли. Спасибо, что сюда удалось достать. Но ведь и вы здесь,— сами можете заметить: удобно, красиво и видно все хорошо.

...Дирижер занял место за пультом. Пошел занавес. В зале наступила тишина.

ПОД ВОДОЙ

Ольга ЖУКОВА

Фото автора.

Я лежу на поверхности воды, лицо обращено вниз; дыхательная трубка торчит над головой, на ногах ласты, в водонепроницаемом боксе фотоаппарат. Дно рябит от солнечных бликов, мерно покачиваются заросли бурых водорослей, густо населенных всякой мелкой живностью. Протягиваю руку и осторожно шевелю водоросли — несколько проворных креветок отпрыгивают в стороны.

У небольшого камня резвятся зеленушки. Они окружили медузу аурелию и бесцеремонно пощипывают ее. Этих красивых рыбок можно всегда встретить на мелководье каменистых пляжей и в подводных зарослях. Зеленушки выделяются среди других рыб яркостью окраски, отливающей всеми цветами радуги. На песке, поднимая облачко мути, пасется барабуля. Она рыхлит в поисках корма грунт. Вот быстро прошла стая кефали. Эта красивая рыба научилась издали узнавать подводных охотников. Завидев человека в маске и ластах, рыба поспешно уходит, обычных же купальщиков она почти не замечает. Охотник или фотограф должен обладать метким глазом и быстрой реакцией, чтобы близко подкрасться к кефали.

Медленно удаляюсь от берега. Глубина возрастает, но я свободно просматриваю толщу воды, фотографирую проплывающих мимо рыб, медуз. На глубине метров восьми большое облако мути. Сомнения нет: это крупный скат в поисках моллюсков рыхлит дно. У «морского кота», как еще называют ската, на хвосте острая костяная пила, покрытая ядовитой слизью. Скат, если его не трогать, на человека не нападает но, раненный, может нанести глубокие, долго не заживающие раны. Я нырнула и, легко прикоснувшись к скату, вспугнула его. Рыба вспорхнула, словно гигантская птица, и ушла в глубину.

На следующий день с увлечением снимала охоту на ската Подводный охотник, попав гарпуном в ската, редко убивает его наповал. Загарпуненная рыба начинает яростно сопротивляться, размахивая своим страшным хвостом, и горе охотнику, если скат окажется сильнее. Однажды раненый скат с такой силой тянул охотника в глубину, что неудачнику пришлось бросить ружье...

Есть о чем вспомнить и рассказать подводным охотникам и фотографам. На Крымском побережье я встречала немало людей разных возрастов и профессий, надевших впервые маску и познакомившихся с «голубым континентом». По восторженным рассказам этих новичков я поняла, что они никогда уже не бросят полюбившееся им подводное плавание.

На снимках справа:

Чудесный, яркий мир предстает взору подводного охотника.

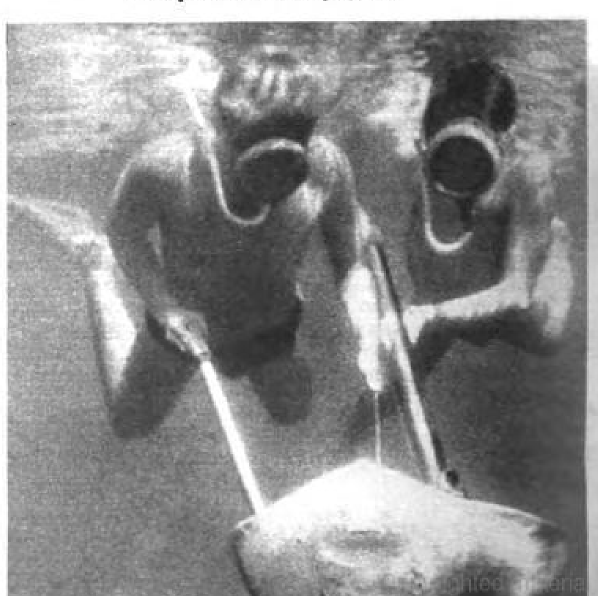
Рыбы любопытны. Иногда целая стая окружает человека.

Вперед, в бескрайнюю, голубую, неизведанную даль...

Охотник словно повис меж подводных скал, изготовившись к выстрелу.

Позирует медуза.

Теперь скат не уйдет.

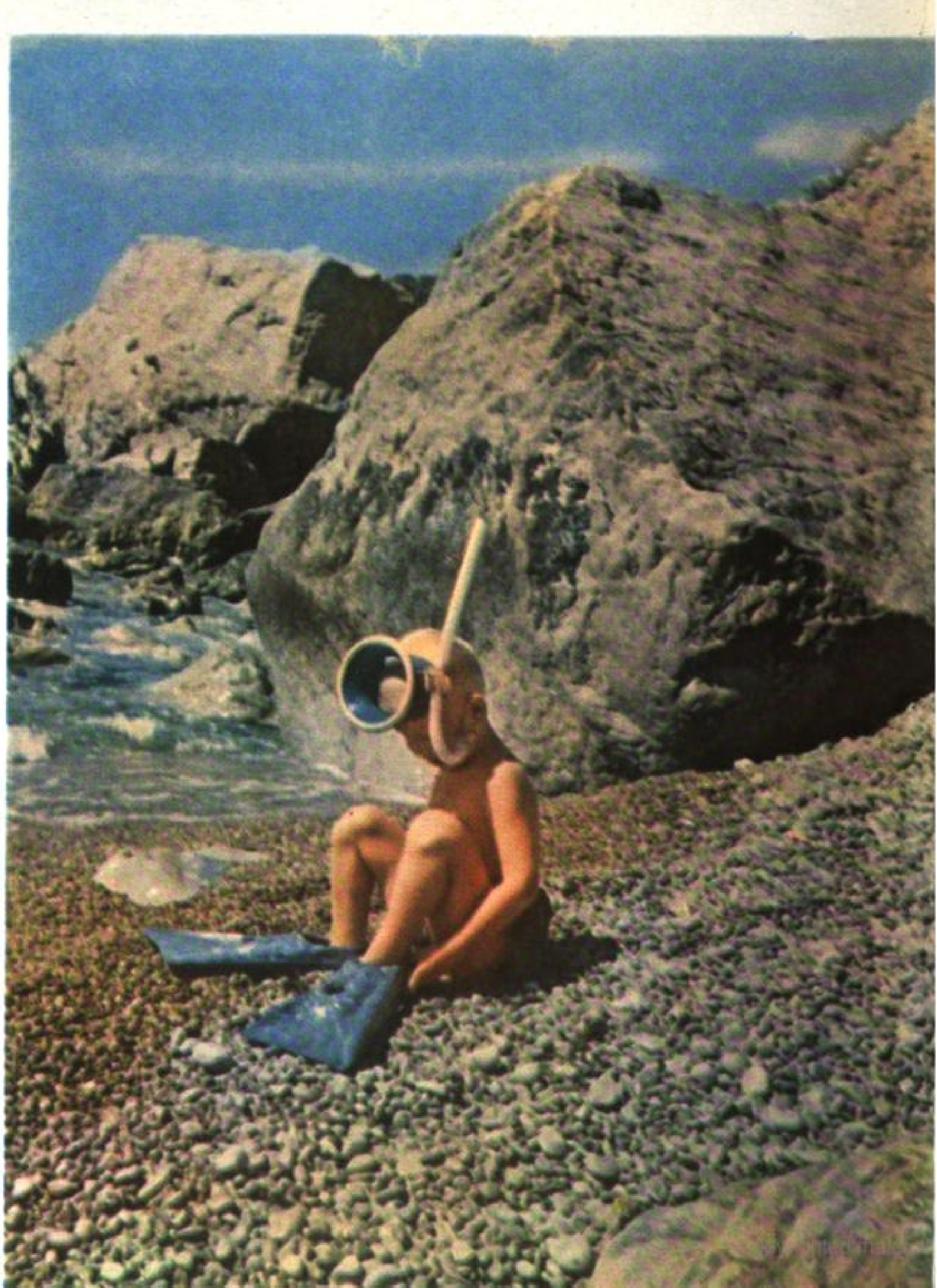

Copyrighted material

5

Ник. КРУЖКОВ

Путевые заметки

Сигишоара.

Вернувшись из Румынии

Судьба была к нам по-прежнему благосклонна. 21 декабря над Сигишоарой сверкало ослепительным голубым шатром совершенно весеннее небо, солнце грело не на шутку, термометр показывал 16 градусов тепла. Фредерико Урсяну сиял, как именинник. Можно было подумать, что именно он умело «организовал» отличную погоду.

Расположенная амфитеатром по обоим берегам реки Тырнава-Маре, Сигишоара поражает своим своеобразием. Когда мы перешли через мост и вышли к базарной площади, то увидели картину, показавшуюся сновидением. На крутом холме, вся в солнечных бликах, стояла большая башня со шпилями, от нее в гору и с горы убегали узкие улички, внизу, у подножия холма, хлопотал и торговал картинный базарчик, где можно было увидеть плоды изобильной здешней земли: овощи изрядной, южной величины, яблоки, разную дичь, птицу и великолепную глиняную посуду, такую, что впору на любую выставку.

Перед нами возникла живописная оперная декорация. Косые лучи солнца, тени старинных башен и стен, причудливой готической стройки дома, шумная толпа на рынке создавали впечатление, что вот-вот придет дирижер, взмахнет палочкой, грянет оркестр — и все кругом запоет, закружится в танце.

Глаз не хотелось отрывать от этой картины, но Урсяну железным жестом полководца пригласил нас взобраться на холм.

— Оттуда увидим весь город,— сказал он. — А потом заберемся на башню. Там музей.

Пыхтя и задыхаясь, мы осилили холм. Урсяну с кокетством 55-летнего здоровяка бежал впереди. Мы не раскаялись в том, что затратили столько усилий: действительно, панорама, возникшая перед нами, была превосходна.

Сигишоара, окруженная лесистыми горами, лежала как на ладони. По узкоколейке, пересекающей город, шел поезд. Паровозик бойко выбрасывал ватные клубы дыма. Ровной стрелой уходила дорога к селу Альбешти, мимо зданий керамического завода.

Альбешти!.. Сама собой выплыла далекая дата: 1849 год. Именно здесь произошло сражение между повстанческой венгерской армией генерала Бема и войсками Николая I, посланными венценосным жандармом в помощь Габсбургам.

В Альбешти находится музей, посвященный борцу за венгерскую независимость — Шандору Петефи. И румыны и венгры свято чтят память поэта. Давно уже идут розыски места захоронения Петефи, но найти его до сих пор не удалось. Есть предположение, что поэт похоронен в братской могиле. Сюда, в Сигишоару, съезжаются венгерские и румынские ученые, здесь ведутся совместные разработки материалов, связанных с именем Шандора Петефи. Дружба двух народов соседствующих социалистических стран находит здесь свое выражение.

Верхний город, считающийся заповедником, пленил нас своей стариной. Урсяну быстро разыскал крошечную площадь, замощенную старым, позеленевшим камнем, и сообщил, что когда-то здесь рубили головы непокорным гражданам Сигишоары. Появление девушки вполне современного вида, перебегавшей площадь, казалось нереальным. Было бы значительно естественней увидеть здесь мрачного всадника в латах или бородатого стража с алебардой. Но в круто поднимающемся переулке резвились дети, и какой-то малыш с красным флажком в руке вел целую ватагу ребятишек на штурм старого каменного подъезда. Он кричал: «Долой фашистов!»

На стене вполне средневекового дома привлекала внимание надпись: «Улица майора Исакова». Вот еще одна из примет времени! Кто был этот советский майор, именем которого сигишоарцы назвали старинную улицу, существующую полтысячи лет? Чем он заслужил такую признательность? Пал ли он смертью храбрых на этих камнях? Или победоносно провел свой полк дальше в зеленые горы, преследуя отступавших гитлеровских волков? Нам не удалось это узнать. Но чем-то родным пахнуло в лицо от этой скромной таблички: здесь, в этом городке, древнем, как свиток летописи, воевали советские солдаты ради свободы и счастья людей.

Мы спустились вниз, когда уже вечерело и солнце почти скрылось в горах. Базарчик продолжал торговать. Городок был оживлен. Продовольственные, мануфактурные, книжные, хозяйственные магазины были гостеприимно открыты и полны товарами. Мы знали, что в Сигишоаре всего около 20 тысяч жителей, но казалось, что их значительно больше: в Румынии не любят сидеть дома, да и как тут усидеть, когда в декабре выдался такой ясный, мартовский день.

И тут, на главной улице городка, мы встретили молодую крестьянскую женщину такой ослепительной красоты, что мы все трое зажмурились, как от солнечного луча. Синий платок покрывал ее голову и делал синими глаза на румяном смуглом лице. Желтые сапожки на стройных ногах бойко постукивали высокими каблуками по асфальтовому тротуару. Она показалась нам символическим образом нации, ее непременно надо было сфотографировать. Но пока я сказал об этом Стояну, а Стоян перевел Урсяну, а Урсяну извлек свой грандиозный фотоаппарат, красавица свернула в переулок и исчезла. Урся-

Продолжение. См. «Огонек» № 7.

На снимках слева (сверху вниз):

С добычей.

Прекрасно чувство невесомости, подаренное человеку подводным спортом.

Солнце село за мыс Форос.

Справа:
Находка: кусок амфоры, обросший водорослями.

Рыбий хоровод.

Когда же выйдет мама?

Copyrighted material

ну бросился за ней, но — увы! — кругом стояло только несколько мальчишек с разинутыми ртами.

6

Когда-то в городе Сибиу губернаторствовал барон Самуэль фон Брукенталь. Это был жестокий и властный представитель габсбургской аристократии. Беспощадной рукой он подавил восстание трансильванских крестьян, предав мучительной казни его зачинщиков. На главной площади города он построил себе дворец, в котором и проживал в окружении свирепой стражи. Брукенталь был богат и развлекался по моде своего времени живописным искусством. Собранная им картинная галерея содержала немало шедевров европейских мастеров.

Самуэль фон Брукенталь давно был бы благополучно забыт, если б не его картинная галерея. В 1890 году здесь был открыт музей. Впрочем, более полувека музей этот влачил жалкое существование. Изданный в 1909 году каталог экспонатов был лишен всякого научного значения и охватывал лишь малую часть картин. Только в 1948 году, с установлением народной власти, музей развернул широкую работу. Десять миллионов лей отпустило народное правительство на его оборудование и реорганизацию. Во дворце не было паркета, электрического освещения и отопления. Зимой он был закрыт. Но пришли новые люди, с горячим сердцем и любовью к делу — и все стало по-другому. Если раньше музей посещало до 4 тысяч человек в год, то в 1960-м количество посетителей дошло до 100 тысяч. Развернулась кропотливая, вдумчивая научная работа.

Профессор Теодор Ионеску, начальник художественной галереи, как его здесь называют, красивый человек с седеющей головой и живыми, молодыми глазами, с тем жаром, какой всегда свидетельствует об истинной увлеченности, вдохновенно рассказывал нам о научной работе музея. Вот ее результаты: установлено и доказано, что музей располагает подлинниками Рубенса, Ван-Дейка, Тициана, Снейдерса... Научные работники Брукенталя вступили в деятельную переписку с музеями Берлина, Гааги, Москвы, Ленинграда. Около четырехсот картин находилось в подвалах Брукенталя, сто из них определены, остальные дожидаются своей очереди.

В залах галереи нас ожидало большое наслаждение. Мы увидели большие портреты, более чем в натуральную величину, Игнацио Лойолы и Франциска Ксавериуса кисти Рубенса, «Смерть Клеопатры» Ван-Дейка, «Охота на кабана» Снейдерса и, наконец, «Esse homo» Тициана — один из пяти известных вариантов этой картины.

Мы увидели много произведений фламандских, немецких, итальянских, австрийских и румынских мастеров, экспонированных с большой тщательностью и любовью.

Перед нами предстала художественная галерея европейского масштаба, и это было неожиданно и радостно. Созданный здесь музей — плод труда граждан свободной народной республики. Они открыли своему народу сокровища, ранее неизвестные, находившиеся в запустении.

Музей Брукенталя не только художественная галерея. В огромном дворце размещены отделы, посвященные природе и истории Румынии, народным искусствам, прикладному мастерству. Библиотека при музее насчитывает до 250 тысяч томов.

Истинно: руки свободного народа всегда золотые!

Брукенталь — гордость Сибиу, небольшого 65-тысячного старинного городка, расположенного в долине реки Чибин. И когда вы приезжаете сюда, вам первым делом говорят:

— Посмотрите Брукенталь!

И это так же естественно, как приглашение ленинградцев:

— Посмотрите Эрмитаж!

Н. Григореску. ГОЛОВА КРЕСТЬЯНКИ. Брукенталь.

7

Вечером нас позвали в гости. Очень приятно, когда вас, иностранца, зовут в гости в незнакомом городе, но всегда несколько тревожно. Удастся ли встреча, какой будет разговор? И не возникнет ли чувство неловкости, которое может испортить весь вечер?

Пригласил нас к себе Герасим Канчу, слесарь завода «Индепенданца». Он просто захотел повидать советского человека: Сибиу от Москвы далеко, не так-то часто заезжают сюда москвичи.

— Едем, — решительно сказал Фредерико Урсяну, — это будет очень хорошо. Ручаюсь.

В небольшой, уютной двухкомнатной квартире, находившейся в новом доме, нас поджидала вся семья Герасима Канчу: сам хозяин, молодой человек лет 30, его жена Ева, работница трикотажной фабрики, ее сестра, тихая 15-летняя Женя, и пятилетний сынишка Иосиф-Дорик. Стол был накрыт. Иосиф-Дорик в восторге носился по комнатам: гости были необычные. Урсяну со своим фотоаппаратом произвел сенсацию. Медленно и основательно он приводил его в состояние боевой готовности, и мальчик замирал от восторга.

Какое-то хорошее, теплое чувство исходило от этой семьи. По всему было видно, что здесь живут в ладу и согласии.

Мы подшутили над Евой, сказав, что ей при таком имени надо иметь мужа Адама, а не Герасима. Ева с милой улыбкой заметила, что Герасим ее вполне устраивает, а сам Герасим рассмеялся на весь дом и сказал:

— У меня очень редкое имя. Во всем Сибиу нашелся еще только один Герасим. Когда я узнал об этом, мы познакомились, проверили друг у друга документы (подумайте, целых два Герасима!) и даже выпили по стаканчику для такой встречи.

За столом завязалась непринужденная, оживленная беседа, и сразу исчезло чувство стесненности, какое обычно возникает при первом посещении дома.

Канчу рассказывал о своем заводе, о доме. Из его рассказа вставала картина простой, честной, трудовой жизни румынского рабочего человека.

— Завод наш производит отбойные молотки для шахтеров, нефтяное оборудование. У меня бригада в десять человек, работаем дружно, хотя у нас есть люди разных национальностей. Раньше это был сложный вопрос; теперь все стали как братья. Зарабатываю я тысячу триста лей, жена — восемьсот. Живем в достатке. Видите: получили новую квартиру, это большая радость. Обставили ее, причем рассчитались не в кредит, а наличными. Моя Ева — хорошая хозяйка и экономный человек...

В разговор вмешался Иосиф-Дорик и сообщил, что хочет прочитать стихи.

— Читай, — сказал отец.

Дорик шаркнул ножкой, важно прочитал несколько строф и откланялся, как настоящий чтец-декламатор.

— Их так учат в детском садике, — рассмеялась Ева. — А знаете, о чем стихи? О мире, о том, что дети хотят мира...

— Да! Мир — это все, что нам нужно, — сказал Канчу.

Но тут раздался страшный стук в дверь, передняя наполнилась шумом, мы думали, что пришло человек десять, а пришел один — старший брат хозяина, завхоз больницы, Николай Канчу. Это был большой, веселый человек с сияющей улыбкой на широком, добродушном лице.

— Скрываешь, — закричал он брату, — скрываешь, что у тебя гости! Но я узнал!

С его приходом оживление сразу возросло. Такие веселые люди всегда несут с собой запас неистощимой энергии.

Разговор пошел о Москве, о жизни советских людей, о дружбе русских и румын. Николай Канчу интересовался всем. Он с радостью заметил, что за столом сидят три Николая, и, конечно, предложил отметить это обстоятельство тостом. Потом были выложены на стол горы семейных фотографий, и мы увидели всю семью Канчу, включая отдаленных тетушек и дядюшек. Ева и ее тихая сестренка Женя спели нежную румынскую песенку, в которой прославлялась любовь и верность. Братья Канчу пожелали спеть старую русскую песню о Степане Разине, причем, не зная слов, спели ее довольно бодро, после чего настала очередь «Катюши» и, разумеется, «Подмосковных вечеров».

А Урсяну снимал. Он снимал всех вместе и каждого в отдельности. Он взбирался то на стул, то на диван, требуя света и тишины.

Когда поздно вечером начали расходиться, Урсяну сказал:

— Настоящая демонстрация румыно-советской дружбы.

В нем жил неистребимый газетчик.

До автобуса нас провожали все Канчу. Прощаясь, мы расцеловались, как братья. И действительно, в этот вечер я чувствовал себя одним из братьев Канчу.

8

На другой день мы поехали в село Кристиан познакомиться с жизнью сельскохозяйственного кооператива «Тракторул Рошу».

Кристиан — большое село, расположенное в широкой долине, окруженной горами. В долине светило солнце, а горы были окутаны туманами, сквозь которые поблескивали матовым серебром снежные вершины. В селе живут румыны и саксонцы, старинные здешние поселенцы. Смешанная румынская и немецкая речь слышалась на улицах.

Господария коллектива «Тракторул Рошу» («Красный трактор») организовалась десять лет назад. Сперва в коллектив вошло восемьдесят четыре семьи, преимущественно батраки и бедняки, сейчас в нем триста семейств. Это — среднее хозяйство, ничем особенным не примечательное.

Председателя господарии старого, 74-летнего Иону Бартеша мы не застали в селе: он уехал закупать овец для пополнения кооперативного стада, но его заместитель Василь Пышу оказался на месте. Это был высокий, статный

Copyrighted material

человек, лет сорока, могучего телосложения. Как настоящий крестьянин, он был медлителен и экономен в словах и жестах. Его румяное лицо отражало здоровье и силу.

Жизнь Василя Пышу типична для румынского крестьянина, познавшего на своем веку и горечь подневольного, батрацкого труда и войну со всеми ее бедствиями. Такие, как Василь Пышу, по своему собственному опыту могут судить, что дала крестьянину народная власть. Если б в Румынии все оставалось по-старому, гнул бы Пышу свой горб на чужой земле, батрачил у богатея за медный грош, жил бы в лихой нужде, как жили его отцы и деды.

Три с половиной гектара земли получил Пышу в 1945 году. Своя земля! Неслыханное счастье для извечного батрака! Но через пять лет Пышу вступил в кооператив. Он хорошо выразил мысль, побудившую его пойти на этот шаг:

— Все ручьи сливаются в одно русло!

Фагарашские горы — Южные Карпаты. Автострада соединяет Брашов с другими городами Трансильвании.

Пышу верил, что народная власть, давшая ему землю, не позовет его к плохой жизни. Не раскаивается ли Пышу? Может быть, осталась в нем неутоленная жажда обладания своим собственным клоком земли?

Василь Пышу улыбается:

— Нет, мне в господарии коллектива хорошо, как хорошо и другим. Давайте посмотрим, как живут у нас люди. Имейте в виду, этот год у нас неудачный: весной были заморозки, большой разлив реки, а летом — жара. И все-таки на трудодень досталось по двадцать восемь лей деньгами, по два с половиной кило зерновых, по три кило картофеля, по два кило кормовой свеклы. Сахару выдали по двенадцать кило на каждые сто трудодней, вина — по сто граммов на трудодень. У нас исправный член кооператива имеет пятьсот пятьдесят — шестьсот трудодней. Подсчитать доход крестьянина нетрудно. В селе нашем есть и товарищество по совместной обработке земли и индивидуальные хозяйства. Каждый увидел, насколько кооператив сильнее старых форм землепользования. ТОЗ потерпел большие убытки от неурожая нынешнего года. Я бы на своих трех гектарах остался вовсе без хлеба. Мы знаем, что сообща легче работать: когда ручьи сливаются в одно русло, река обретает силу.

У меня — сыновья. Они учатся в Сибиу, возвратятся в село образованными людьми. Мог ли мечтать об этом раньше я, батрак? Есть у меня свой новый дом, домашнее хозяйство: корова, свиньи. Я ведь недавний заместитель председателя и бригадир, все время был рядовым коллективистом да и сейчас сам работаю наравне со всеми. Нет, есть у нас еще люди, цепляющиеся за старое, но думаю, что скоро и они придут к нам...

Василь Пышу и главный инженер Юлий Нирештяну показали нам свое хозяйство: исправную молочнотоварную ферму со ста пятьюдесятью дойными коровами, свинарник с полусотней маток, пасеку, птицеферму, цветочные оранжереи.

Тысяча пятьсот овец паслись на вольных пастбищах.

В правлении Пышу и Нирештяну развернули бумаги, диаграммы, рассказали о дальнейших планах господарии коллектива.

— В 1961 году доведем количество рогатого скота с двухсот семидесяти до пятисот голов, овец — с тысячи пятисот до двух тысяч ста пятидесяти, построим силосную башню, два коровника, оранжереи приспособим для выращивания ранних овощей: это выгодней, чем цветы. В этом году нам было не очень легко, надеемся, что в будущем станет лучше. Народ в кооперативе хочет и умеет работать, верит в силу коллектива.

Я увез с собой в памяти слова Василя Пышу:

— Все ручьи — в одно русло!

9

Из Бухареста по великолепному шоссе машина наша мчалась на северо-восток страны. Уже остался позади Плоешти, кипучий промышленный город с множеством нефтеперегонных заводов, с громадной железнодорожной станцией, наполненной тяжеловесными поездными составами с нефтью, бензином, керосином, лигроином, смазочными маслами; уже скрылись дымы над Плоешти. Промелькнул маленький и уютный городок Бузэу, вокруг лежали просторные поля с лесами, уходящими вдаль, с невысокими увалами. То перепадал снег, то вдруг на много километров снова возникали чистые равнины с зеленью, пробивающейся сквозь старую, бурую траву.

Мы ехали на Рымник и Фокшаны — места исторические, памятные и дорогие для русского человека. Здесь сражались с турками доблестные полки Суворова. Здесь, по этим равнинам, отступали разгромленные гитлеровские дивизии, те, кто успел вырваться из Ясско-Кишиневского котла. Они отступали, провожаемые ненавистью и проклятиями населения, испытавшего на себе всю меру гнета и жестокости.

Жизнь кругом разворачивалась простая, мирная. Тихие села дремали у дороги. Был праздничный день, народ отдыхал, возле домов собиралась молодежь, пели песни; старики и старухи беседовали у ворот, как всегда, как везде. И странно было представить, что здесь, в этом краю, гремели пушки и кипели битвы.

Но после Рымника мы вдруг увидели село, и оно называлось Суворов!

А на высоком холме, видный за несколько километров, возвышался памятник прославленному русскому полководцу.

Вздыбленный конь высоко поднял фигуру Суворова у крутого обрыва. Рука полководца как бы чертила круг над широким простором уходившего вдаль поля. Она звала вперед, обращаясь к незримым полкам.

Мы взобрались на холм. Нас сопровождал неизвестно откуда взявшийся маленький мальчик. Он нам обстоятельно рассказал о Суворове — в школе учат историю, а какому мальчику не интересна эта наука?! Повествование мальчика было наивно и трогательно, но в нем отразились любовь и уважение здешних людей к памяти русского полководца, войска которого несли народу освобождение от турецких угнетателей.

В полдень мы приехали в Одобешты, где находится знаменитая на всю Румынию опытная винодельческая станция. Виноделие для Румынии — важная статья национального дохода. Румынские вина, нежные и вкусные, славятся далеко за пределами страны. По старой памяти мы считаем французов образцовыми виноделами, но, оказывается, даже Франция закупает румынские вина.

В Бухаресте нам говорили:

— Одобешты — страж румынского виноделия.

И действительно, здесь ведется большая научная работа. Отлично поставленные лаборатории помогают изучать почвы для винограда, улучшать сорта, бороться со зловещей филоксерой. Триста сортов винограда растет в Одобештах на ста двадцати гектарах опытной станции. Государственные, кооперативные, индивидуальные хозяйства нескольких областей обслуживает станция.

В Одобештах находится школа мастеров виноделия с трехлетним обучением и школа ученичества. Здесь каждый год собираются курсы председателей кооперативов.

Во главе станции стоит талантливая молодежь, любящая свое дело и отдающая ему все свои силы.

Нас встретили начальник лаборатории Григорий Брэгуца и научный сотрудник Екатерина Симеон. Чем-то недавним, студенческим веяло от их жарких, старательных объяснений, когда они нас, дилетантов, пытались посвятить в тайны своего очень тонкого и деликатного винодельческого мастерства. Они показали нам добрую тысячу колб и пробирок, они повели нас в подвалы, где в гигантских дубовых бочках зрели вина разных сортов. Они рассказывали о винах с такой же нежностью, как мать рассказывает о своих детях. Мы узнали, что вина иногда болеют и их надо лечить. Мы узнали, что «Желтое Одобештское» возбуждает аппетит. А «Мускат Отонель» способствует бодрому настроению. А «Франкушэ» рождает нежность. А «Итальянский Рислинг» скрепляет дружбу. А «Фетяска Регала» делает человека разговорчивым. А «Мерло»... Тут уж совсем другое!..

Григорий Брэгуца рассказал мне на ухо, как один из его знакомых, пожилой человек, выпил четыре стаканчика «Мерло» — и в этом же году у него родился преотличный мальчишка.

Может быть, я и перепутал что-нибудь в характеристике вин, но не в этом дело. Важно, что каждое вино имеет свое доброе свойство.

— Все они созданы для дружбы и радости, — сказали нам виноделы.

...Было бы фарисейством заявить, что мы не воздали должное прославленной продукции Одобешт.

Вот и окончено путешествие по Румынии. Быстро промелькнули дни, наполненные встречами, беседами, острыми и сильными впечатлениями. Приятно было наглядно убедиться, что дружественный нам румынский народ живет хорошо, что страна цветет, строится, набирается сил, стремится к новым успехам и свершениям. В любом городе, большом и малом, в любом селе мы видели достаток, ощущали жизнерадостность народа, его готовность трудиться для блага родины.

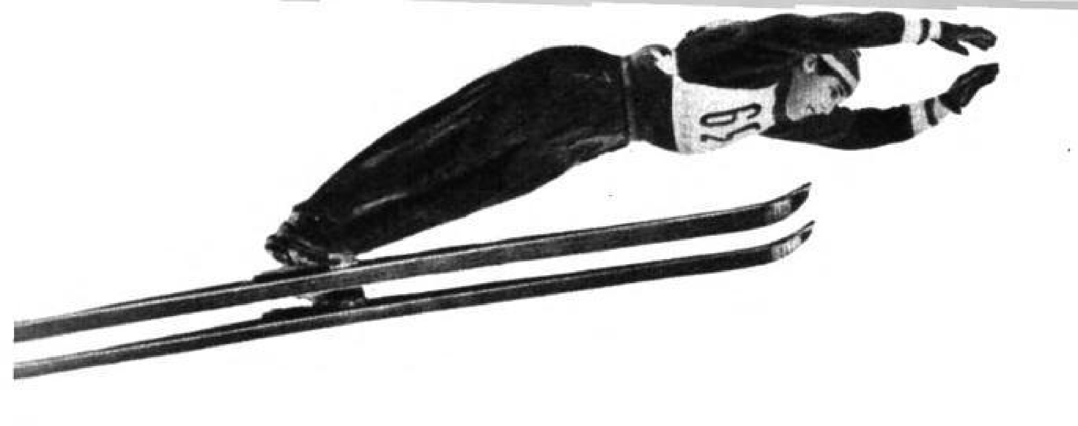
При встречах и расставаниях румыны говорят друг другу:

— Бунэ зиуа! Добрый день!

Вот и мне тоже хочется сказать после своего путешествия:

— Добрых дней тебе, Румыния!

Copyrighted material

КРЫЛА ЛЫ

В. НАГОРНЫЙ,
мастер спорта

Фото Б. СВЕТЛАНОВА.

В солнечное мартовское воскресенье 1951 года в Оберстдорфе (ФРГ) на самом большом трамплине в мире финн Тони Луйро установил замечательный мировой рекорд в прыжках на лыжах с трамплина: он пролетел по воздуху 139 метров!

Что же это за спорт, в котором человек может без помощи крыльев преодолевать такие расстояния?

Современные прыжки совершаются на склоне горы, имеющей определенный, точно рассчитанный профиль. Верхняя часть горы используется для разгона. Приняв старт, спортсмен скользит на лыжах, набирая скорость. Она должна быть немалой: чтобы пролететь по воздуху 100 метров, надо достигнуть скорости скольжения 90 километров в час!

Изумительное, волнующее зрелище представляют гигантские прыжки-полеты. И не случайно поэтому, определяя победителя, судейская коллегия прежде всего оценивает красоту прыжка. В этом спорте, как в гимнастике или в фигурном катании, принимается во внимание все, что определяет гармонию движений, их четкость и завершенность, общий рисунок полета, уверенность всех действий спортсмена. Для большей объективности из пяти оценок выбираются три средние, самый щедрый и самый скупой результаты отбрасываются. Но на судейской вышке лыжного трамплина рядом с судьями — ценителями красоты стоят судьи, измеряющие «физический» результат прыжка — его длину. При помощи специальных таблиц метры переводятся в баллы. Баллы за длину складываются с баллами за кра-

Лыжный трамплин в Скво Вэлли.
← Фото М. Боташева.

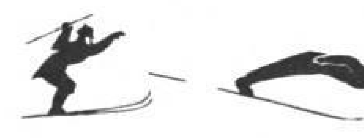

Так выглядят современные полеты на лыжах. Сверху вниз: Х. Рекнагель (ГДР), Ю. Кяркинен (Финляндия), К. Цакадзе (СССР) и Н. Каменский (СССР).

От 19 до 139!

Так растет дальность прыжка

1868 — Нордхейм (Норвегия)	— 19	м
1879 — Хауген (Норвегия)	— 20	м
1886 — Норгорд (Норвегия)	— 26	м
1890 — Бюе (Норвегия)	— 30	м
1900 — Тандберг (Норвегия)	— 35,5	м
1902 — Ествангм (Норвегия)	— 41	м
1909 — Шмит (Норвегия)	— 45	м
1913 — Омтвед (США)	— 51,5	м
1917 — Холл (США)	— 62	м
1921 — Нелсен (США)	— 73	м
1931 — З. Рууд (Норвегия)	— 81,5	м
1934 — Б. Рууд (Норвегия)	— 92	м
1936 — Брадль (Германия)	— 101	м
1948 — Чаннен (Швейцария)	— 120	м
1950 — Дэшер (Швейцария)	— 130	м
1950 — Вейлер (Германия)	— 133	м
1950 — Нетцелл (Швейцария)	— 135	м
1951 — Луйро (Финляндия)	— 139	м

1820 год. 1954 год.

Copyrighted material

ТЫЕ ЖНИКИ

соту, и выводится окончательный итог прыжка.

Каждый трамплин имеет свою мощность. Это значит, что прыжки с него можно совершать до определенного предела. Критическая точка отмечается на склоне горы приземления флагами. Прыжки за флаги опасны для спортсменов, потому что там уменьшается крутизна склона и прыгун будет приземляться не по касательной, а круто, с сильным ударом. Поэтому если в силу каких-либо причин, например, при улучшении скольжения лыж или попутном ветре, спортсмены станут приближаться к критическому пределу трамплина, главный судья тотчас примет меры: он уменьшит длину разгона, для чего перенесет точку старта.

При скорости 100 километров в час сила воздушного сопротивления достигает 32 килограммов, и если спортсмен не обладает высокой техникой прыжка, то эта сила быстро гасит скорость полета. Вот и возник вопрос: нельзя ли использовать воздушное сопротивление так, чтобы оно из врага превратилось в друга? Спортсменам помогли инженеры. Математические расчеты, продувки в аэродинамических трубах, экспериментальные исследования принесли убедительный ответ: можно! Так на чертеже появились силуэты лыжника в новой, необычной позе. Почти горизонтально лежащее тело, вытянутые вперед или прижатые к корпусу руки.

Но сумеют ли спортсмены осуществить на практике рекомендации аэродинамиков? В 1954 году в Швеции на первенстве мира норвежские прыгуны, многие годы безраздельно господствовавшие на трамплине, потерпели неслыханное поражение от финнов. Успех победителей объяснялся тем, что они применили новый, аэродинамический стиль, опирающийся на математические расчеты.

На этих соревнованиях дебютировали и наши спортсмены, но успехи их были скромны, а стиль, по мнению знатоков, походил на норвежский. События на шведском трамплине заставили наших спортсменов пересмотреть свои позиции. Спустя два года на VII Олимпийских играх в Кортина д'Ампеццо крупнейший швейцарский специалист по прыжкам Штрауманн заявил: «Русский Цакадзе, по-моему, достиг почти идеального положения при полете. Ему осталось только отработать приземление, чтобы повысить устойчивость».

Но пока лучше всех освоил финскую новинку прыгун из Германской Демократической Республики Хельмут Рекнагель. Впервые мы увидели его на первенстве мира 1958 года в Лахти. Юноша из ГДР, выступая на родине финских прыгунов, продемонстрировал отточенный стиль во всех стадиях прыжка и отличное, уверенное приземление, чего так не хватает до сих пор нашим спортсменам.

Стиль финнов, усовершенствованный Рекнагелем и его консультантом инженером Хохмутом, позволил немецкому спортсмену стать чемпионом VIII Белой олимпиады в Скво Вэлли.

Многого добились за последние годы и советские прыгуны. Кобу Цакадзе, Николая Каменского, Николая Шамова зарубежные газеты называют «летающими торпедами» — так стремителен и динамичен их полет. Технику советских прыгунов анализируют и изучают виднейшие специалисты.

И вот снова в разгаре спортивный сезон. Он начался, как и обычно, с «турне четырех трамплинов» — своеобразного соревнования-путешествия сильнейших прыгунов. По сумме результатов, показанных на трамплинах Оберстдорфа, Гармиш-Партенкирхена, Иннсбрука и Бишофсхофена, первое место занял все тот же Хельмут Рекнагель. Коба Цакадзе оказался четвертым. Советские спортсмены взяли реванш на кавголовском трамплине под Ленинградом. Там в борьбе с сильнейшими зарубежными мастерами победу завоевал Николай Шамов. Впереди еще много интересных встреч и новых побед, в основе которых всегда будут лежать точнейшие математические расчеты и великолепная человеческая смелость.

На первенстве мира 1958 года в Лахти.

Чемпион СССР гроссмейстер Т. Петросян с сыновьями Мишей и Вартаном.

Фото Е. Умнова.

ОТПУСК НА МЕСЯЦ

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

На шахматном турнире надо соблюдать полнейшую тишину. Многочисленным посетителям чемпионата страны об этом целый месяц напоминал электрифицированный транспарант, однако тишина в Центральном Доме культуры железнодорожников была еще более дефицитна, чем время, предоставленное участникам турнира на сорок ходов.

Когда в день решающего, последнего тура вскоре после начала игры Т. Петросян и В. Тарасов согласились на ничью, это вызвало бурные аплодисменты. В чем же дело? С каких пор шахматные болельщики аплодируют ничьей в двенадцать ходов? Но это была особенная ничья. Она обеспечила Тиграну Петросяну победу в турнире и золотую медаль чемпиона Советского Союза. Но почему же В. Тарасов так быстро согласился на ничью? Такой вопрос был задан партнеру Петросяна, и тот скромно ответил: «Мне легче проиграть Петросяну, чем ему со мной сделать ничью!»

Удивительно точно выверена норма успехов Петросяна. В год больше одной-двух партий он не проигрывает. Интересно отметить, что в последних трех чемпионатах страны Тигран Петросян набрал одинаковое количество очков — 13,5. Два раза этого было достаточно для победы, но в прошлом году В. Корчной набрал на пол-очка больше.

Можно полагать, что после нового триумфа Тиграна Петросяна последние критики перестанут упрекать его в ничейной тактике. Кто еще будет утверждать, что Петросян «ничейщик»? Ведь у него девять побед, причем многих из них он добился в отличном стиле. В защите новый чемпион страны исключительно упорен, а когда чутье подсказывает ему, что позиция требует решительных мер, то он никогда не замедлит со стремительным ударом по позиции противника. Характерны в этом отношении партии Петросяна против В. Корчного и В. Смыслова. Позиционное чутье у «тигра» прямо дьявольское: заметную ошибку от него можно ждать годами. Как же выиграть у такого шахматиста!

От турнира к турниру прогрессирует Виктор Корчной. Его выступление в последнем чемпионате заслуживает самой высокой оценки. Да простят мне Смыслов и Спасский, если я скажу им, что не только они, но и многие наши гроссмейстеры могли бы поучиться у Корчного упорству в борьбе за каждую половину очка. Корчной — поистине шахматный геркулес, хотя внешне он не отличается атлетическим сложением. Прямо удивительно, как умудряется Корчной выдерживать напряжение девятнадцати туров и притом в каждой позиции искать осложнений, а не упрощений.

После одиннадцатого тура многие считали, что дела Корчного чуть ли не безнадежны. Ведь тогда у него было всего шесть очков. Но Корчной не пал духом. Падали один за другим его партнеры. Семь очков из восьми возможных — вот блистательный финишный баланс Корчного! Теперь он впервые примет участие в беседах на «высшем шахматном уровне» и с его «словом» многим придется считаться.

Рядом с Петросяном и Корчным стоит Геллер. В первом туре его «нокаутировал» Бронштейн, но одессита не так-то легко выбить из седла. Геллер в дальнейшем показал содержательную, интересную игру и завоевал вместе с призовым местом путевку на межзональный турнир.

Радостным сюрпризом XXVIII чемпионата СССР является блестящее выступление чемпиона Украины Л. Штейна. Ему удалось пройти целым и невредимым сквозь меткий гроссмейстерский огонь. Для этого нужно обладать крупным шахматным дарованием. Стиль игры Штейна стремительный и энергичный. Кто в 26 лет не любит рисковать! Манера Штейна целиком себя оправдала: с десятью гроссмейстерами он обошелся довольно сурово, набрав в борьбе с ними 6,5 очка. Если Леонид Штейн закончил турнир в чине «полугроссмейстера» (ему присваивается один балл), то это не заслуга десяти его грозных соперников, а вина мастеров В. Симагина и С. Фурмана. Но скромный Штейн вполне доволен достигнутым результатом: дележом третьего-четвертого места и путевкой на межзональный турнир.

Пятое и шестое места в чемпионате СССР—неплохой результат, но не для В. Смыслова и Б. Спасского. Смыслов удивительно вяло провел заключительную часть турнира. Пять ничьих подряд! Он считал очко в партии с А. Хасиным у себя в «кармане», но не учел психологической подноготной этой последней встречи. Смыслов надеялся зацепиться хотя бы за четвертое место, но Хасин защищался, как лев: ведь проигрыш отбрасывал его на последнее место в турнире. В результате партия закончилась вничью.

Никому не понятна тактика Б. Спасского в двух последних турах. Почему Спасский решил играть на выигрыш с Корчным, хотя его вполне устраивала ничья? Непонятно, почему он в последнем туре в партии с Л. Штейном чуть ли не с первого хода все поставил на карту. Один эксперт утверждает, что Спасский не хотел играть на ничью со Штейном из-за того, что Смыслов, по его расчетам, должен был выиграть у Хасина. В этом случае Спасский должен был бы играть матч-турнир со Смысловым и Штейном. Но разве такая перспектива была бы не лучшей, чем остаться «пятым лишним»? Так же как и на первенстве СССР 1958 года, Спасский сам себя вывел из борьбы за первенство мира. Но у него перед Смысловым есть одно преимущество: Смыслову сорок лет, а Спасскому всего двадцать четыре года. Ему ждать легче...

XXVIII чемпионат СССР отошел в область истории, и теперь мы предлагаем читателям «Огонька» отпуск до середины марта, когда за столик усядутся два зрителя последнего шахматного первенства страны — Михаил Таль и Михаил Ботвинник.

Copyrighted material

Летучим языком календаря

Двести пятьдесят лет выходят на Руси календари. В 1708 году указом Петра введен гражданский шрифт, а уже в следующем году издан первый печатный российский месяцеслов, известный под именем «Брюсова календаря». Создан он «тщанием и трудом» скромного библиотекаря Василия Киприянова и Алексея Ростовцева. Шесть деревянных досок пращура-календаря, кроме «предзнаменований времени на всякий день по планетам», содержали много занятных сведений: когда следует «кровь и жильную руду пущать», долги платить, «прение начати», «брак имети»...

Сейчас трудно представить семью, в которой не было бы отрывного календаря, численника, как его называют читатели и как его упорно не хотят называть законодатели современного литературного языка.

Прав был Белинский, утверждавший, что календарь — «книга народная, повседневная, необходимая». Это было верно сто двадцать лет назад и тем более верно сегодня, когда издаются десятки разных календарей поистине баснословными тиражами. В самом деле, кто откажется от удовольствия за сорок копеек обеспечить себе на целый год ежедневное чтение с картинками и всякими полезными сведениями, в том числе по домашнему хозяйству и врачеванию. Трудно устоять перед таким соблазном! И календари «идут», по слову книготорговца, идут бойко на любом перекрестке.

Давно уже устарело присловье «врет, как календарь». Уже давно не врут календари, а сообщают совершенно точно о восходе и заходе Солнца, о различных фазах Луны, о великих открытиях, о днях рождения замечательных людей. Описывают численники положение планет на нашем небосводе в каждом месяце. Эти заметки, как всегда, интересны, а в последнее время особенно. В календаре, правда, не говорится пока о новых советских искусственных планетах и других небесных телах, которые появятся в наступающем году.

Много занятного рассказывают календари. Они, например, утверждают, что в 1961 году 15 февраля будет полное солнечное затмение, а 11 августа — кольцеобразное. Что будет два частных лунных затмения. Что в царской России на территории Сибири работал всего один государственный геолог. Что в Союзе советских писателей 622 женщины. Что в 1910 году из 360 опрошенных парней-рекрутов 114 ни разу в жизни не ели мяса. Что в советской семье сейчас по сравнению с довоенным уровнем потребление мяса увеличилось вдвое. Что полтораста лет назад в России из двухсот десяти человек учился только один. А сейчас у нас учится каждый пятый человек. Тут есть о чем подумать, поразмышлять...

Отрывной календарь — не только табель, в котором дни расписаны по неделям. Это и чтение, литература. И литература самая массовая, народная. Ее издают тремя миллионами, пятью миллионами экземпляров, а женский календарь только что издали тиражом в девять миллионов штук.

Какого же качества календарная литература? Составители численника, очевидно, понимают ответственность перед многомиллионной своей аудиторией. На последнем листке школьного календаря есть такое обращение:

«Дорогой читатель! Сегодня ты срываешь последний листок календаря... Напиши нам:

Какие заметки из нашего календаря тебе больше всего понравились?

О чем бы ты хотел прочитать в календаре на будущий год?

Положи этот листок в конверт, наклей марку и отправь по адресу: Москва, Д-47, Миусская площадь, 7, редакция календарей Госполитиздата».

Мы решили не ждать последнего листка календаря будущего года и написать сейчас же, какие заметки нам понравились, какие нет. И не только в школьном, но в женском и общем численниках.

Представить отечественную литературу в лучших образцах — дело нелегкое; но календари всегда славились тем, что знакомили читателя с лучшими стихами и песнями, отрывками из популярных классических книг.

Но в последние годы литературы в календарях все меньше и меньше. В общем календаре лишь около пятидесяти листков содержат произведения прозы и поэзии — это восьмая часть календарной площади. Среди пятидесяти листков едва ли наберется с десяток классических стихотворений и прозаических отрывков. Нет ни одной строки Пушкина, Крылова, Тютчева, Тургенева. В русской поэзии XIX века для календаря не нашлось ничего, кроме трех отрывков: из Лермонтова, Никитина и Некрасова. Это уже скандально мало!

Понятно, что календари тоже тянутся к современности, к новому. Однако новое должно быть лучше старого, лучше не только тем, что оно новое. Советская литература имеет сотни образцовых, хрестоматийных произведений поэзии и прозы, проверенных временем и достойных украсить листок календаря. Тут нетрудно избежать случайностей. Но их слишком много в общем календаре. Нет стихов Твардовского, Тихонова, Асеева, не говоря уже о Маяковском, Блоке, Есенине. Зато есть не лучшие плоды творчества Мизина, Каменной и Приставкина. В женском календаре помещены такие стихи Д. Печенивского:

Малыши на санки сели,
Поместились еле-еле,
Как помчались санки вниз —
Вихри снежные взвились!
Ух!..
Захватило дух.

Сразу вспоминается хрестоматийное, суриковское: «Вот моя деревня; вот мой дом родной...» Не лучше ли было пожертвовать новым в пользу этого доброго, старого, хорошего стихотворения... А на листке со стихами Печенивского еще написано: «Прочтите детям». Ненужный совет! Женщины, будем надеяться, сами разберутся, но зачем портить вкусы и детям?

В календаре школьника своих таких стихов хватает. Вот пятистишие В. Товаркова:

Наш председатель смело
Берется за три дела
И заявляет вдруг, что не
хватает рук!..
— А наши руки для чего? —
Мы спросили у него.

Или еще один слащавый «тетрастих» Товаркова:

Осень жар-птицей летит над
лесами,
Всюду деревья пылают
кострами.
Словно боясь опалить свои
перышки,
Нас покидают веселые
скворушки.

С горечью листаешь календари и натыкаешься на холодные, наспех сколоченные вирши Л. Дербенева, А. Пархоменко, Н. Садового, М. Крепина, Т. Поздеевой.. Неужели из нашей великолепной, богатой, многонациональной поэзии нельзя выбрать ничего лучше?

Много могут сделать календари в пропаганде высоких эстетических вкусов, в приобщении миллионов читателей к великим образцам искусства. Есть тут удачный опыт: серии заметок «О графике» и «О скульптуре» в общем календаре или «Немного об искусстве» в школьном. Хорошо здесь то, что авторы заметок знакомят не только с отдельными произведениями искусства (а выбраны действительно значительные вещи), но и с различными видами живописи, скульптуры, графики. В конце каждой заметки дана ссылка на следующую страничку серии, что также помогает ее цельному восприятию.

Не столь удачны серии «Немного об искусстве» В. Матафонова и «Русские оперы» П. Кантора в женском календаре.

В. Матафонов в крошечных заметках пытается рассказать о многих вещах и, конечно, сбивается на скороговорку. Здесь самый подход неправильный: нельзя в двадцати строчках раскрыть такую тему, как «Образ крестьянки в живописи» или «Образ матери в советской живописи». В результате — косноязычие, которое принесет больше вреда, чем пользы. Например (из одной заметки):

«Н. Неврев глубоко отразил бесправие крестьянки... С большой силой показал жизнь крестьянки В. Перов... Трагичен образ крестьянки, созданный С. Ивановым...»

Куда плодотворнее путь, избранный А. и В. Турбиными в заметках по искусству, помещенных в общем и школьном численниках. Турбины берут одно произведение, но им удается больше сказать об искусстве.

Очень жаль, что закончилась неудачей попытка П. Кантора рассказать в женском календаре о русских операх. В заметках много вульгаризации, общих слов, а они противопоказаны календарным жанрам. Сказать, что музыка Глинки в «Иване Сусанине» величава и драматична, а образы оперы поражают своей выразительностью — значит ничего не сказать. А когда П. Кантор переходит к конкретному, например, к признанию Татьяны Лариной в любви, получается следующее:

«Короткие, как биение сердца, прерывистые аккорды струнных инструментов подчеркивают волнение девушки. Но Онегин оказывается не тем, кто мог бы понять Татьяну. Музыка передает его холодность, сдержанность...»

Как было бы хорошо, если бы о музыке в календаре написал крупный советский композитор или музыковед! Ведь смог же Е. Кибрик в женском календаре кратко рассказать о пустоте и никчемности абстрактного искусства. Ведь ни один мастер, любящий свое дело, не откажется написать для календаря. Робость составителей в подборе авторов ничем не оправдана. Известно, что в наших календарях всегда печатали крупных ученых, деятелей

2600 наград

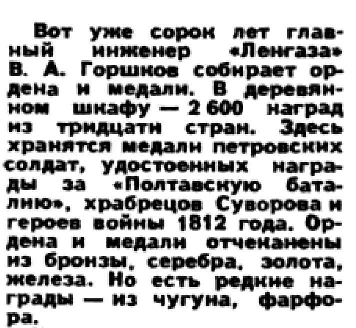
Вот уже сорок лет главный инженер «Ленгаза» В. А. Горшков собирает ордена и медали. В деревянном шкафу — 2 600 наград из тридцати стран. Здесь хранятся медали петровских солдат, удостоенных награды за «Полтавскую баталию», храбрецов Суворова и героев войны 1812 года. Ордена и медали отчеканены из бронзы, серебра, золота, железа. Но есть редкие награды — из чугуна, фарфора.

Первая красноармейская звездочка. Она принадлежала брату В. А. Горшкова, ушедшему добровольцем на фронт и погибшему под Варшавой. Вот памятные нагрудные знаки красных командиров, почетные значки солдат первых революционных полков и бойцов Красной гвардии. Они рассказывают об истории первых лет Красной Армии.

Н. ЧЕРНИКОВ

Памятный знак «Бойцу Красной гвардии и красному партизану от Ленсовета». 1932 год.

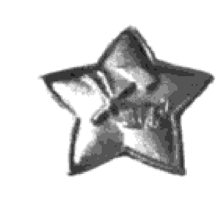
Знак бойца Красной гвардии города Одессы. 1923 год. (1965 — порядковый номер знака.)

Юбилейный жетон «Товарищи! Оповестим мир о социализме». 1918 год.

Почетный знак «Честному воину Карельского фронта». 1922 год.

Красноармейская звездочка. 1918 год.

↑ Нагрудный знак Бухарской народной советской республики за борьбу с басмачами «Борцу с басмачеством за освобождение дехкан». 1924 год.

Copyrighted material

культуры; например, еще в 1714 году в месяцеслове появилась статья знаменитого Гюйгенса, которая впервые в России трактовала систему мироздания Коперника. Факт замечательный; он говорит еще и о том, что календари могут немало сделать в пропаганде научных знаний.

По определению Даля, календарь — «роспись всех дней в году, с показанием и других, к сему относящихся, сведений...» Особенно важны «к сему относящиеся сведения». Ведь дорога ложка к обеду. И, конечно, интересно узнать, что замечательного произошло именно сегодня, когда отрываешь очередной листок. А наши численники во многих случаях идут по другому пути — по пути различных серий. Их слишком много в календарях. В общем численнике есть такие серии: «О хорошем», «О графине», «О скульптуре», «Ростки нового», «Люди нашего времени», «Советы педагога», «О детях», «Говорят дети», «Наши новые города», «О вере в бога». Некоторые серии повторяют одна другую, например, «О хорошем», «Ростки нового» и «Люди нашего времени». Могли быть объединены «Советы педагога» и «О детях». Но не в этом главное, а в том, что избыток серий мешает выполнять главную задачу календарей: в росписи дней давать «к сему относящиеся сведения». Это, конечно, труднее, чем закатить, скажем, одну серию на все 365 дней, и — баста, календарь готов.

Нужно отдельно говорить о рисунках в календарях (нередки рисунки малограмотные, непрофессиональные), о качестве отдельных заметок (к сожалению, уровень их далек от желаемого) и о многом другом. Но всего не объять.

В. ВОРОНОВ

Издано в Херсоне

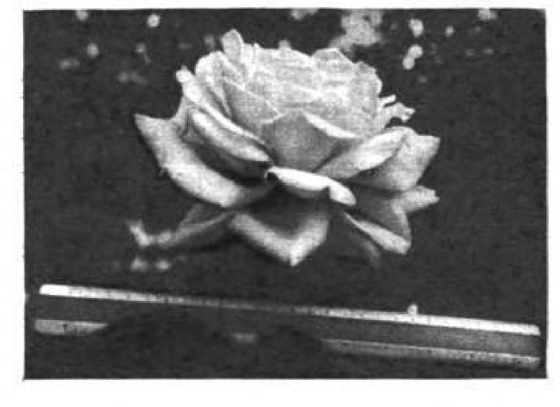
Еще несколько лет назад о замечательном пролетарском поэте Алексее Гмыреве было известно совсем немного. Изучением его жизненного и творческого пути занялся николаевский журналист Тимофей Уралов. Он изучил документы и письма Гмырева, хранящиеся в николаевском областном архиве, полицейские и судебные материалы о поэте в архивах Москвы и Киева. Большую помощь автору в работе над книгой оказали старые большевики, которые лично знали Гмырева. Совсем недавно Херсонское книжно-газетное издательство выпустило книгу Т. Уралова «Путь Алексея Гмырева» с предисловием видных деятелей партии Г. М. Кржижановского и Г. И. Петровского.

Книге предпосланы следующие слова М. А. Шолохова:

«Алексей Гмырев в истории нашей революции фигура чрезвычайно интересная. Это один из немногих одаренных русских поэтов-революционеров, вышедших из рабочей среды. Его жизненный путь может служить прекрасным образцом для воспитания молодежи. Книга Тимофея Уралова написана с большим знанием дела».

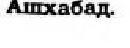
Ш. ЛЮДКОВСКИЙ,
начальник николаевского областного государственного архива

«Глория Дей»

На снимке — редкая по величине роза диаметром 17,5 сантиметра. Она выращена сотрудниками Туркменского ботанического сада. Сорт «Глория Дей» прекрасно подходит для климатических условий Ашхабада. Цветение продолжается с ранней весны до поздней осени. Цветы не «подгорают» даже в самые жаркие дни, когда другие розы быстро отцветают. Роза имеет нежную окраску, меняющуюся от желтой до бледно-розовой.

И. ГАЕВСКАЯ
Ашхабад.

ЛЕММИНГ В НЕВОЛЕ

Я поймал этого зверька в арктической тундре. Он жил у меня в комнате, скрашивая скуку долгой полярной ночи. Лемминг быстро приучился брать пищу из рук, но при первой же возможности старался вырваться на свободу. Посмотрите, как внимательно исследует он с этой целью окно.

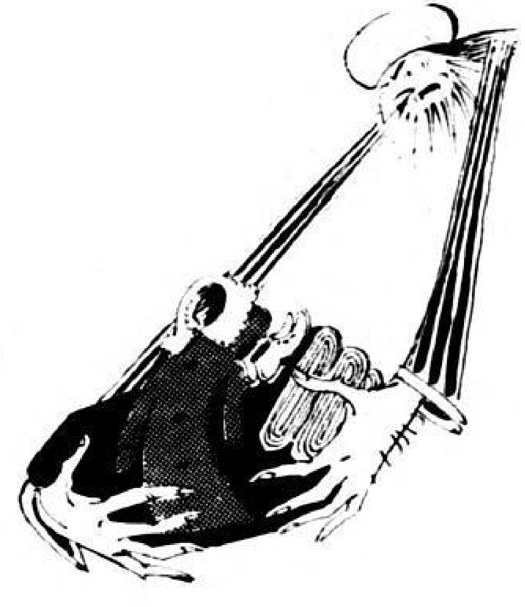
В. ОРЛОВ

На марках: 1661—1961

В Польской Народной Республике в честь трехсотлетия польской печати выпущена серия марок.

СВЯТЫЕ ГРАБИТЕЛИ

Фельетон

Мих. АНДРИАСОВ

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Есть в Ставропольском крае гора Кинжал. Красивая гора! У подножия горы село Канглы. Богатое село. А в селе муллы Магомед Мустафаев и Эдыге Сарамурзов.

Чего только не творят в Канглах муллы! В дни молений раздаются их соловьиные трели. Возводя глаза к небу, они поучают:

— Покорись безропотно воле всемогущего аллаха, почитай Магомета, пророка его, и ты будешь спасен. За это в загробном мире познаешь только блаженство. Прекраснейшие из прекраснейших дев — гурии будут вечно услаждать и ласкать тебя...

Призывая селян покориться аллаху, Мустафаев и Сарамурзов, однако, предпочитают подчинять верующих своей собственной воле. Старцы разработали свой уклад жизни, и уже многие годы его основы остаются незыблемыми. Когда в Канглах верующие женятся, они, прежде чем переступить порог загса, направляются к муллам. У тех своя такса: жених платит за венчание десять рублей (новыми деньгами). Вдовушкам идут навстречу. Вдовушкам скидка. За вдову муллы берут с жениха только пять рублей.

Вообще, надо сказать, молодоженам в Канглах еще повезло. Они отделываются от мулл легким испугом. Значительно печальнее обстоят дела с покойниками. Покойникам явно достается. С них муллы, как говорится, шкуру дерут.

Прежде чем отправиться «в мир иной», покойник обязан доставить с собой на кладбище кругленькую сумму: как минимум, сто рублей, запасной костюм, вторую пару обуви, дорогие отрезы, щедрые дары родственников. Лишь тогда муллы начинают прощальное моление. А когда усопшего опускают в могилу, представители аллаха вежливо говорят:

— Осторожнее! Не тревожьте его душу. Она уже вознеслась к небу. А перед самым взлетом очень просила нас взять деньги, костюм, обувь, отрезы и все эти вещи, которые на том свете покойному совершенно не нужны. Нельзя так нагружать сердечного. Ему предстоит долгий путь...

И Мустафаев с Сарамурзовым тут же начинают делить деньги, сапоги и рубашки. Нередко эти сцены сопровождаются отнюдь не божественными словами. Муллы ссорятся, часто дело заканчивается потасовкой. Подарочки от мертвых душ настолько полюбились муллам, что теперь они, не моргнув глазом, прямо заказывают опечаленным родственникам усопшего:

— Учтите: похолодало. Вашему покойнику надо купить на дорогу теплое одеяло, пятнадцать метров сатина, зимнее пальто с каракулевым воротником, ереванский ковер и майкопский буфет. Холодильник не нужен. Положите еще деньги.

Творческие способности мулл особенно раскрываются в дни религиозных мусульманских праздников. Магомед Мустафаев и Эдыге Сарамурзов облагают канглинцев особым, торжественным налогом. Они обходят дома и с каждой души взыскивают сорок копеек. Впрочем, не только с наличной. Если в семье четыре человека, мулла объявляет:

— Платите два целковых.

— Позвольте,— робко возражает иной хозяин,— четырежды четыре — шестнадцать... Итого, рубль шестьдесят...

— Молодец,— одобряет его математические способности мулла,— таблицу умножения хорошо знаешь. В твоей семье действительно четыре человека. Однако, даст аллах — и будет пятый... Плати авансом и за него...

Лишь за один байрам мулла Сарамурзов собрал более восьмисот рублей...

Как-то рабочие совхоза «Кавказ» вытащили из глубокой и грязной лужи неизвестного старика. Его долго обмывали, а когда вычистили, неизвестный оказался Сарамурзовым. Мулла благодарно выдохнул сорокаградусный перегар:

— Спасибо, пр-правоверные. Да б-благословит вас аллах! Вы сделали д-доброе дело. Назло всем неверным свиньям м-мулла залез в грязь. Вы заботливо д-достали его, обмыли... Молодцы! Да п-простятся вам все ваши г-грехи!..

В религиозный праздник курбан-байрам муллы переключаются на баранов. По сельской улице чинно движется подвода, на которой восседают Магомед Мустафаев и Эдыге Сарамурзов. Подвода останавливается у каждого дома. Из ворот выходит хозяин и несет уполномоченным аллаха шкуру только что зарезанного барана. С покойников шкуру дерут символически, а с баранов — буквально. Шкуру кладут на подводу, муллы великодушно разрешают верующему поцеловать их руки. Все довольны: правоверный кланяется, баран молчит, мулла улыбается...

Когда на подводе вырастает гора бараньих шкур, муллы направляются прямо к заготовителям рабкоопа ближайшего совхоза, о которых в коране ни слова не сказано. О заготовителях муллы неплохого мнения: они превращают содранные шкуры в деньги. Не нравится Мустафаеву и Сарамурзову лишь то, что работники совхоза, покупая сотни шкур у «священнослужителей», выписывают квитанции. А для чего? Зачем следы оставлять? Благодарение аллаху, что Сарамурзов еще нашел простой выход.

— Выписывай квитанцию на того, кто дал мне шкуру,— сказал он заготовителю Дмитрию Гавриловичу Бондаренко. И, обращаясь к одному из правоверных, добавил: — Видишь, как хорошо получается: шкуру отдадим Бондаренко, квитанцию — тебе, а деньги я передам аллаху.

Что и говорить, много «чудес» творится в Канглах, и все это, как утверждают муллы, по воле аллаха. Муллы воскресили в селе дикий обычай выкупать невест за деньги у родителей. Размеры калымов исчисляются иногда сотнями рублей.

В окрестностях села Канглы трудятся рабочие совхозов «Кавказ», «Первомайский», «Суворовский». Они добиваются высоких урожаев, поднимают животноводство, покрывают землю цветущими садами. А в это время, рядясь в тогу праведников, муллы грабят суеверных людей.

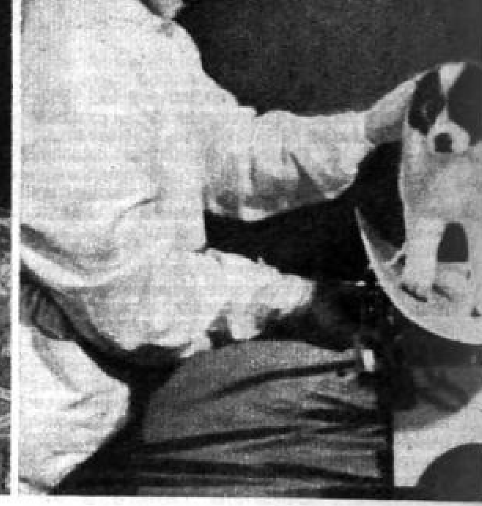
Не слишком ли вольготно живется в Канглах святым тунеядцам?

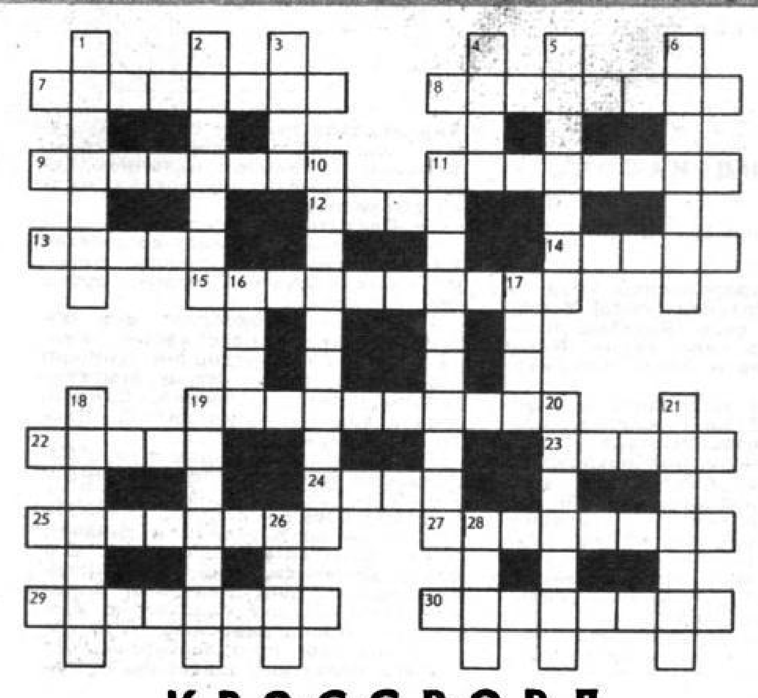
Copyrighted material

Белка, Стрелка и щенята

Белка и Стрелка.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Руководитель первого кругосветного путешествия. 8. Русский историк. 9. Южное созвездие. 11. Персонаж комедии Мольера «Скупой». 12. Столица европейского государства. 13. Один из языков Индии. 14. Химический элемент. 15. Ударный музыкальный инструмент. 19. Раздел оптики. 22. Немецкий поэт. 23. Соловьиное пение. 24. Коренное население Автономной Советской Республики. 25. Гончарное изделие. 27. Герой Великой Отечественной войны. 29. Озеро в Канаде. 30. Миндальное тесто.

По вертикали:

1. Синтетическая смола. 2. Общепризнанный деятель науки, искусства, литературы. 3. Серый попугай. 4. Приток Волги. 5. Горы в Европе. 6. Основоположник русской шахматной школы. 10. Процесс создания спектакля. 11. Теплое морское течение. 16. Мифический корабль древних греков. 17. Пьеса М. Е. Салтыкова-Щедрина. 18. Понижение в горном хребте. 19. Музыкальный знак. 20. Пресмыкающееся. 21. Птица. 26. Остров в группе Больших Антильских островов. 28. Монгольский скотовод.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали:

7. «Консуэло». 8. Ермолова. 9. Горихвостка. 13. Груша. 15. Накат. 17. Люцерна. 18. Осип. 19. «Фрам». 20. Отжиг. 21. Эгида. 22. Тигр. 25. Лука. 27. Барабан. 28. Стена. 30. Стырь. 31. Амортизация. 34. Минданао. 35. Батискаф.

По вертикали:

1. Гондурас. 2. Дурова. 3. «Лорх». 4. Песо. 5. Боткин. 6. «Светлана». 10. Иллюминатор. 11. Ветер. 12. Стенограмма. 14. Шапорин. 16. Асфальт. 23. Интертип. 24. Ваяти. 26. Карандаш. 29. Аммиак. 30. Стихия. 32. Трот. 33. Зябь.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02039. Подписано к печати 15/II 1961 г.
Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 900 000. Изд. № 221. Заказ 313.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

КУКЛЫ ИГРАЮТ СКАЗКУ

«В-з-з-з...» Летит стрела. За ней другая. Третья. Распахиваются узорчатые ставенки, выглядывают глуповато-озабоченные лица родителей — Царя и Царицы.

— Вишь ты, до чего разгулялись сыновья, как бы вовсе дворец не разнесли! Пусть-ка лучше идут невест себе искать. Куда стрела падет, там и судьба ждет.

И вновь со свистом летят каленые стрелы. Вот уже встретился старший сын Царя со своей суженой. Манерная, жеманная, капризная... Как чуть что не понравится, пронзительно пищит генеральская дочь: «Ах, ах, падаю в бесчуйствии!» И в самом деле падает, показывая золоченые туфельки на острых каблучках-шпилечках...

А вот и вторая невеста — купеческая дочь, раздобревшая, круглая, как копна, с заплывшими, сытыми глазками. Впрочем, за себя постоять тоже умеет!..

Навстречу же меньшому царскому сыну прыгает на лесном болоте смешная зеленая лягушка.

— Ну и невеста!.. Надо ж случиться этакому горю...

Но пусть до поры до времени издеваются над закручинившимся Иванушкой старшие братья и их самодовольные, кичливые избранницы. Произойдут чудеса, оборотится лягушка Василисой Премудрой, ненаглядной умницей-разумницей, доброй рукодельницей. И много еще будет впереди самых невероятных, захватывающих дух событий. Появится страшный Кощей со своими слугами-упырями да еще Баба-Яга в придачу.

А Иванушка и Василиса все равно справятся с ними!

...За всеми приключениями героев старой народной сказки внимательно следят юные зрители. Они горячо аплодируют новому спектаклю «Царевна-лягушка», идущему в Государственном центральном театре кукол под руководством народного артиста СССР С. В. Образцова.

Занятно, с хорошей выдумкой поставили С. Образцов и Б. Аблынин пьесу Н. Гернет. Спектакль оформлен в стиле лубка — наивном и ярком — художником Б. Тузлуковым.

Н. ПАВЛОВА

На последней странице обложки: Персонажи нового спектакля «Царевна-лягушка» в Государственном центральном театре кукол.

Фото Дм. Бальтерманца.

После выступления «Огонька»

«ЗАБЫТАЯ ПРОФЕССИЯ»

«Мне всего 20 лет, — пишет в редакцию учащийся К., — но я лысый. Помогите мне, пожалуйста, приобрести парик. Ведь каждый праздник приносит людям счастье, веселье, а мне лишь огорчение».

«Я молодая женщина, но у меня выпали волосы, — делится своим горем Раиса Ш. — Зимой и летом я не снимаю платка. Очень прошу, помогите мне заказать парик».

Гражданка Г. рассказывает, что ее девятнадцатилетняя дочь после нервного потрясения облысела. Девушка «стала замкнутой, никуда не ходит. Помогите моей дочери, — просит Г., — снова стать нормальным человеком».

«Около двух лет я ищу парик, но безрезультатно, — сообщает читатель К. — Вношу предложение: открыть мастерскую по изготовлению париков хотя бы в Москве, а потом и в областных центрах. Нужно поручить создание мастерской тому, кто руководит работой столичных парикмахерских. Нельзя допустить, чтобы это дело потонуло в бумажной волоките по вине равнодушных людей и бюрократов».

Таких писем, полных порой большого человеческого горя, редакция получила десятки. Авторы, откликнувшись на заметку «Забытая профессия» («Огонек» № 36 за 1960 год), с надеждой ожидают, что им помогут. Просьбы читателей редакция передала в два министерства.

Начальник отдела специализированной медицинской помощи Министерства здравоохранения РСФСР Г. Митерева ответила, что к ним тоже «обращаются трудящиеся с просьбой о приобретении парика, так как в парикмахерских теперь производством париков не стали заниматься. Лучшие мастера этого дела — парикмахеры. Поэтому целесообразно организовать производство париков в одной из крупных парикмахерских. Министерство здравоохранения РСФСР со своей стороны примет меры по санитарному надзору за этой мастерской».

А начальник управления предприятий коммунального обслуживания и благоустройства городов Министерства коммунального хозяйства РСФСР П. Егоров спешит свалить работу на соседей:

«Управление считает необходимым, чтобы при предприятиях Министерства здравоохранения, изготовляющих протезы, были организованы соответствующие цеха по изготовлению париков. Передача этих функций парикмахерским управление считает нецелесообразным, так как это отвлечет кадры парикмахеров от их прямых обязанностей. Кроме того, это вызовет создание производственных мастерских, несвойственных парикмахерскому хозяйству».

Этот ответ — формальная отписка: где угодно, только не у нас! Тов. Егоров не хочет возродить хорошую традицию и делать парики в парикмахерских. А ведь мастера парикмахерского дела должны уметь делать парики.

ПОХОРОНЕНА РЫБА

На одном из кладбищ Англии похоронена рыба. Надпись на надгробной плите гласит:

Память о Старой Рыбе.
Здесь покоится старая рыба.
Она жила 20 лет и затем умерла.
Она была такая ручная — вы понимаете:
она подплывала и брала пищу из наших рук.
Умерла 20 апреля 1855 года в возрасте 20 лет.

На первой странице обложки: На Ферганском нефтеперерабатывающем заводе недавно закончился монтаж второй очереди маслоблока. Славно поработали на монтаже молодые сварщики Р. Барзиев, А. Балатуков, мастер участка А. Сньеткова, слесарь-монтажник Х. Усманов и электросварщица Э. Шлюнд. (См. в номере репортаж «Дорога уходит вдаль».)

Фото Д. Ухтомского.

Copyrighted material

Щенки хорошо прибавляют в весе.

Наигравшись вволю, утоляют жажду.

Хочется все самому попробовать.

На старт!

Внимание...

Марш!

Рисунок В. Соловьева.

— Ваша очередь.
— Не могу. У нас в цехе в это время производственная гимнастика.

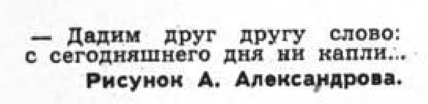
Рисунок В. Воеводина.

Индивидуалист.

Рисунок А. Курицына.

— Дадим друг другу слово: с сегодняшнего дня ни капли...

Рисунок А. Александрова.

На воскресной прогулке.

Рисунок Г. и В. Караваевых.

Рыбий жир и витамины принимают ежедневно.

Мамаша всегда в волнении...

Дымка, Дамка, Малышка, Тишка, Пушинка и Кудряшка.

Copyrighted material

